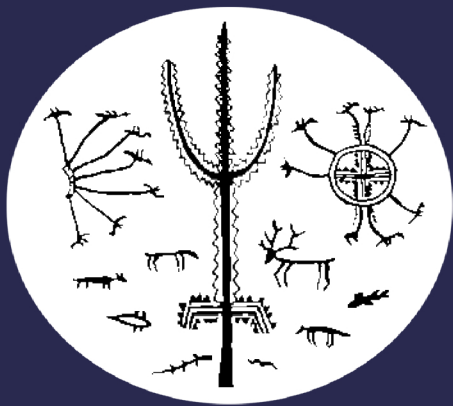

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 2 (61) 2026

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 2 (61) 2026

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 2 (61) 2026

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 2 (61) 2026

Maria P. Bezenova. Dialectal features of non-personal pronouns in the first printed gospels in Udmurt	7
Maria Kosheleva. Evidence acquisition time and result: the case of the Kildin Saami inferential Perfect	21
Elena M. Napolnova. Secondary meanings of the Turkish lexeme <i>göz</i> 'eye'	55
Julia V. Normanskaja, Fanuza Sh. Nurieva, Gulshat R. Galiullina, Ayrat F. Yusupov. Stress and its possible influence on the development of first-syllable vowels in the dictionary <i>Tatarica casanensium</i> by Johann Eberhard Fischer (1768)	67
Anastasiia D. Podgornaia, Anastasiia I. Kriukova. The versatile filler <i>marâm</i> in Tatyshly Udmurt: a corpus study	84
Vladimir V. Tišin. "A song of the Chat Tatars" of the 18 th century: an attempt of reconstruction of the text, language and period of origin of its plot	108
Author guidelines	122

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 2 (61) 2026

М. П. Безенова. Диалектные особенности неличных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке	7
М. И. Кошелева. Время получения свидетельств и результат: кильдинский саамский инферентивный перфект	21
Е. М. Напольнова. Вторичные значения турецкой лексики <i>göz</i> 'глаз'	55
Ю. В. Норманская, Ф. Ш. Нуриева, Г. Р. Галиуллина, А. Ф. Юсупов. Ударение и его возможное влияние на развитие гласных первого слога в словаре «Tatarica Casanensium» Иоганна Эберхарда Фишера (1768).....	67
А. Д. Подгорная, А. И. Крюкова. Универсальный заместитель <i>marâm</i> в татыштинском говоре удмуртского языка: корпусный анализ	84
В. В. Тишин. «Песня чатских татар» XVIII в.: опыт реконструкции текста, языка и времени возникновения сюжета	108
Информация для авторов	122

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь
М. П. Безенова
(д.ф.н., Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., университет Берлина им. Гумбольдта)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия)

Editor-in-Chief
Anna Dybo
(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief
Yulia Normanskaya
(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary
Maria Bezenova
(Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinsky (Humboldt University of Berlin), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Talmas Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Диалектные особенности неличных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке

Безенова Мария Петровна,

Удмуртский федеральный исследовательский центр УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Статья посвящена описанию особенностей употребления неличных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке. Источниковой базой исследования послужил корпус текстов переводных Евангелий от Матфея и Марка на глазовском и от Матфея на сарапульском наречиях удмуртского языка, изданных в 1847 г.

Цель работы — выявление и описание специфических черт системы местоимений в анализируемых памятниках в сопоставлении с современными литературными нормами и диалектными данными, включая материалы словаря Ю. Вихманна (1987) и полевые исследования. В статье подробно рассматриваются все разряды неличных местоимений: притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные и определительные. Установлено, что, хотя большинство форм соответствует современным нормам, в текстах встречаются многочисленные отклонения, отражающие как графико-орфографическую вариативность письменных памятников первой половины XIX в., так и живые диалектные черты.

В результате анализа выявлены диалектные особенности, связанные с фонетическим оформлением неличных местоимений (в частности, употребление указательных местоимений *соѳэ*, *ыѳэ*, *ѳѳэ* ‘такой’, функционирование вопросительно-относительного местоимения *кѳѳэ* ‘какой’, наличие вопросительно-относительного местоимения *кин’* ‘кто’ и др.); кроме того, зафиксированы некоторые лексические диалектизмы (*воч*, *вич* ~ *выч*, *вочак*, *вичак* ‘весь, все, всё’). Полученные результаты подтверждают ценность первых печатных Евангелий как источника для реконструкции диалектного ландшафта удмуртского языка первой половины XIX в., а также для изучения истории формирования его литературной нормы.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалекты удмуртского языка, морфология удмуртского языка, местоимения, памятники письменности, Евангелия

DIALECTAL FEATURES OF NON-PERSONAL PRONOUNS IN THE FIRST PRINTED GOSPELS IN UDMURT

Maria P. Bezenova, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk),
Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article examines the usage patterns of non-personal pronouns in the first printed Gospels in the Udmurt language. The study is based on a corpus of translated texts published in 1847: namely, the Gospels of Matthew and Mark in the Glazov dialect, and the Gospel of Matthew in the Sarapul dialect of Udmurt.

The aim of the study is to identify and describe the specific features of the pronoun system attested in these sources, in comparison with modern literary norms and dialectal data, including Y. Wichmann’s dictionary (1987) and recent fieldwork materials. The analysis covers all categories of non-personal pronouns: possessive, demonstrative, interrogative-relative, negative, indefinite, and determinative.

Although most forms conform to modern norms, the texts exhibit numerous deviations that reflect both the graphic and orthographic variation characteristic of early 19th-century writing and genuine dialectal features. The analysis reveals dialectal traits related to the phonetic realization of non-personal pronouns, including the use of demonstrative pronouns *soffe*, *ıffe*, *zffe* (‘such’), the interrogative-relative pronoun *kzffe* (‘what kind of’), and the interrogative-relative pronoun *kin’* (‘who’). In addition, several dialectal words are attested, such as *vole*, *vile* ~ *vile*, *voleak*, *vileak* (‘whole, all, everything’). These findings confirm the importance of the first printed Gospels as a key source for reconstructing the dialectal landscape of Udmurt in the first half of the 19th century, as well as for tracing the development of its literary norm.

Keywords: the Udmurt language, Udmurt dialects, morphology of the Udmurt language, pronouns, written record, Gospels

Описание глазовских Евангелий выполнено при поддержке гранта РФ № 24-78-10041 «Русско-удмуртский параллельный корпус: разработка инструментария и сопоставительные исследования». Анализ сарапульского Евангелия проведен при поддержке гранта РФ № 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ».

1. Введение

Дореволюционные памятники удмуртской письменности представляют собой обширный источник данных, без всестороннего анализа которого невозможно точно восстановить историческое развитие как всего удмуртского языка, так и его диалектов. Особую актуальность исследование этих текстов приобретает в контексте становления и эволюции удмуртского литературного языка. На сегодняшний день указанные процессы изучены фрагментарно, и именно письменные источники, наряду с материалами современных говоров, служат основой для их реконструкции. Более того, анализ памятников (пусть и ограниченный, в силу их относительно позднего происхождения) способен пролить свет на отдельные вопросы формирования фонетического строя, грамматических структур и лексического состава удмуртского языка.

Данная статья является продолжением работы [Безенова 2025], в которой были описаны особенности употребления личных местоимений в первых удмуртских печатных Евангелиях: «Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелистов Матфея и Марка на русском и вотякском языках, Глазовского наречия» (1847), «Господа нашего Иисуса Христа Евангелия от св. евангелиста Матфея на русском и вотякском языках, Сарапульского наречия» (1847)¹. В центре внимания статьи — анализ функционирования неличных местоимений в этих памятниках письменности.

Основная цель нашего исследования заключается в выявлении и описании специфических черт системы местоимений в рассматриваемых Евангелиях на фоне современных литературных норм. Анализ особенностей местоимений в письменных источниках проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. В частности, использованы данные лексикографического труда финского ученого Ю. Вихманна «Wotjakischer Wortschatz» (1987)², который до сих пор остается наиболее полным и авторитетным диалектологическим словарем удмуртского языка. Результаты настоящего исследования, на наш взгляд, в дальнейшем позволят описать историю формирования системы местоимений в удмуртском языке, а также в целом будут полезны при изучении вопросов пермской и финно-угорской морфологии.

2. Неличные местоимения в удмуртских Евангелиях 1847 г.

В современном удмуртском языкознании принято выделять 12 разрядов местоимений³, которые подразделяются на две группы: личные (собственно-личные, усилительно-личные, взаимно-личные, счетно-личные, обобщенно-личные, послеложно-личные⁴) и неличные (притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные) [Тараканов 2007: 117; УКС 2011: 109]. Анализ первых удмуртских печатных Евангелий показывает, что в них представлены все разряды неличных местоимений. Большинство форм соответствует современным литературным нормам, однако в ряде случаев наблюдаются отклонения, в том числе отражающие диалектные черты, характерные для языка этих текстов. Рассмотрим каждый разряд неличных местоимений подробнее и выявим особенности, которые встречаются в их употреблении.

2.1. Притяжательные местоимения

Роль притяжательных местоимений в современном удмуртском языке выполняют следующие грамматические формы личных местоимений: а) краткая неизменяемая основа усилительно-личного местоимения *ас* ‘свой’; б) краткая основа усилительно-личного местоимения *ась-* с притяжательными маркерами (*асьме* ‘наш’, *асьтэ* ‘ваш’, *асьсэ* ‘их’); в) генитивные и аблативные формы усилительно-личных местоимений (*аслам*, *аслэсьтым* ‘мой (свой)’, *аслад*, *аслэсьтыд* ‘твой (свой)’, *аслаз*, *аслэсьтыз* ‘его

¹ Тексты этих Евангелий размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка (<https://udmcorpus.udman.ru/memorials>), который и послужил источником анализируемого материала.

² Материалы для словаря были собраны Ю. Вихманном в конце XIX в.

³ В научной литературе встречаются и другие подходы к классификации удмуртских местоимений. Например, в работе [Winkler 2001] выделяется семь семантических разрядов: личные, указательные, возвратные, взаимные, вопросительно-относительные, неопределенные и количественные; в [ГСУЯ 1962] их восемь: личные (собственно-личные), взаимно-личные, притяжательные, указательные, вопросительно-относительные, отрицательные, неопределенные, определительные.

⁴ Группу слов, включенных в разряд послеложно-личных местоимений, по мнению некоторых лингвистов, стоит отнести к наречиям [Каракулов 2004: 76—77; Карпова 2020: 240].

(свой)', *асъмелэн, асьмелэсь* 'наш (свой)', *асътэлэн, асьтэлэсь* 'ваш (свой)', *асьсэлэн, асьсэлэсь* 'их (свой)'; г) генитивные и аблативные формы собственно-личных местоимений (*мынам, мынэсьтым* 'мой', *тынад, тынэсьтыд* 'твой', *солэн, солэсь* 'его', *милям, милэсьтым* 'наш', *тйляд, тйлэсьтыд* 'ваш', *соослэн, соослэсь* 'их')⁵ [УКК 2011: 122]. Эти формы встречаются и в текстах первых удмуртских печатных Евангелий:

[Матфей Сар.]: *асъ* (115)⁶ ~ *асъ* (13) ~ *асъ* (2) 'свой'⁷ — лит. *ас*; *асътэ* (1) 'ваш' — лит. *асътэ*; *аслазъ* (11) ~ *аслазъ* (5) 'его (свой)' — лит. *аслаз*; *аслэсьтымъ* (1) ~ *асъ-лэсьтымъ* (1) 'мой (свой)' — лит. *ас-лэсьтым, аслэсьтыдъ* (1) ~ *асълэсьтыдъ* (1) ~ *асълэсьтыдъ* (1) 'твой (свой)' — лит. *аслэсьтыд, асьлэсьтызъ* (1) 'его (свой)' — лит. *аслэсьтыз*; *мынамъ* (42) ~ *мынамъ* (2) ~ *мынамъ* (1) ~ *мынамъ* (1) 'мой' — лит. *мынам, тынадъ* (26) ~ *тынадъ* (2) ~ *тынадъ* (1) ~ *тынадъ* (1) 'твой' — лит. *тынад, солэнъ* (59) ~ *со-лэнъ* (9) ~ *со-лэнъ* (9) ~ *со-лэнъ* (4) ~ *солэнъ* (1) 'его' — лит. *солэн, милямъ* (5) 'наш' — лит. *милям, тйлядъ* (21) 'ваш' — лит. *тйляд, со-ослэнъ* (3) ~ *соосъ-лэнъ* (3) ~ *соосъ-лэнъ* (1) ~ *соосълэнъ* (1) 'их' — лит. *соослэн, мынэсьтымъ* (4) ~ *мынэсьтымъ* (1) ~ *мынэсьтымъ* (1) 'мой' — лит. *мынэсьтым, тынэсьтыдъ* (3) ~ *тынэсь-тыдъ* (1) 'твой' — лит. *тынэсьтыд, солэсь* (22) ~ *со-лэсь* (5) ~ *солэсь* (2) ~ *со-лэсь* (1) 'его' — лит. *солэсь, милэсьтымъ* (1) ~ *милэсьтымъ* (1) 'наш' — лит. *милэсьтым, тилэсьтыдъ* (2) 'ваш' — лит. *тилэсьтыд, соосъ-лэсь* (5) ~ *соосъ-лэсь* (1) ~ *соосълэсь* (1) ~ *соосълэсь* (1) 'их' — лит. *соослэсь*;

[Матфей Глаз.]: *асъ* (90) ~ *асъ* (21) ~ *асъ* (4) 'свой' — лит. *ас*; *асътэ* (1) 'ваш' — лит. *асътэ*; *асламъ* (3) 'мой (свой)' — лит. *аслам, асладъ* (11) ~ *асладъ* (1) 'твой (свой)' — лит. *аслад, аслазъ* (23) ~ *аслазъ* (16) 'его (свой)' — лит. *аслаз*; *аслэсьтымъ* (2) 'мой (свой)' — лит. *аслэсьтым, аслэсьтыдъ* (2) ~ *асъ-лэсьтыдъ* (1) 'твой (свой)' — лит. *аслэсьтыд, аслэсьтызъ* (1) ~ *аслэсьтызъ* (1) ~ *асълэсьтызъ* (1) 'его (свой)' — лит. *аслэсьтыз*; *мынамъ* (57) ~ *мынамъ* (3) ~ *мынамъ* (1) ~ *мынамъ* (1) 'мой' — лит. *мынам, тынадъ* (42) ~ *тынадъ* (6) ~ *тынадъ* (1) ~ *тынадъ* (1) 'твой' — лит. *тынад, солэнъ* (94) ~ *со-лэнъ* (3) ~ *солэнъ* (1) 'его' — лит. *солэн, милямъ* (5) 'наш' — лит. *милям, тйлядъ* (41) ~ *тйлядъ* (4) 'ваш' — лит. *тйляд, соосълэнъ* (17) ~ *соосъ-лэнъ* (4) ~ *соосъ-лэнъ* (2) ~ *соосъ-лэнъ* (1) ~ *соосъ-лэнъ* (1) 'их' — лит. *соослэн, мынэсьтымъ* (3) ~ *мынэсьтымъ* (1) ~ *мынэсьтымъ* (1) ~ *мынэсьтымъ* (1) 'мой' — лит. *мынэсьтым, тынэсьтыдъ* (3) ~ *тынэсьтыдъ* (1) ~ *тынэсьтыдъ* (1) 'твой' — лит. *тынэсьтыд, солэсь* (22) ~ *со-лэсь* (2) ~ *солэсь* (1) 'его' — лит. *солэсь, милэсьтымъ* (1) ~ *милэсьтымъ* (1) 'наш' — лит. *милэсьтым, соосъ-лэсь* (3) ~ *соосълэсь* (2) 'их' — лит. *соослэсь*;

[Марк]: *асъ* (9) ~ *асъ* (3) ~ *асъ* (2) 'свой' — лит. *ас*; *асламъ* (3) 'мой (свой)' — лит. *аслам, асладъ* (3) ~ *асладъ* (1) 'твой (свой)' — лит. *аслад, аслазъ* (31) ~ *аслазъ* (22) ~ *аслазъ* (2) 'его (свой)' — лит. *аслаз*; *аслэсьтымъ* (1) ~ *аслэсьтымъ* (1) 'мой (свой)' — лит. *аслэсьтым, аслэсьтыдъ* (2) ~ *аслэсьтыдъ* (1) ~ *аслэсьтыдъ* (1) 'твой (свой)' — лит. *аслэсьтыд, аслэсьтызъ* (10) ~ *аслэсьтызъ* (6) ~ *аслэсьтызъ* (4) ~ *аслэсьтызъ* (2) ~ *аслэсьтызъ* (1) ~ *аслэсьтызъ* (1) ~ *аслэсьтызъ* (1) ~ *аслэсьтызъ* (1) 'его (свой)' — лит. *аслэсьтыз*; *мынамъ* (23) ~ *мынамъ* (10) 'мой' — лит. *мынам, тынадъ* (21) ~ *тынадъ* (6) 'твой' — лит. *тынад, солэнъ* (41) ~ *солэнъ* (9) ~ *со-лэнъ* (9) 'его' — лит. *солэн, милямъ* (3) 'наш' — лит. *милям, тйлядъ* (8) ~ *тйлядъ* (2) 'ваш' — лит. *тйляд, соосълэнъ* (7) ~ *соосълэнъ* (2) ~ *соосъ-лэнъ* (2) ~ *соосълэнъ* (1) ~ *соосълэнъ* (1) 'их' — лит. *соослэн, мынэсьтымъ* (1) 'мой' — лит. *мынэсьтым, тынэсьтыдъ* (1) 'твой' — лит. *тынэсьтыд, солэсь* (7) ~ *солэсь* (6) 'его' — лит. *солэсь, тилэсьтыдъ* (1) 'ваш' — лит. *тилэсьтыд, соосълэсь* (3) ~ *соосълэсь* (1) ~ *соосъ-лэсь* (1) ~ *соосъ-лэсь* (1) ~ *со-осълэсь* (1) 'их' — лит. *соослэсь*.

В целом можно отметить, что формы притяжательных местоимений в текстах первых печатных Евангелий соответствуют современным литературным нормам. Однако в Евангелии от Марка основа генитивной и аблативной форм собственно-личного местоимения 3-го лица множественного числа употребляется в виде *сойос* (графически *сойосъ*), который является первичным по отношению к литературному варианту *соос* [Карпова 2024: 648]. В современных удмуртских диалектах преобладает форма *соос*. Вариант *сойос* встречается в ряде современных южноудмуртских говоров [Кельмаков 2006: 116], а также в некоторых северноудмуртских: в косинском и слободском говорах нижнечепецкого диалекта, в ярском, глазовском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта [Карпова 2020: 240—241].

В рукописных переводах Евангелий от Иоанна [Иоанн АРАН; Иоанн РГИА] и от Луки [Лука АРАН; Лука РГИА], подготовленных в тот же период, что и анализируемые тексты, на северноудмуртских говорах (подробнее см. [Безенова 2023а; 2023б]), функционирует аналогичная форма *сойос* (графически

⁵ Детальное описание разрядов собственно-личных и усилительно-личных местоимений содержится в [Безенова 2025: 9—16]. По мнению некоторых ученых, притяжательные местоимения в удмуртском языке следует рассматривать как обособленную группу (см., например, [Кондратьева, Стрелкова 2020].)

⁶ Здесь и далее в скобках после примера из памятника приводится количество соответствующих форм, представленных в письменном источнике.

⁷ В примерах сохранена графика и орфография источников. Переводы даются по электронному удмуртско-русскому словарю <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> с учетом контекстов.

сойѡсь)⁸. Единичные случаи употребления *сойос* (графически *сойѡс*) встречаются и в более позднем памятнике удмуртской письменности — в книге «Закон Божий. Книжка с картинками для маленьких детей. На вотском языке глазовского наречия» (1912) [Безенова 2022: 166]. Использование в глазовском варианте перевода Евангелия от Матфея формы *соос*, вероятно, связано с историей его возникновения: этот текст появился позднее, и при работе переводчик, скорее всего, опирался на уже готовый сарапульский вариант (подробнее см. [Безенова 2025: 13]).

Другие отклонения от современных литературных норм, касающиеся употребления в памятниках графемы *и* в соответствии с лит. *й* (например, *тилядь* ~ *тилядь* ‘ваш’ [Марк] — лит. *тйляд*), наличия *ь* в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный (например, *асъ* ~ *асъ* ~ *асъ* ‘свой’ [Матфей Глаз.; Матфей Сар.; Марк] — лит. *ас*), использования в некоторых случаях буквы *е* в соответствии с лит. *э* (например, *аслесьтыдь* ~ *аслесьтыдь* (ср. *аслэсьтыдь*) ‘твой (свой)’ [Матфей Сар.] — лит. *аслэсьтыд*), а также функционирования твердых согласных в соответствии с мягкими в литературном (например, *мынэсьтымъ* ~ *мынэсьтымъ* (ср. *мынэсьтымъ*) ‘мой’ [Матфей Глаз.] — лит. *мынэсьтым*) или, напротив, мягких согласных в соответствии с твердыми в литературном (например, *аслэсьтызь* (ср. *аслэсьтызь*) ‘его (свой)’ [Матфей Глаз.] — лит. *аслэсьтыз*), на наш взгляд, объясняются графико-орфографическим своеобразием печатных Евангелий 1847 г. (подробнее см. [Ившин 2010: 97—134]). Приведенные примеры показывают большую вариативность в написании одних и тех же слов, особенно при передаче мягких и твердых согласных, а также фонемы *э*, что явно свидетельствует об отсутствии закрепленных норм правописания в удмуртском языке на момент издания этих книг. В текстах рассматриваемых Евангелий, кроме того, наблюдается тенденция к отделению аффиксов (в частности, падежных маркеров) от корневой морфемы посредством дефиса, что также является характерной чертой орфографической системы удмуртских письменных памятников первой половины XIX в.

2.2. Указательные местоимения

Данная группа в удмуртском литературном языке представлена следующими местоимениями: *та* ‘этот, эти’, *со* ‘тот, те’, *таѡе* ‘такой’, *сыѡе* ‘такой’, *тамында* ‘столько’, *сомында* ‘столько’ [УКК 2011: 125]. Подобные формы встречаются и в анализируемых текстах:

[Матфей Сар.]: *со* (75) ~ *сò* (2) ~ *сó* (1) ‘тот, та, то; те’ — лит. *со*, *сочè* (3) ~ *сочè* (2) ~ *соче* (1) ~ *сочè* (1) ~ *сычè* (5) ~ *сыче* (1) ~ *сычè* (1) ‘такой, такая, такое; такие’ — лит. *сыѡе*, *сычè-эзъ* (1) ‘(именно) такой’ — лит. *сыѡеез*, *со мында* (2) ‘столько’ — лит. *сомында*, *та* (144) ~ *та* (24) ~ *та* (16) ‘этот, эта, это; эти’ — лит. *та*, *тачè* (2) ~ *тачè* (1) ‘такой, такая’ — лит. *таѡе*, *тачè-эзъ* (1) ‘(именно) такой’ — лит. *таѡеез*;

[Матфей Глаз.]: *со* (60) ~ *сò* (1) ~ *сó* (1) ‘тот, та, то; те’ — лит. *со*, *сочè* (5) ~ *сочè* (2) ~ *сочè* (3) ~ *сочè* (1) ~ *сычè* (1) ~ *сычè* (1) ‘такой, такая, такое; такие’ — лит. *сыѡе*, *со мында* ~ *со мында* ‘столько’ — лит. *сомында*, *та* (131) ~ *та* (34) ~ *та* (20) ‘этот, эта, это; эти’ — лит. *та*, *тачè* (2) ~ *тачè* (1) ‘такой, такая’ — лит. *таѡе*;

[Марк]: *со* (41) ~ *сò* (18) ~ *сó* (10) ‘тот, та, то; те’ — лит. *со*, *сойзъ* (2) ‘(именно) тот’ — лит. *сойз*, *ичè* (2) ~ *ичè* (1) ~ *ичè* (1) ~ *сочè* (1) ~ *эчè* (4) ~ *эчè* (4) ~ *эчè* (1) ‘такой, такая, такое; такие’ — лит. *сыѡе*, *та* (86) ~ *та* (29) ~ *та* (13) ‘этот, эта, это; эти’ — лит. *та*, *тайзъ* (1) ‘(именно) этот’ — лит. *тайз*, *тачè* (12) ‘такой, такое; такие’ — лит. *таѡе*.

Сначала отметим особенности графической системы анализируемых текстов, которые проявляются на этих примерах. Аффриката *й* в исследуемых памятниках передается буквой *ч* [Ившин 2010: 109—110]. Для обозначения своеобразной удмуртской гласной среднего подъема среднего ряда *ö* используется графема *э* (или *е*⁹) [там же: 99—100]. Для передачи *э* в первых печатных Евангелиях употребляются буквы *э* и *е* [там же: 104—106]. Фонема *ы* в абсолютном начале слова графически выражается через *и* (иногда — *ы*) [там же: 101—102].

В контексте анализа диалектных особенностей указательных местоимений необходимо отметить зафиксированную в рассматриваемых текстах фонетическую вариативность местоимения *сыѡэ* ‘такой’. В [Матфей Сар.] и [Матфей Глаз.] параллельно с формой *сыѡэ* (графически *сыче* ~ *сычè*), соответствующей литературной норме, функционирует вариант *сойэ* (графически *соче* ~ *сочè*), отличающийся корневой гласной. В [Марк] используются формы *ыѡэ* (графически *иче* ~ *ичè*) и *öѡэ* (графически *эче* ~ *эчè*), которые характеризуются выпадением анлаутной согласной, при этом последний вариант отличается от литературного еще и гласной (*ö* vs. *ы*). Вариант *сойэ* (графически *сочè*) встречается в [Марк] лишь в одном предложении, а *сыѡэ* и вовсе отсутствует.

⁸ Данные приводятся по Корпусу письменных памятников удмуртского языка (<https://udmcorpus.udman.ru/memorials>).

⁹ Примеры см. в разделе 2.3.

Выявленные формы представлены и в других дореволюционных памятниках удмуртского языка. Так, в [Иоанн АРАН; Иоанн РГИА] и [Лука АРАН; Лука РГИА] последовательно употребляется форма *сычэ* (графически *сыче* ~ *сычэ*); в качестве исключения в [Иоанн РГИА] в одном случае встречается вариант *о́чэ* (графически *эче*), а в [Лука АРАН] в двух предложениях — *сочэ* (графически *сэче* ~ *сэчэ*). В письменных памятниках второй половины XIX в., в основе которых лежат срединный и периферийно-южные говоры удмуртского языка, функционирует форма *ычэ* (графически *ыче* ~ *ыще*) [Безенова 2022: 27, 248, 296]. Интересно, что в словаре Ю. Вихманна, также отражающем лексику указанного периода, формы с инициальными гласными отсутствуют, ср. *sĭtšē* (G), *sĭtšē* (S, M, J, MU), *tšĭtšē*, *šĭtšē* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]. В письменных источниках начала XX в., подготовленных на северном и центрально-южном говорах, употребляется вариант *сычэ* (графически *сыче* ~ *сычэ*) [Безенова 2022: 127, 195].

Для современных удмуртских диалектов также характерна вариативность указательных местоимений, проявляющаяся в наличии или отсутствии начального согласного. По данным Л. Л. Карповой, в северных говорах в настоящее время выделяются следующие формы: *сычэ* ~ *ычэ* (ярский, глазовский, юкаменский говоры среднечепецкого диалекта), *сычэ* (базинский говор среднечепецкого диалекта, верхнечепецкий диалект), *о́чэ* (косинский говор нижнечепецкого диалекта), *о́чэ* ~ *о́чэ* ~ *ычэ* (слободской говор нижнечепецкого диалекта) [Карпова 2020: 273]. В 60-е гг. XX в. Т. И. Тепляшиной в языке бесермян также было зафиксировано несколько вариантов: *соче*, *сөче*, *сөше*, *өче*, *ө́че*, *өше* [Максимов 2024: 606]. В современных бесермянских говорах в качестве основных выступают формы *sč'e* ~ *səč'e*, реже встречается *əč'e*¹⁰. Варианты, отличающиеся от литературного, отмечены и в других удмуртских говорах, например в татышлинском *səš'e*¹¹, в шошминском *oč'e* [Максимов 2024: 606], в красноуфимском *шчэ* [Насибуллин 1978: 149].

Итак, в первых удмуртских печатных Евангелиях представлено несколько вариантов указательного местоимения *сычэ* ‘такой’, которые отражают диалектные особенности языка рассматриваемых текстов, при этом наличие общих форм в [Матфей Сар.] и [Матфей Глаз.], на наш взгляд, как и в предыдущем случае, объясняется историей создания этих книг. Учитывая широкое распространение вариантов с начальными гласными в разнодиалектных письменных памятниках XIX в. и в современных удмуртских наречиях, можно предположить, что эти формы более архаичны, хотя, по мнению Г. В. Федюновой, указательные основы с инициальными гласными в удмуртских диалектах возникли позже — от *s*-овых [Федюнова 2008: 102—103].

2.3. Вопросительно-относительные местоимения

К вопросительно-относительным в удмуртском литературном языке относятся местоимения *кин* ‘кто’, *ма*, *мар* ‘что’, *кыче* ‘какой’, *куд*, *кудйз* ‘который’, *көня* ‘сколько’ [УКК 2011: 125]. Соответствующие формы представлены и в первых печатных Евангелиях, однако в некоторых случаях наблюдаются отклонения от литературной нормы, ср.:

[Матфей Сар.]: *кинъ* (15) ~ *кйнъ* (5) ~ *кйнъ* (2) ~ *кинъ* (7) ~ *кйнъ* (3) ‘кто’ — лит. *кин*, *кудь* (7) ~ *кудь* (1) ‘который’ — лит. *куд*, *кудызь* (27) ~ *кудызь* (2) ‘который, которая, которое’ — лит. *кудйз*, *кэня* (4) ~ *кэня* (1) ‘сколько’ — лит. *көня*, *кэчэ* (2) ~ *кэчэ* (1) ‘какой, какое’ — лит. *кыче*, *ма* (3) ‘что’ — лит. *ма*, *маръ* (49) ~ *маръ* (10) ~ *маръ* (5) ‘что’ — лит. *мар*;

[Матфей Глаз.]: *кинъ* (10) ~ *кйнъ* (4) ~ *кйнъ* (4) ‘кто’ — лит. *кин*, *кудь* (10) ‘который’ — лит. *куд*, *кудызь* (40) ~ *кудызь* (2) ~ *кудызь* (1) ~ *ку-дызь* (1) ‘который, которая, которое’ — лит. *кудйз*, *кэня* (1) ~ *кэня* (3) ~ *кэня* (2) ‘сколько’ — лит. *көня*, *кэчэ* (2) ~ *кэчэ* (1) ‘какой’ — лит. *кыче*, *ма* (1) ‘что’ — лит. *ма*, *маръ* (47) ~ *маръ* (11) ~ *маръ* (5) ‘что’ — лит. *мар*;

[Марк]: *кйнъ* (10) ~ *кинъ* (1) ‘кто’ — лит. *кин*, *кудь* (3) ‘который’ — лит. *куд*, *кудызь* (11) ‘который, которая’ — лит. *кудйз*, *кэня* (4) ~ *кэня* (1) ‘сколько’ — лит. *көня*, *кэчэ* (2) ~ *кэчэ* (3) ~ *кэчэ* (1) ~ *кэчэ* (2) ‘какой’ — лит. *кыче*, *ма* (12) ~ *ма* (10) ‘что’ — лит. *ма*, *маръ* (10) ~ *маръ* (7) ~ *маръ* (5) ‘что’ — лит. *мар*.

В [Матфей Сар.] местоимение *кин* ‘кто’ встречается в двух вариантах: *кин* (графически *кинъ*) и *кин'* (графически *кинъ*). Форма с мягкой конечной согласной *кин'* в целом характерна для современных говоров южной диалектной зоны удмуртского языка (за исключением татышлинского, канлинского, буйско-таньпского), а также для языка бесермян и объясняется фонетической закономерностью: твердые дентальные *н*, *т*, *д* в позиции после *и* в указанных говорах, как правило, замещаются их мягкими коррелятами *н'*, *т'*, *д'* соответственно [Кельмаков 2006: 107]. Данные диалектологического словаря [Wichmann 1987] подтверждают это распределение: согласно источнику, вариант с мягким конечным согласным

¹⁰ Данные приводятся по https://beserman.web-corpora.net/multimedia_corpus/.

¹¹ Данные приводятся по https://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/.

¹⁴ Отрицательные местоимения в удмуртском языке часто используются с постпозитивной частицей *но*, которая усиливает степень отрицания.

[Матфей Глаз.]: *ненòкинъ-но* (2) ~ *ненóкинъ-но* (1) ~ *ненокинъ-нò* (1) ~ *ненокинъ-но* (1) ~ *ненокинъ-но* (1) ~ *не нокинъ-но* (1) ~ *не нòкинъ-но* (1) ~ *не нокинъ-но* (1) ~ *нокинъ-нò* (1) ~ *но-кинъ-но* (1) 'никто' — лит. *нокин* (но), *ненòкэчэ* (1) ~ *ненокэчэ-но* (1) 'никакой' — лит. *нокы́че* (но), *неномы́рь* (1) ~ *неномы́рьно* (1) ~ *неномы́рь-но* (2) ~ *неномы́рь-но* (1) ~ *неномы́рь-но* (1) ~ *не-неномы́рь-но* (1) ~ *не-неномы́рь-но* (1) ~ *неномы́рь-но* (1) 'ничто' — лит. *номы́рь* (но);

[Марк]: *но́кинъно* (4) ~ *но́кинъно* (1) ~ *но́кинъ-но* (6) ~ *но́кинъ-но* (2) ~ *нокинъ-но* (1) 'никто' — лит. *нокин* (но), *нокеня́но* (1) 'несколько' — лит. *ноко́ня* (но), *нокече́йкэ* (1) 'никакой' — лит. *нокы́че* ик, *нокуды́злэсьно* 'ни от которого' — лит. *нокуды́злэсь* (но), *номы́рэно* (3) ~ *номы́рэ-но* (2) ~ *номы́рэно* (2) ~ *номерэ́но* (4) ~ *номерэ́но* (1) 'ничто' — лит. *номы́ре* (но).

В [Марк] отрицательные местоимения, как и в литературном языке, образуются с помощью приставки *но-*, тогда как в [Матфей Сар.] и [Матфей Глаз.] (за исключением трех приведенных выше случаев) в этой же функции выступает приставка *н'эно-* (графически *нено-* ~ *не-но-* ~ *не но-*). Появление нестандартного префикса в глазовском Евангелии от Матфея, вероятно, объясняется влиянием сарапульского варианта, поскольку в Евангелии от Марка, как и в более позднем памятнике начала XX в. на северном наречии, представлены только стандартные формы с *но-*.

Следует также отметить, что в письменных источниках конца XIX в., в основе которых лежат кукморский и шошминский периферийно-южные говоры, встречается еще одна модификация — приставка *нино-* [Безенова 2024: 422]. В материалах Ю. Вихманна формы с *н'эно-* и *нино-* отсутствуют, ср. *но-ki'n-но* (G), *но-ki'n-но* (B), *но-ki'n-но* (B, J), *не-ki'n-но* (M), *но-kin-но* (J) 'никто' [Wichmann 1987: 171]. В современных говорах зафиксировано несколько вариантов префикса отрицательных местоимений: *но-*, *н'э-*, *н'эно-*, *нино-*, *нò-*, *ок-*, *эс'но-*, причем первые три из них могут параллельно употребляться в пределах одного диалекта [Кельмаков 2006: 139—140].

Вариант *н'эно-*, засвидетельствованный в [Матфей Сар.] и [Матфей Глаз.], отмечен в современных бесермянских [Тепляшина 1970: 205], некоторых северных [Карпова 2020: 284], средневожосточных [Бушмакин 1971: 282] и кыркмасских [Кельмаков 2006: 139] говорах удмуртского языка. По всей вероятности, он представляет собой контаминацию приставки *но-* (характерной для большинства современных удмуртских диалектов и литературного языка) и заимствованного из русского языка префикса *н'э-* [Csúcs 2005: 243; Кельмаков 2006: 139; Карпова 2020: 284]. При этом столь широкое распространение данного форманта в разных наречиях нехарактерно для инновационных особенностей.

В корневой морфеме отрицательных местоимений со значениями 'никто', 'никоторый', 'несколько', 'никакой' наблюдаются те же отступления от литературных норм, что и у вопросительно-относительных местоимений (*кин* 'кто', *кудйз* 'который', *ко́ня* 'сколько', *кы́че* 'какой') (см. раздел 2.3).

Отметим еще одну особенность. В тексте [Марк] лексема со значением 'ничто' представлена 12 раз, причем в четырех случаях литературному *ы* в памятнике соответствует *е*, в одном — *э* (*номерэ́но* (4) ~ *номерэ́но* (1) 'ничто' — лит. *номы́ре* (но)). Фиксаций подобных форм мы не обнаружили ни у Ю. Вихманна (ср. *но-тj'r-но* (M, J), *но-тj'r-но* (J), *нò-тj'r-но* (MU), *о'g-но-тj'r-но* (U) 'ничего' [Wichmann 1987: 154], ни у современных диалектологов. Тем не менее отдельные примеры подобного написания встречаются в [Иоанн АРАН; Иоанн РГИА; Лука АРАН]. Это позволяет нам считать данную черту¹⁵ еще одним диалектным признаком, нашедшим отражение в языке удмуртского перевода Евангелия от Марка.

2.5. Неопределенные местоимения

Неопределенные местоимения в удмуртском языке образуются путем присоединения к вопросительно-относительным местоимениям частицы *ке* (*кин ке* 'кто-то', *маке* 'что-то', *мар ке* 'что-то', *куд ке* 'какой-то', *кудйз ке* 'некоторый', *кы́че ке* 'какой-то', *ко́ня ке* 'несколько') либо префикса *оло-*¹⁶ (*олокин* 'кто-то', *олома*, *оломар* 'что-то', *олокудйз* 'некоторый', *олокы́че* 'какой-то', *олоко́ня* 'несколько') [УКК 2011: 135]. В исследуемых письменных источниках в основном представлены формы с постпозитивной частицей:

[Матфей Сар.]: *кiнъкэ* (7) ~ *кiнъкэ* (1) ~ *кiнъ-кэ* (11) ~ *кiнъ-кэ* (3) ~ *кинъ-кэ* (2) ~ *кiнъ-кэ* (1) ~ *кинъ-кэ* (1) ~ *кинъ-кэ* (3) ~ *кiнъ-ке* (2) ~ *кинъ-ке* (1) 'кто-то' — лит. *кин ке*, *куды́з-кэ* (1) 'некоторый' — лит. *кудйз ке*, *кэ́ня-кэ* (1) 'несколько' — лит. *ко́ня ке*, *ма́ркэ* (2) ~ *ма́ркэ* (1) ~ *маръ-кэ* (3) ~ *ма́р-кэ* (1) 'что-то' — лит. *мар ке*; *оло́ кiнъ* (3) ~ *оло кiнъ* (1) 'кто-то' — лит. *олокин*;

¹⁵ Выявленная особенность, вероятно, объясняется регрессивной ассимиляцией: *номы́рэ но* > *номерэ́ но*.

¹⁶ В удмуртском языке элемент *оло* выступает также в роли модального слова ('вероятно, возможно, может быть, пожалуй, наверно') и разделительного союза ('или'). В рассмотренных источниках, помимо вхождения в состав неопределенных местоимений, он зафиксирован в союзной функции; модальное употребление не встречается, что, по всей видимости, объясняется отсутствием соответствующих контекстов.

[Матфей Глаз.]: *кинъкэ* (13) ~ *кинъкэ* (1) ~ *кинъ-кэ* (24) ~ *кинъ-кэ* (6) ~ *кинъ-кэ* (3) ~ *кинъ-кэ* (3) ~ *кинъ-кэ* (1) ~ *кинъ-кэ* (1) 'кто-то' — лит. *кин ке, кэчэ-кэ* (1) ~ *кэчэ-кэ* (1) 'какой-то' — лит. *кыче ке, кудызькэ* (1) 'некоторый' — лит. *кудйз ке, кэня-кэ* (1) 'несколько' — лит. *көня ке, макэ* (4) ~ *макэ* (2) 'что-то' — лит. *маке, маркэ* (1) ~ *марькэ* (2) ~ *марькэ* (1) ~ *марь-кэ* (2) ~ *марь-кэ* (2) ~ *марь-кэ* (2) ~ *марь-кэ* (2) 'что-то' — лит. *мар ке; оло кинъ* (1) ~ *оло кинъ* (1) ~ *оло кинъ* (1) 'кто-то' — лит. *олокин*;

[Марк]: *кинъке* (3) ~ *кинъке* (1) ~ *кинъкэ* (24) ~ *кинъкэ* (1) ~ *кинъ-ке* (5) ~ *кинъ-кэ* (3) 'кто-то' — лит. *кин ке, кеняке* (2) ~ *кэнякэ* (1) ~ *кэнякэ* (1) ~ *кеня-ке* (2) ~ *кеня-ке* (1) 'сколько-нибудь' — лит. *көня ке, кечэке* (1) 'какой-то' — лит. *кыче ке, кудьке* (1) 'какой-то' — лит. *куд ке, кудызь-ке* (1) 'некоторый' — лит. *кудйз ке, маке* (2) ~ *макэ* (4) ~ *макэ* (1) ~ *ма-кэ* (1) 'что-то' — лит. *маке, маркэ* (1) ~ *марькэ* (15) ~ *марьке* (5) ~ *марь-ке* (1) ~ *марь-кэ* (1) 'что-то' — лит. *мар ке*.

В корневых морфемах неопределенных местоимений со значениями 'кто-то', 'какой-то', 'некоторый', 'несколько' фиксируются те же отклонения от литературной нормы, что и у исходных вопросительно-относительных местоимений (*кин* 'кто', *кыче* 'какой', *кудйз* 'который', *көня* 'сколько') (см. раздел 2.3). Отметим, что при склонении этих местоимений, образованных с помощью частицы *кэ*, падежные маркеры в памятниках, как и в литературном языке, располагаются перед указанной частицей, ср. *кинъкэ* [Матфей Глаз.], *кинъ-ке* [Марк] 'кого-то' — лит. *кинэ ке, кинълэнь-ке* [Марк], *кинъ-лэнь-ке* [Матфей Сар.] 'у кого-то' — лит. *кинлэн ке*.

Обратим внимание также на особенности написания неопределенных местоимений в текстах первых удмуртских печатных Евангелий. Приставка *оло-*, как правило, пишется отдельно (лишь в одном случае в книге [Матфей Сар.] представлено дефисное написание). Что касается постпозитивной частицы *кэ*, она может писаться как слитно, так и через дефис. При этом частотность употребления этих вариантов варьируется в зависимости от источника: в [Матфей Сар.] дефисных написаний в два раза больше, чем слитных, тогда как в [Марк], наоборот, слитные формы встречаются в четыре раза чаще дефисных.

Неопределенные местоимения в памятниках, как и в удмуртском литературном языке [УКК 2011: 135], могут сопровождаться дополнительной усилительной частицей *но*, которая в ряде случаев модифицирует их значение, сближая по семантике с определительными, ср.:

[Матфей Сар.]: *кинъ-кэ но* (1) 'всякий'¹⁷ — лит. *кин ке но, кечэ-кэ-но* (1) ~ *кэчэ-кэ-но* (1) ~ *кэчэ-кэ-но* (1) 'всякий' — лит. *кыче ке но, олло-кинъ-но* 'кто-то' — лит. *олокин но*;

[Матфей Глаз.]: *кинъкэ-но* (1) ~ *кинъ-кэ но* (1) 'всякий' — лит. *кин ке но, кечэ-кэ-но* (1) 'всякий' ~ *кэчэ-кэ-но* (1) 'какой-то' — лит. *кыче ке но, марькэ-но* (1) 'что-то' — лит. *мар ке но*;

[Марк]: *кинъкэно* (1) 'кто-то' — лит. *кин ке но, кеняке но* (1) ~ *кенякэ-но* (1) 'сколько-нибудь' — лит. *көня ке но, макэ-но* (1) 'что-то' — лит. *маке но*.

2.6. Определительные местоимения

К определительным местоимениям в удмуртском языке относятся лексемы *вань*, *ваньмыз* 'все; всё', *быдэс* 'весь, целый', *мукет* 'другой, иной', а также формы, образованные от вопросительно-относительных местоимений с помощью приставки *коть-*: *котькин* 'каждый, всякий, кто угодно', *котьма*, *котьмар* 'всё; всё, что угодно', *котькуд*, *котькудйз* 'каждый, всякий, любой', *котькыче* 'всякий, любой, какой угодно', *котькөня* 'сколько угодно' [УКК 2011: 138]. Для языка первых печатных Евангелий характерно отсутствие префиксальных вариантов. В то же время анализ исследуемых текстов позволил выявить наличие уникальных форм, не свойственных литературному языку, ср.:

[Матфей Сар.]: *вань* (9) ~ *вань* (1) ~ *увань* (18) ~ *увань* (1) 'весь, все' — лит. *вань*, диал. *воць* (33) 'весь, все, всё', диал. *воцякъ* (23), *вицякъ* (3) 'весь, все, всё', *музонь* (12) ~ *музонь* (3) ~ *музонь* (2) ~ *мызонь* (3) 'другой' — лит. *музон*;

[Матфей Глаз.]: *увань* (3), *увань* (1) 'весь' — лит. *вань*, диал. *вицякъ* (115) ~ *вицякъ* (6) ~ *вицякъ* (1) ~ *ви-цякъ* (3) 'весь, все, всё', *музонь* (14) ~ *музонь* (3) ~ *музонь* (2) 'другой' — лит. *музон*;

[Марк]: *быдэсь* (9) ~ *быдэсь* (3) 'весь, целиком' — лит. *быдэс*, диал. *виць* (2) ~ *виць* (1) ~ *виць* (1) ~ *виць* (2) ~ *виць* (2) ~ *виць* (3) 'весь, всё', диал. *вицякъ* (20) ~ *вицякъ* (5) 'весь, все, всё', *музонь* (8) ~ *музонь* (2) ~ *музонь* (1) ~ *музонь* 'другой' — лит. *музон*, *мукэть* (4) ~ *мукетъ* (2) ~ *мукэть* (1) ~ *мукэть* (3) ~ *мукэть* (1) 'другой' — лит. *мукет*.

В сарапульском Евангелии [Матфей Сар.] функционируют особые местоимения со значением 'весь, все, всё' — *воч* (графически *воць*¹⁸) и *вочак* (графически *воцякъ*); в глазовских Евангелиях [Матфей

¹⁷ *Озёнь кинъ-кэ но, мынэ-сьтымъ та кыль кылзыськись, карысь-но соё луозъ, нодэсь муртълы кэлиштырô, кудызь юртъсэ изъ-вылынъ лесътызь* 'И такъ всякаго, кто слушаетъ сии Мои слова, и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ свой домъ на камнѣ' [Матфей Сар.].

¹⁸ Графема *ц* в исследуемых памятниках передает аффрикату *ч* [Ившин 2010: 111].

Глаз.; Марк] им соответствуют формы *вич* ~ *выч* (графически *виць* ~ *выць*) и *вичак* (графически *вицякъ*). Согласно материалам словаря Ю. Вихманна, распространение вариантов с гласными *o* и *u* носило диалектный характер: первый был присущ южным и срединным говорам, второй — северным и бесермянским, ср. *vo:t's* (MU), *vi:t's-ak* (G, B), *vo:t's-ak* (S, J), *vo:t's-ak* (M), *vo:t's-ak* (U) ‘все; весь’ [Wichmann 1987: 324]. Это подтверждается и современными данными Л. Л. Карповой, которая отмечает бытование формы *вичак* в среднечепецком диалекте, а также вариантов *вичак* ~ *вычак* в нижнечепецком диалекте североудмуртского наречия [Карпова 2020: 279].

В сарапульском переводе Евангелия от Матфея наряду с формой *музон* (графически *музонъ*) ‘другой, иной’, которая представлена также в глазовских памятниках и свойственна современному литературному языку, присутствует вариант *мызон* (*мызонъ*). Согласно данным финского исследователя, *музон* распространен и в северных, и в южноудмуртских диалектах, тогда как *мызон* отмечен лишь в говорах южной диалектной зоны, ср. *tuzon* (G, U) и *mizon* (M, J) [Wichmann 1987: 164]. В то же время диалектологические материалы Л. Л. Карповой показывают, что в современном северном нижнечепецком диалекте оба варианта — *музон* и *мызон* — используются параллельно [Карпова 2020: 279]. Примечательно, что в рукописных Евангелиях фиксация вариантов различается: в одних памятниках засвидетельствован *мызон* [Иоанн АРАН; Лука АРАН], в других — *музон* [Лука РГИА], а в третьих — их совместное употребление [Иоанн РГИА].

Обратим внимание еще на одну специфическую особенность. В переводах Евангелия от Матфея встречается лексема *уан'* (графически *увань*) ‘весь, все’, анлаутный согласный которой не соответствует литературной норме. Речь идет об употреблении в начале слова перед *a* билабиальной *у* вместо губно-зубной литературной *в* — эта черта прослеживается во всех печатных Евангелиях 1847 г. [Ившин 2010: 163—164]. Это архаичное по своему происхождению явление в разной степени представлено во всех современных удмуртских наречиях: оно отмечено в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия, в бесермянском, в некоторых ареалах южного наречия (нижнеижском, татышлинском, буйско-таныпском), а также спорадически встречается в срединных говорах [Кельмаков 2006: 83]. Согласно материалам Ю. Вихманна, данная особенность в конце XIX в. также была характерна как для североудмуртских, так и южноудмуртских говоров, ср. *уай*, *уайт*- (G, B, MU), *уай* (M, U), *vañ* (S), *vañ*, *vañt*- (J, MU) ‘есть, имеется; весь’ [Wichmann 1987: 307].

3. Выводы

Многие лингвисты отмечают, что язык первых удмуртских печатных Евангелий 1847 г. носит «наддиалектный» характер: он не соответствует конкретному наречию, указанному на титульных листах, и не тождественен ни одному из территориальных диалектов [Каракулов 1987: 107; Кельмаков 2008: 41—42; Ившин 2010: 178—184]. В целом различные исследования, посвященные изучению графикофонетического и морфологического строя этих письменных памятников, демонстрируют, что переводчики и редакторы стремились нивелировать языковые различия в подготовленных ими текстах. Тем не менее тщательный анализ этих источников позволяет обнаружить признаки, указывающие на их диалектную базу. В частности, детальное изучение системы неличных местоимений позволило нам выделить в текстах ряд диалектных особенностей (см. таблицу 1), большинство из которых связано с их фонетическим оформлением. Кроме того, в Евангелиях фиксируются лексические диалектизмы (*воч*, *вич* ~ *выч*, *вочак*, *вичак* ‘весь, все, всё’), которые не входят в состав удмуртского литературного языка.

Среди выявленных диалектных признаков присутствуют как общие для всех рассмотренных памятников черты, так и специфические особенности, свойственные исключительно текстам на глазовском либо сарапульском наречиях. Отметим, что для двух явлений (пп. 1 и 6) не удалось найти соответствий ни в материалах [Wichmann 1987], ни в современных говорах удмуртского языка. При этом анализ распределения ряда явлений, в частности приведенных в пп. 1, 5 и 7, на наш взгляд, демонстрирует влияние книги [Матфей Сар.] на [Матфей Глаз.] (сарапульский перевод, по-видимому, лег в основу глазовской версии Евангелия от Матфея).

Привлеченные материалы (письменные памятники, современные диалектные данные, словарь финского исследователя, а также сведения из коми языка), к сожалению, не дали возможности надежно дифференцировать все выявленные диалектные черты на архаизмы и инновации. Для решения этой задачи, вероятно, необходимо детальное описание системы местоимений в современных удмуртских говорах, особенно в южной части срединных говоров и в центрально-южном диалекте, которые на сегодняшний день представлены в научной литературе лишь немногочисленными статьями общего характера. Уверенно говорить об инновационном характере можно лишь в отношении особенностей, отмеченных в пп. 3 и 5, а об архаичном — в отношении п. 7.

Таблица 1. Распределение выявленных диалектных особенностей системы неличных местоимений
в печатных Евангелиях 1847 г. и в говорах удмуртского языка

№ п/п	Особенности	[Матфей Сар.]	[Матфей Глаз.]	[Марк]	[Wichmann 1987]						современные говоры				
					G	B	J	M	MU	U	S	сев.	бес.	южн.	сред.
1	Функционирование указательного местоимения <i>сойэ</i> ‘такой’ параллельно с нормативной литературной формой <i>сычэ</i>	+	+	–	–		–	–	–	–	–				
2	Употребление указательных местоимений <i>ычэ</i> , <i>öчэ</i> ‘такой’ в соответствии с литературным вариантом <i>сычэ</i>	–	–	+	–		–	–	–	–	–	–/+	–/+	–/+	
3	Наличие вопросительно-относительного местоимения <i>кин</i> ‘кто’ (с мягким конечным согласным основы)	+	–	–	–	+	+	–	+	–			+	+/–	
4	Использование вопросительно-относительного местоимения <i>кöчэ</i> ‘какой’ в соответствии с лит. <i>кычэ</i>	+	+	+	+/–		+	+	+	+				–/+	
5	Образование отрицательных местоимений с помощью приставки <i>н'эно-</i>	+	+/–	–	–	–	–	–				–/+	–/+	–/+	–/+
6	Употребление отрицательного местоимения <i>номэрэ но</i> ‘ничто’ параллельно с литературной формой <i>номырэ но</i>	–	–	+			–	–	–	–					
7	Фиксация определительного местоимения <i>йан</i> ‘весь, все’ с анлаутным билабиальным <i>й</i> в соответствии с литературным губно-зубным <i>в</i>	+	–/+	–	+	+	–	+	+/–	+	–	–/+	–/+	–/+	–/+
8	Использование определительных местоимений <i>воч</i> , <i>вочак</i> ‘весь, все, всё’	+	–	–	–	–	+	+	+	+	+			–/+	–/+
9	Наличие определительных местоимений <i>вич</i> ~ <i>выч</i> , <i>вичак</i> ‘весь, все, всё’	–	+	+	+	+	–	–	–	–	–	+/–			
10	Употребление определительного местоимения <i>мызон</i> ‘другой, иной’	+	–	–	–		+	+		–		–/+		–/+	

Условные обозначения: «+» — наличие выявленной особенности; «–» — ее отсутствие; «+/–» — особенность представлена, но с отдельными исключениями; «–/+» — явление присутствует, однако формы с данной особенностью количественно уступают стандартным. Пустая клетка означает, что признак не зафиксирован в соответствующем говоре (что, однако, не является безусловным доказательством его отсутствия в идиоме).

Примечательно, что эти инновационные признаки (пп. 3, 5) зафиксированы в нескольких современных удмуртских наречиях, что соответствует ареальному распространению, характерному для архаизмов. Тем не менее, как показано выше, данные черты все же следует квалифицировать как инновационные. Вероятно, вследствие такого распределения инноваций и обилия архаизмов анализ системы неличных местоимений, в отличие от личных (см. [Безенова 2025]), не позволил нам с достаточной надежностью соотнести исследуемые тексты с каким-либо конкретным удмуртским диалектом.

Проведенный анализ показал высокую степень вариативности форм, обусловленную двумя основными факторами. Во-первых, наблюдается графико-орфографическая нестабильность: в текстах первых удмуртских печатных Евангелий отсутствует унифицированная норма правописания, что проявляется в использовании различных графем для передачи одних и тех же фонем, а также в вариациях слитного, дефисного и раздельного написания слов. Во-вторых, имеют место диалектные различия: значительная часть вариантов отражает живые диалектные особенности, характерные для говоров, послуживших основой для рассмотренных переводных книг. Эти особенности, как правило, находят надежное подтверждение в диалектологических материалах XIX в. (в словаре Ю. Вихманна) и в современных работах.

Таким образом, первые печатные Евангелия на удмуртском языке являются ценнейшим источником для диахронических исследований. Их анализ не только позволяет проследить историю формирования литературной нормы, но и дает уникальный материал для реконструкции диалектного ландшафта удмуртского языка первой половины XIX в. Дальнейшее изучение этих и других письменных памятников в сопоставлении с данными современных говоров будет способствовать созданию полной картины развития удмуртского языка и его территориальных разновидностей.

Сокращения

бес. — бесермянское наречие	диалекты по [Wichmann 1987]:
диал. — диалект, диалектный	В — бесермянский диалект
лит. — литературная форма	G — глазовский диалект
РГИА — Российский государственный исторический архив	J — елабужский диалект
(Санкт-Петербург)	M — малмыжский диалект
сев. — северное наречие	MU — малмыжско-уржумский диалект
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН	S — сарапульский диалект
сред. — срединные говоры	U — уфимский диалект
южн. — южное наречие	

Литература

- Безенова 2022 — М. П. Безенова. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. III том. Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX — начала XX в. М., 2022.
- Безенова 2023а — М. П. Безенова. Диалектная основа одного из удмуртских переводов Евангелия от Луки начала XIX в. // Тенденции развития науки и образования. 2023, 97 (ч. 4). С. 29—31.
- Безенова 2023б — М. П. Безенова. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна // Урало-алтайские исследования. 2023, 3 (50). С. 7—22.
- Безенова 2024 — М. П. Безенова. Диалектные особенности местоимений в удмуртских письменных памятниках второй половины XIX — начала XX в. // Вестник угроведения. 2024. Т. 14, 3 (58). С. 417—425.
- Безенова 2025 — М. П. Безенова. Диалектные особенности личных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2025, 3 (58). С. 7—23.
- Бушмакин 1971 — С. К. Бушмакин. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- Ившин 2010 — Л. М. Ившин. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск, 2010.
- Иоанн АРАН — От Иоанна святое Благовествование // СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 244. 61 л.
- Иоанн РГИА — От Иоанна святое Благовествование // РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.
- Каракулов 1987 — Б. И. Каракулов. О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX в. // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 103—107.
- Каракулов 2004 — Б. И. Каракулов. Изучение послелогов в школьной и вузовской практике // Проблемы школьного и дошкольного образования: Тезисы VI региональной научно-практической конференции. Глазов, 2004. С. 76—77.

- Карпова 2020 — Л. Л. Карпова. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: Монография. Ижевск, 2020.
- Карпова 2024 — Л. Л. Карпова. Особенности парадигматики личных местоимений в верхнечепецком диалекте удмуртского языка // Вестник угроведения. 2024. Т. 14, 4 (59). С. 646—656.
- Кельмаков 2006 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. Ижевск, 2006.
- Кельмаков 2008 — В. К. Кельмаков. Очерки истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие. Ижевск, 2008.
- Кондратьева, Стрелкова 2020 — Н. В. Кондратьева, О. Б. Стрелкова. К вопросу о таксономических характеристиках притяжательных местоимений удмуртского языка // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 1. С. 62—69.
- Лука АРАН — От Луки святое Благовествование // СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 245. 31 л.
- Лука РГИА — От Луки святое Благовествование // РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.
- Люкина 2008 — Н. М. Люкина. Особенности языка бalezинских и юкаменских бесермян (сравнительная характеристика). Дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2008.
- Максимов 2024 — С. А. Максимов. Лексика бесермян: наследие Т. И. Тепляшиной. Ижевск, 2024.
- Марк — Отъ Марка святое Благовѣствованіе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847.
- Матфей Глаз. — Отъ Матѳея святое Благовѣствованіе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847.
- Матфей Сар. — Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847.
- Насибуллин 1978 — Р. Ш. Насибуллин. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия: Сборник статей и материалов. Ижевск, 1978. С. 86—151.
- Тараканов 2007 — И. В. Тараканов. Удмуртский язык: становление и развитие: Сборник статей. Ижевск, 2007.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.
- Федюнева 2008 — Г. В. Федюнева. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург, 2008.
- УКК 2011 — Удмурт кылэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск, 2011.
- Csúcs 2005 — S. Csúcs. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz / Aufg. Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. München, 2001.

References

- Bezenova 2022 — M. P. Bezenova. Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh. III tom. Pamyatniki pis'mennosti na pyati dialektakh udmurtskogo yazyka kontsa XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19th — early 20th centuries. Moscow, 2022.}
- Bezenova 2023a — M. P. Bezenova. Dialektная основа одного из удмуртских переводов Евангелия от Луки начала XIX в. In: Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya. 2023, 97 (ch. 4). S. 29—31. {M. P. Bezenova. Dialectal basis of one of the Udmurt translations of the Gospel of Luke of the early 19th century. In: Trends in the development of science and education. 2023, 97 (Part 4). P. 29—31.}
- Bezenova 2023b — M. P. Bezenova. Dialektная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2023, 3 (50). S. 7—22. {M. P. Bezenova. Dialect basis of the first Udmurt translations of the Gospel of John. In: Ural-Altaic Studies. 2023, 3 (50). P. 7—22.}
- Bezenova 2024 — M. P. Bezenova. Dialektные особенности местоимений в удмуртских писменных памятниках второй половины XIX — начала XX в. In: Vestnik ugrovedeniya. 2024. T. 14, 3 (58). S. 417—425. {M. P. Bezenova. Dialectal features of pronouns in Udmurt written monuments of the second half of the 19th — early 20th centuries. In: Bulletin of Ugric Studies. 2024. Vol. 14, 3 (58). P. 417—425.}
- Bezenova 2025 — M. P. Bezenova. Dialektные особенности личных местоимений в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2025, 3 (58). S. 7—23. {M. P. Bezenova. Dialectal features of personal pronouns in the first printed Gospels in Udmurt. In: Ural-Altaic Studies. 2025, 3 (58). P. 7—23.}
- Bushmakin 1971 — S. K. Bushmakin. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakin. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}

- Csúcs 2005 — S. Csúcs. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.
- Fedyuneva 2008 — G. V. Fedyuneva. Pervichnye mestoimeniya v permskikh yazykakh. Ekaterinburg, 2008. {G. V. Fedyuneva. Primary pronouns in the Permian languages. Ekaterinburg, 2008.}
- GSUYA 1962 — Grammatika sovremenno udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}
- Ioann ARAN — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: SPbF ARAN. F. 94. Op. 1. D. 244, 61 l. {From John the Holy Gospel. In: St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS. Fund 94. List 1. Case 244. 61 sheets.}
- Ioann RGIA — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: RGIA. F. 808. Op. 1. 1821 g. D. 177. {From John the Holy Gospel. In: Russian State Historical Archive (St. Petersburg). Fund 808. List 1. 1821. Case 177.}
- Ivshin 2010 — L. M. Ivshin. Stanovlenie i razvitie udmurtskoi grafiki i orfografii v XVIII — pervoi polovine XIX veka. Ekaterinburg; Izhevsk, 2010. {L. M. Ivshin. Formation and development of the Udmurt graphics and orthography in the 18th — first half of the 19th centuries. Yekaterinburg; Izhevsk, 2010.}
- Karakulov 1987 — B. I. Karakulov. O dialektnykh osobennostyakh pamyatnikov udmurtskoi pis'mennosti XIX v. In: Permistika: Voprosy dialektologii i istorii permskikh yazykov. Izhevsk, 1987. S. 103—107. {B. I. Karakulov. On the dialectal features of the monuments of the Udmurt writing of the 19th century. In: Permistics: Issues of dialectology and history of Permian languages. Izhevsk, 1987. P. 103—107.}
- Karakulov 2004 — B. I. Karakulov. Izuchenie poslelogov v shkol'noi i vuzovskoi praktike. In: Problemy shkol'nogo i doshkol'nogo obrazovaniya: Tezisy VI regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii Glazov, 2004. S. 76—77. {B. I. Karakulov. Study of postpositions in school and university practice. In: Problems of school and preschool education: Theses of the VI regional scientific and practical conference. Glazov, 2004. P. 76—77.}
- Karpova 2020 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Izhevsk, 2020. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Izhevsk, 2020.}
- Karpova 2024 — L. L. Karpova. Osobennosti paradigmاتيki lichnykh mestoimenii v verkhnechepetskom dialekte udmurtskogo yazyka. In: Vestnik ugrovedeniya. 2024. T. 14, 4 (59). S. 646—656. {L. L. Karpova. Features of paradigmatics of personal pronouns in the Upper Chepts dialect of the Udmurt language. In: Bulletin of Ugric Studies. 2024. Vol. 14, 4 (59). P. 646—656.}
- Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. Izhevsk, 2006. {V. K. Kel'makov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. Izhevsk, 2006.}
- Kel'makov 2008 — V. K. Kel'makov. Ocherki istorii udmurtskogo literaturnogo yazyka: Uchebnoe posobie. Izhevsk, 2008. {V. K. Kel'makov. Essays on the history of the Udmurt literary language: Textbook. Izhevsk, 2008.}
- Kondrat'eva, Strelkova 2020 — N. V. Kondrat'eva, O. B. Strelkova. K voprosu o taksonomicheskikh kharakteristikakh prityazhatel'nykh mestoimenii udmurtskogo yazyka. In: Vestnik ugrovedeniya. 2020. T. 10, 1. S. 62—69. {N. V. Kondrat'eva, O. B. Strelkova. On the taxonomic characteristics of possessive pronouns of the Udmurt language. In: Bulletin of Ugric Studies. 2020. Vol. 10, 1. P. 62—69.}
- Luka ARAN — Ot Luki svyatoe Blagovestvovanie. In: SPbF ARAN. F. 94. Op. 1. D. 245, 31 l. {From Luka the Holy Gospel. In: St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS. Fund 94. List 1. Case 245. 31 sheets.}
- Luka RGIA — Ot Luki svyatoe Blagovestvovanie. In: RGIA. F. 808. Op. 1. 1821 g. D. 177. {From Luka the Holy Gospel. In: Russian State Historical Archive (St. Petersburg). Fund 808. List 1. 1821. Case 177.}
- Lyukina 2008 — N. M. Lyukina. Osobennosti yazyka balezinskikh i yukamenskikh besermyan (sравnitel'naya kharakteristika). Dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, 2008. {N. M. Lyukina. Peculiarities of the language of the Balezino and Yukamensk Besermyans (A comparative analysis). PhD thesis. Izhevsk, 2008.}
- Maksimov 2024 — S. A. Maksimov. Leksika besermyan: nasledie T. I. Teplyashinoi. Izhevsk, 2024. {S. A. Maksimov. Lexicon of the Besermyan: The legacy of T. I. Teplyashina. Izhevsk, 2024.}
- Mark — Ot Marka svyatoe Blagovestvovanie. In: Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyakskom yazykakh, Glazovskogo narechiya. Kazan', 1847. {Holy Annunciation from Mark. In: Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazovsky dialect. Kazan, 1847.}
- Matfey Glaz. — Ot Matfeya svyatoe Blagovestvovanie. In: Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. evangelistov Matfeya i Marka na russkom i votyakskom yazykakh, Glazovskogo narechiya. Kazan', 1847. {Holy Annunciation from Mathew. In: Our Lord Jesus Christ Gospel of St. Evangelists Matthew and Mark in Russian and Votyak languages, Glazovsky dialect. Kazan, 1847.}
- Matfey Sar. — Gospoda nashego Iisusa Khrista Evangeliya ot sv. evangelista Matfeya na russkom i votyakskom yazykakh, Sarapul'skogo narechiya. Kazan', 1847. {Our Lord Jesus Christ the Gospel of St. Evangelist Matthew in Russian and Votyak languages, Sarapul dialect. Kazan, 1847.}

Nasibullin 1978 — R. Sh. Nasibullin. Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov. In: O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurtского narechiya: Sbornik statei i materialov. Izhevsk, 1978. S. 86—151. {R. Sh. Nasibullin. Observations on the language of the Krasnoufim Udmurts. In: On dialects and subdialects of the South Udmurt dialect: Collection of articles and materials. Izhevsk, 1978. P. 86—151.}

Tarakanov 2007 — I. V. Tarakanov. Udmurtskii yazyk: stanovlenie i razvitie: Sbornik statei. Izhevsk, 2007. {I. V. Tarakanov. Udmurt language: formation and development: Collection of articles. Izhevsk, 2007.}

Teplyashina 1970 — T. I. Teplyashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Teplyashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabtodosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskon izdanie (Morfologiya udmurtского yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) / Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication / Ed. by N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz / Aufg. Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987.

Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. München, 2001.

Evidence acquisition time and result: the case of the Kildin Saami inferential Perfect

Maria I. Kosheleva, HSE University (Moscow); whereamiactually@gmail.com

This paper is devoted to the Kildin Saami inferential evidential Perfect. I show that the inferential evidential Perfect requires the result of the inferred situation to exist at the evidence acquisition time (EAT) or at the utterance time (UT). The type of result required to exist depends on the verb's actional interpretation: if the inferred situation is telic, it is the lexically determined result that is required to exist; if the inferred situation is atelic, it is some pragmatic result. The Kildin Saami data challenge the traditional view that lexical aspect cannot influence the behaviour of an evidential marker [Tatevosov 2019].

In line with [Fleck 2007], [Smirnova 2013], and [Lee 2013; 2023], the Kildin Saami data speak in favour of distinguishing an evidential-specific temporal point — the evidence acquisition time. I argue that the Kildin Saami inferential evidential Perfect cannot be analysed in the style of [Arregui et al. 2017] as involving resultative aspect and conclude that the EAT should be incorporated into its semantics. I also show that the inferential evidential Perfect treats the evidence acquisition time and the inference time (IT) differently: if the result exists at the inference time (and not at the EAT or UT), the inferential evidential Perfect is infelicitous. Thus, the Kildin Saami data highlight the need to distinguish between EAT and IT when dealing with evidentials. I argue that for the category of evidentiality the EAT should be added to the neo-Reichenbachian system of temporal points [Klein 1994], though not all evidentials should necessarily use it.

Keywords: evidentiality, evidence acquisition time, inference time, lexical aspect, actionality, resultative, perfect, Kildin Saami, Saami, Uralic

ВРЕМЯ ПОЛУЧЕНИЯ СВИДЕТЕЛЬСТВ И РЕЗУЛЬТАТ: КИЛЬДИНСКИЙ СААМСКИЙ ИНФЕРЕНТИВНЫЙ ПЕРФЕКТ

Кошелева Мария Игоревна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
whereamiactually@gmail.com

Настоящая статья посвящена кильдинскому саамскому инферентивному перфекту. В работе демонстрируется, что инферентивный перфект накладывает требование существования результата ситуации, о которой говорящий делает вывод, во время получения свидетельств или в момент речи. Тип результата зависит от акциональной интерпретации: если ситуация предельна, должен существовать лексически заданный результат, если ситуация непредельна — прагматический. Данные кильдинского саамского языка бросают вызов традиционному взгляду на эвиденциальность, согласно которому лексический аспект не может влиять на поведение эвиденциальных маркеров [Tatevosov 2019].

Вслед за [Fleck 2007], [Smirnova 2013] и [Lee 2013; 2023] на основе кильдинских саамских данных в статье доказывается, что эвиденциальные показатели могут использовать специальную временную точку — время получения свидетельств. Время получения свидетельств является неотъемлемым компонентом семантики кильдинского саамского инферентивного перфекта и его нельзя анализировать в духе [Arregui et al. 2017] с опорой на понятие результативного аспекта. Кроме того, доказывается, что инферентивный перфект ориентирован именно на время получения свидетельств, а не на время инференции: если результат существует только во время инференции, употребление инферентивного перфекта неприемлемо. Таким образом, время получения свидетельств и время инференции следует различать при описании эвиденциальных маркеров конкретных языков. Отстаивается позиция, что для анализа эвиденциальных показателей необходимо расширить систему темпоральных точек [Klein 1994], добавив в нее время получения свидетельств.

Ключевые слова: эвиденциальность, время получения свидетельств, время инференции, лексический аспект, акциональность, результатив, перфект, кильдинский саамский, саамские языки, уральские языки

I would like to express my immense gratitude to my consultants who shared with me their knowledge of the Kildin Saami language. Without them this study would not exist. I am deeply grateful to Seva Potseluev, Stiopa Mikhailov and Alexander Letuchi for their valuable comments which helped me make my research much better. I also thank the two anonymous reviewers for their helpful advice.

Я хочу выразить глубокую благодарность моим консультантам, которые делились со мной знаниями кильдинского саамского языка. Без них этого исследования не существовало бы. Шўрр пәссәле тһн вёххквудэсьт! Я безмерно признательна Севе Поцелуеву, Стёпе Михайлову и Александру Борисовичу Летучему за ценные комментарии и советы, которые помогли сделать моё исследование значительно лучше. Я также благодарю двух анонимных рецензентов за вопросы и замечания.

1. Introduction

Traditionally, evidentiality is defined as a category that encodes the type of evidence the speaker has for their utterance [Willett 1988; Aikhenvald 2004]. The use of indirect evidentials indicates that the speaker did not perceive (see, hear, etc.) the described situation directly. Inferential evidentials (a subtype of indirect evidentials), in turn, specify that the speaker's evidence for the inferred proposition is either some alleged result of the situation denoted by this proposition, be it a direct consequence or not, or some conditions preceding this situation [Aikhenvald 2004; Hirayama, Matthewson 2022]. Consider the Kildin Saami (< Uralic) example (1)¹ featuring the inferential evidential Perfect. Uttering this sentence, Masha indicates that she did not see Vasya buying flowers but bases her inference solely on the result, namely, the bouquet of flowers on her desk².

- (1) *vaas's'k' l'ii vuasst-ma men'n'-e raaz'-et' taar'm'*
 V. be.NPST.3SG buy-PTCP.PST 1SG-DAT flower-ACC.PL today
 {Today is Masha's birthday. Masha comes home and sees a bouquet of flowers on her desk. She infers that it is from her boyfriend Vasya. She calls her friend with the news.} 'Vasya has bought me flowers today.'

Consequently, we expect that evidential markers can be used whenever the type of evidence the speaker has is the appropriate one (perceived result in the case of inferentials). However, it is not the case with the Kildin Saami inferential evidential Perfect, as can be seen in (2).

- (2) *suull jaxxta l'ii čvnyj-ma peer'r't'-e*
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
 a. ^{OK}{The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees **muddy footprints on the carpet leading only one way suggesting that the burglar is still in the house**. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} 'The burglar got into the house yesterday. {Be careful! He is still here!}'
 b. *{The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees **muddy footprints on the carpet leading two ways suggesting that the burglar is not in the house**. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} 'The burglar got into the house yesterday.'

In both contexts, (2a) and (2b), the speaker tries to determine when the burglar got into the house. She did not observe the situation expressed by the proposition, i.e. she did not see the burglar getting into the house the day before the utterance time. She infers this based solely on the supposed result — the muddy footprints, namely the state of the mud. Thus, we would have expected the inferential evidential Perfect to be felicitous in both of the contexts. However, this is not the case: the use of the Perfect is felicitous only in the context of (2a) and not in that of (2b).

I propose the following explanation for this contrast. The sentence in (2) is felicitous in the context of (2a) because the speaker believes that, having gotten into the house on the previous day, the burglar is still in the house at the utterance time (henceforth UT). She infers this based on the additional observation that the footprints lead only one way, namely into the house. In the context of (2b), (2) is, in turn, infelicitous because the speaker does not believe that, having gotten into the house, the burglar is still there at the UT. She infers this based on the footprints leading both ways suggesting that the burglar has left the building. Thus, the only difference between the contexts (2a) and (2b) is the existence of the lexically determined result 'the burglar is in the house' at the UT, as believed by the speaker. The inferential evidential Perfect can be used felicitously only if the result supposedly persists (2a).

¹ Here and in the examples to follow, the form under investigation is bolded. Important parts of the context (which is given in curly brackets before the translation) are also bolded. Parts of the translation given in curly brackets stand for parts of the example for which I do not provide glosses for the sake of conciseness, but which were uttered by my consultants. ^{OK} before the context indicates that the sentence is felicitous in such context, whereas * indicates that the sentence cannot be felicitously uttered in such context (cf. (2) below).

All the Kildin Saami examples were collected by the author (see Section 2 for the methodology), unless stated otherwise. For Kildin Saami examples, I use phonological transcription that combines the Uralic Phonetic Alphabet and the International Phonetic Alphabet (see [Burov, Egorov 2023: 159] for an overview). Examples from other languages are as they appear in the original papers.

² Of course, Masha must have some additional assumptions to make an inference about such a situation. For instance, she must believe that it is Vasya who is most likely to buy her flowers as a present for her birthday and that it is easier to buy these flowers rather than pick them somewhere, etc. However, the core evidence for her utterance is the bouquet of flowers.

However, the context (2a) is, in fact, ambiguous. The lexically determined result ‘the burglar is in the house’ exists both at the evidence acquisition time — the time at which the speaker collects evidence for the proposition (henceforth EAT, following [Lee 2011; Smirnova 2013]) — and at the UT. In this paper, I will show that the Kildin Saami inferential evidential Perfect can be used felicitously only if the speaker believes that the lexically determined result of the inferred situation exists either at the utterance time or at the evidence acquisition time, or at both times simultaneously, as in (2a). If the result does not exist at either of these times, the inferential evidential Perfect is infelicitous. I will claim that evidence acquisition time should be incorporated into the denotation of the Kildin Saami inferential evidential Perfect. In this paper, I will be concerned only with affirmative sentences. Description of the behaviour of the Kildin Saami evidential Perfect in questions and negatives with respect to, for example, interrogative flip and scopal interactions with negation, respectively, is outside the scope of this paper.

Relevance of the EAT for the behaviour of evidential forms has been postulated for a number of languages: see, for instance, [Fleck 2007] for Matses (< Panoan), [Lee 2013; 2023] for Korean, and [Smirnova 2013] for Bulgarian data. The authors claim that evidentials in these languages should be analysed as introducing an independent, evidential-specific temporal point — the evidence acquisition time. The EAT, introduced by these evidentials, acts as a new relatum for tense-aspect markers, which would otherwise be anchored to some other temporal point (e.g. UT). Thus, for such evidentials, the neo-Reichenbachian system of temporal points (see, a.o., [Klein 1994; Bohnemeyer 2014]) should be expanded, and we get four points to which evidential-temporal operators can refer: event time (henceforth ET), topic time (henceforth TT), evidence acquisition time, and utterance time³ (see [Hirayama, Matthewson 2022] for a similar claim). It should be noted that there are many languages, where evidentials, according to the current literature, do not show any interaction with the evidence acquisition time and can be analysed within the traditional approach to evidentiality based on the type of evidence [Willett 1988], though with some refinements and elaborations. These include, for instance, the Cuzco Quechua non-firsthand evidential *-sqa* [Faller 2004] and the Abkhaz non-firsthand evidential *-zaap*’ [Chirikba 2003] (see, e.g., [Aikhenvald 2004] and [Xrakovskij 2007] for many more other examples). For such evidentials, postulating an additional temporal point — the evidence acquisition time — is, of course, superfluous.

Analyses which resort to the notion of EAT were challenged by [Arregui et al. 2017], where it is claimed that evidentials do not introduce a specific evidential time, EAT, which was previously claimed to serve as a new relatum for tense-aspect markers. The authors reanalyse the evidentials in Matses and Bulgarian with the help of other tense-aspect notions (e.g. resultative aspect), which are not specific solely to evidentials. In doing so, they show that the evidential-specific notion of EAT is redundant and thus should overall be abandoned.

Based on the Kildin Saami pattern illustrated above, I will show that this statement is not valid cross-linguistically. Even though evidentials in Matses and Bulgarian can supposedly be reanalysed without the notion of EAT, behaviour of the Kildin Saami inferential evidential Perfect strongly suggests that evidence acquisition time should be hardwired into its semantics. Analysing the pattern of the Kildin Saami inferential evidential Perfect, I will show that it cannot be analysed as involving a resultative component and the three temporal points (ET, TT and UT) to the exception of the EAT. In doing so, I hope to contribute to the cross-linguistic research on the evidential-specific notion of EAT and interaction of the evidential meaning with aspect.

Apart from the EAT, another temporal point can be conceived to be potentially relevant for the behaviour of evidential forms — the inference time (henceforth IT), the moment at which the speaker thinks the acquired evidence over and infers the likeliest event that this evidence stands for. It differs from the EAT in that at the EAT the speaker acquires the relevant evidence but does not analyse it and does not come to believe the respective proposition, whereas at the IT the speaker does not collect the needed evidence but comes to believe the respective proposition based on the evidence acquired before that. I will show that the Kildin Saami data speak in favour of keeping apart the evidence acquisition time and the inference time, as the existence of the result solely at the IT (not at the EAT or UT) does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous. The existence of the result is assessed by the speaker. To my knowledge, contribution of inference time, as distinct from the EAT, into the behaviour of inferential evidentials has not been extensively discussed in the literature. However, [Koev 2017] shows that it is the notion of “learning event” (which is similar to the inference time as understood in the current paper)⁴, not the evidence acquisition time, which is crucial for the

³ [Bohnemeyer 2014] argues that to capture the behaviour of some non-evidential complex forms, like the English Past Perfect, the notion of perspective time should be added to this ontology. I leave the question of whether this temporal point is relevant to the behaviour of evidential forms to future research.

⁴ I do not use the label “learning event” instead of “inference time” because it can potentially be ambiguous and obscure the distinction between the evidence acquisition time and the inference time, as understood in the current paper.

Bulgarian evidential system (see also [Johnson 2022] for a similar notion relevant for the Mvskoke (North America) evidential system).

I will show that, with respect to the requirement illustrated above, the Kildin Saami inferential evidential Perfect does not make use of the inference time. However, I will argue that the Kildin Saami data together with the Bulgarian [Koev 2017] and Mvskoke [Johnson 2022] data speak in favour of an expanded neo-Reichenbachian system of five (maybe six, see footnote 3) temporal anchors cross-linguistically relevant for evidentials, including the EAT and the IT: event time, topic time, evidence acquisition time, inference time, and utterance time.

In the generalisation over the contrast in (2), I used the notion of lexically determined result. As I will show below, this notion, and thus the generalisation itself, crucially hinges on actionality (lexical aspect). For this reason, in this paper I also discuss how the generalisation illustrated above manifests itself with verbs of different actional classes. I will propose that the type of evidence required may depend on whether the inferred situation is telic or atelic. Thus, I also seek to contribute to research on the interaction between evidentiality and lexical aspect (which is rarely discussed in the literature, but see [Lee 2023] for discussion of Korean data). The Kildin Saami data challenges the traditional view on the category of evidentiality, according to which lexical aspect and existence of the lexically determined result cannot influence the behaviour of an evidential marker [Tatevosov 2019: 478].

This paper is the first attempt to describe the inferential evidential reading of the Kildin Saami Perfect, which has been overlooked by the existing grammatical descriptions (for instance [Kert 1971; Rießler 2022]). From the Uralic perspective, evidential extensions of perfects are quite common in the language family as a whole [Bradley et al. 2022]. However, Saami languages have not previously been considered to use this strategy [Jalava, Wahlström 2016; Bradley et al. 2022: 920; Kubitsch 2023: 25], relying mainly on evidential particles and other lexical expressions [Fernandez-Vest 1996; Bradley et al. 2022: 920] (e.g. Northern Saami *gusto* ‘apparently’ [Fernandez-Vest 1996: 179]).

The paper is structured as follows. In Section 2, I will discuss where my data come from and the methodology I used. In Section 3, I will outline the Kildin Saami actional classification of verbs, introduce the notion of lexically determined result and briefly discuss relevant properties of some of the Kildin Saami tense-aspect forms (3.1). Then I will proceed to the characteristics of the Kildin Saami Perfect, in particular paying attention to its inferential evidential reading (3.2). Section 4 will present the main data of this paper. Firstly, I will discuss the requirement of the existence of the lexically determined result at different moments in time relevant for evidential forms — EAT, IT and UT (4.1). Then I will show how this restriction manifests itself with verbs of different actional classes and propose a generalisation for the behaviour of the inferential evidential Perfect (4.2). In Section 4.3, I will compare the Kildin Saami pattern to the Matsigenko, Korean and Bulgarian data and discuss its implications for the claim made in [Arregui et al. 2017] regarding the viability of the notion of evidence acquisition time for analyses of evidentials. I will also dwell upon the notion of inference time and the interaction between evidentiality and actionality and aspect. Section 5 summarises.

2. Kildin Saami and methodology

Kildin Saami is a highly endangered Uralic language spoken on the Kola Peninsula (Murmansk Oblast, Russia). Nowadays, there are only twenty active speakers left [Scheller 2024: 85] (for a detailed description of the current language situation see [ibid.: 84–86, 98–100]). Kildin Saami (see [Kert 1971] for a description of the Kildin Saami grammar), together with Ter, Akkala, Skolt and Inari Saami, forms the Eastern Saami subgrouping. Nowadays, it experiences severe influence from Russian.

Most of the Kildin Saami speakers live in the village of Lovozero. Historically, four dialects of the Kildin Saami are differentiated: Lujavv’r (Lovozero), Kårdegg (Voronye, the closest to that of Lujavv’r), Chudzjavv’r, and Arsjogg (Varzino, the farthest) [Rießler 2022: 219]. Differences between these dialects have been noted in a range of works ([Kert 1971; Rießler 2022] and others).

Due to the fact that in the 1960s most native speakers of Kildin Saami were forcibly relocated from various settlements throughout the Kola Peninsula to Lovozero, contemporary Kildin Saami speakers use the form of the Kildin Saami language which constitutes a mixture of the three dialects (though speakers preserve some traits of their native dialects): Lujavv’r (the dominant one), Kårdegg, and Chudzjavv’r [Wilbur, Rießler 2007: 41–42]. For my study, I consulted speakers of Lujavv’r, Kårdegg and Chudzjavv’r dialects (dialects determined by the speakers’ places of birth). I do not differentiate between these dialects in my study as no significant differences between them were found with respect to the behaviour of the form under investigation.

My study is based on the data gathered via elicitation (translation from Russian to Kildin Saami and contextual acceptability and grammaticality judgement tasks, in accordance with the methodology of semantic

fieldwork described in [Matthewson 2004]) in the village of Lovozero (Murmansk Oblast, Russia) in 2024—2025. I consulted six speakers (of ages from fifty-two to seventy-three years), all of them are native and active speakers of Kildin Saami. They are also bilingual in Russian, which is now predominant in their life.

At first, I gave my consultants sentences in Russian placed in specific contexts and asked them to translate them into Kildin Saami. My current research involves eliciting sentences placed in rather detailed contexts. Thus, to be sure that my consultants translated sentences in accordance with the context, I asked them to retell the context (I controlled for the required configuration being unaltered) and only then translate the target sentence. Having collected translations in this way, I asked my consultants to give their judgements about sentences with the Perfect put in the contexts with specific temporal configurations (consultants were asked to retell the contexts as well), e.g. I asked my consultants to evaluate the felicity of the sentence in (2) above in contexts (2a) and (2b) (as it turned out, (2) is felicitous in (2a), but not in (2b)). Even though contexts were presented in Russian and not translated into Kildin Saami due to the fact that context translation would be a very energy and time consuming process (see [Matthewson 2004: 378—379] for justification of using meta-language for presenting discourse contexts), they constitute a very important part of the examples which will be presented in Section 4. Therefore, I treat examples differing only in contexts as distinct examples and, for the sake of convenience, number them as such.

All the Kildin Saami examples presented in the following sections were evaluated by five or six speakers. I believe that unanimity of five or six speakers on the sentences involved in the research is sufficient to dismiss any doubts about the validity of the examples presented. During one-hour sessions, I elicited up to three examples presented in Section 4, so that my consultants do not get tired of similar contexts.

Let us now turn to some properties of the Kildin Saami tense-aspect system relevant for the current research. Firstly, I will briefly discuss the actional classification of verbs and relevant properties of some tense-aspect forms (3.1). While discussing actional classification, I will introduce the notion of lexically determined result, as used in this paper. This notion will be crucial for the description of the Kildin Saami pattern briefly illustrated in the previous section. Then I will proceed to the relevant properties of the Perfect form itself (3.2).

3. Relevant facts about the Kildin Saami tense-aspect system

3.1. Actional classification and the lexically determined result

In Section 4.2, I will discuss the influence of actionality (lexical aspect, as opposed to grammatical aspect, see [Vendler 1967: 97—121; Verkuyl 1989; Tatevosov 2016]) on the behaviour of the Kildin Saami inferential evidential Perfect with respect to its requirement of the existence of the lexically determined result. Here, I provide a summary of the actional classification of Kildin Saami verbs based on the procedure suggested by S. Tatevosov [2016] and observations made in [Kosheleva et al. 2023].

According to [Tatevosov 2002; 2016], actional class of a verb can be determined by analysing the range of interpretations available to it in the most basic imperfective (topic time is included into the event time [Klein 1994]) and perfective (topic time includes the event time [ibid.]) forms of a given language. For Kildin Saami, the Non-past form (with reference to present) serves as the prototypical imperfective form, as in sentences referring to present topic time is necessarily included in the event time [ibid.]. The Past form, in turn, serves as the prototypical perfective form. Being a general past tense form, it can also have imperfective and habitual uses, so the context should be additionally controlled for the required aspectual viewpoint.

The set of actional classes of verbs in Kildin Saami based on 115 lexemes studied in [Kosheleva et al. 2023], supplemented by my data, is as follows: <ES, →>, <S, S>, <ES, S>, <EP, →>, <P, P>, <ES, P>, <ES P, P>⁵. The existence of verbs of the class <ES S, S> is controversial, as judgements vary greatly between speakers (either one verb, two verbs or none of them belong to this class depending on the speaker), so I do not consider this class in my study. The class <ES, S> is represented only by one lexeme, whereas the class <EP, →> contains only verbs (except for one lexeme) which are derived from the verbs of the class <P, P>. Examples (3)—(4) illustrate the ES and P interpretations, respectively, of the Past form of the verb ‘to write’, which has the actional class <ES P, P>. The ES interpretation (3) is the one after which some state obtains (the state is that of a written letter), whereas the P interpretation (4) refers solely to the process which takes place before the telos indicated by ES is reached (the telos should not necessarily be determined for a given verb, as in (6) below). Similar to ES, the EP interpretation is the one after which some process obtains (in (5), the house started to

⁵ The list of abbreviations based on [Tatevosov 2016]: S — state, P — process, ES — entry into a state, EP — entry into a process. Readings before the comma are readings available to the perfective form, readings after the comma are those available to the imperfective form.

burn). Following [Tatevosov 2002] and [Tatevosov 2016], I will call the ES and EP interpretations (or situations) “telic”, and the S and P interpretations (or situations) — “atelic”. Below, I will show that the main distinction regarding the behaviour of the Kildin Saami inferential evidential Perfect will be between telic and atelic interpretations (situations). For the sake of brevity, I will use the term “telic” also for verbs which have any of the telic interpretations (no matter other interpretations), whereas the label “atelic” will be reserved for verbs which have only atelic interpretations⁶.

- (3) *soonn kir'jeht kir'j ja vuulk-eh soon*
 3SG.NOM write.PST.3SG letter.ACC.SG and go-CAUS.PST.3SG 3SG.ACC
 ‘He wrote a letter and sent it.’ (ES)

- (4) *soonn kir'jeht kir'j nv ejj k'iirkn-a*
 3SG.NOM write.PST.3SG letter.ACC.SG but NEG.3SG finish-PTCP.PST
 ‘He wrote a letter [for some time] but did not finish [it].’ (P)

- (5) *peerjt puell-ej*
 house.NOM.SG burn-ACAUS.PST.3SG
 ‘The house started burning.’ (EP)

In Section 4, I claim that the lexically determined result is crucial for the behaviour of the inferential evidential Perfect. By the lexically determined result I mean the result which obtains after a telic event has occurred (ES or EP, the lexically determined result is not necessarily stative). Consequently, presence of the lexically determined result is indicated by the availability of the ES or EP interpretation in the actional specification of a verb. As such, the notion of lexically determined result seems to stand near the so-called “general resultatives”: “the general resultative are the forms that may denote both observable states and/or states that cannot be described without referring to the corresponding action” [Jaxontov 1988: 102].

For instance, the verb *kir'je* ‘to write’ (<ES P, P>) in (3) has the lexically determined result ‘something is written’ (more precisely, the lexically determined result of the VP is ‘the letter is written’). The lexically determined result of the clause in (5) is ‘the house is burning’. The atelic verb *tiŋŋke* ‘to buzz (about a mosquito)’ does not have any lexically determined result (6) as the event of buzzing has no natural telos and there is no ES interpretation in its actional characteristic. EP interpretation, even though it can be conceived of (a mosquito started to buzz), is unavailable for this verb.

- (6) *jaxxta čuuššk tiŋk-e* (*<P, P>*)
 yesterday mosquito.NOM.SG buzz-PST.3SG
 {The speaker could not sleep yesterday because of the mosquito’s buzzing.} ‘A mosquito buzzed [for some time] yesterday. {I could not fall asleep.}’

All other consequences of a situation that cannot be attributed to the lexically determined result I will treat as a pragmatic result. For instance, in (3), the pragmatic result of writing a letter could be that there are pens and paper scattered all over the desk. For (6), the pragmatic result could be that the speaker got very annoyed yesterday because of the constant buzzing.

It should be noted that the lexically determined result (specifically ES), as understood in this paper, is different from the “target state” and “resultant state” introduced in [Kratzer 2000]. Under the term “target state”, [ibid.] understands a state an object of a target state verb is in after the event described by the verb has occurred. Such states are in principle reversible and are consequently compatible with the adverb meaning ‘still’ (*the treasure is (still) hidden*). States which are not reversible are not called target states. Thus, the notion of lexically determined result is much broader than the notion of target state as it covers (in addition to the process related to EP) not only reversible states, but also irreversible ones, the only requirement being the fact that they are specified in the actional characteristic of a verb. For instance, consider (7a) which contains the verb *kip'p'te* ‘to cook’. This verb has the lexically determined result as is evidenced by the ES interpretation in its actional characteristic. The lexically determined result is ‘something is cooked’ (‘soup is cooked’). However, such a state is not a target state in terms of [ibid.], as is evidenced by its incompatibility with the adverb *paj v'aal* ‘still’ (7b). Moreover, intuitively, this state cannot be reversed, as something cooked cannot become uncooked.

⁶ [Tatevosov 2002] and [Tatevosov 2016] reserve the label “telic” for processual verbs which have an ES interpretation (e.g. <ES, P>), whereas processual verbs with an EP interpretation (e.g. <EP, P>) and stative verbs with an ES interpretation (e.g. <ES, S>) are called “ingressive-atelic” and “inceptive-stative”, respectively. Since the more fine-grained distinction is not relevant for my study, I call verbs of any of these classes “telic”.

- (7) a. *p'et'a l'ii kiptt-a v'aar* (*<ES P, P>*)
 P. be.NPST.3SG cook-PTCP.PST soup.ACC.SG
 'Petya has cooked soup. {Come! We shall eat.}'
 b. **v'aarr paj v'aal l'ii kiptt-a*
 soup.NOM.SG always still be.NPST.3SG cook-PTCP.PST
 int.⁷ 'Soup is still cooked.'

In turn, under the term “resultant state”, [ibid.] understands a state which is the result of a culminated event and is thus irreversible. Examples in (7) illustrate precisely this notion: soup is ready as the result of a cooking process which has culminated. However, this notion does not seem to cover stative verbs which have a ES interpretation (e.g. *kaal'l'm'e* ‘to freeze’ *<ES, S>*), as well as verbs of the class *<EP, ->* (e.g. *vuul'l'ke* ‘to go’), because, strictly speaking, there is no preceding process specified in the actional characteristic which leads to culmination. Thus, the notion of lexically determined result crosscuts the classification proposed in [ibid.]. Below, I will refer to this notion either by the full name “lexically determined result” or simply “result” (when it is not opposed to a pragmatic result).

As was mentioned earlier, the Past is a general past tense form. Apart from the Perfect, to which the current study is devoted, and the Past, Kildin Saami also uses the Pluperfect to refer to past events (cf. the second forms in (8)). The Past and the Pluperfect, unlike the inferential evidential Perfect, are evidentially neutral forms, i.e. they can be equally used to refer to an event which was witnessed by the speaker while unfolding and to an event which the speaker did not observe (they are compatible with any subtype of indirect evidentiality). Unlike indirect evidentials (which lead to the first person effect, see the next section), they are freely compatible with a first person subject, as illustrated by (8a). At the same time, unlike direct evidentials, they are felicitous in a context in which the speaker makes an inference about some event based on some result, as (8b) illustrates.

- (8) a. *munn taahkt-e / l'ijj-e taahkt-ma vvkš jaxxta*
 1SG.NOM sharpen-PST.1SG / be-PST.1SG sharpen-PTCP.PST axe.ACC.SG yesterday
 'I sharpened an axe yesterday.'
 b. *kues's' munn puud'd'-e peer'r't'-e*
 when 1SG.NOM come-PST.1SG house-DAT.SG
p'eenne jo poor-e / l'aajj poorr-ma vuejč
 dog.NOM.SG already eat-PST.3SG / be.PST.3SG eat-PTCP.PST meat.ACC.SG
 {The speaker came home and saw that the dog's bowl was empty.} 'When I came home, the dog had already eaten the meat.'

Thus, the Perfect is the only evidential tense-aspect form in Kildin Saami (inferential evidentiality is one of its uses, see the next section). The Perfect is formed with the Non-past form of the auxiliary verb ‘to be’ and the *-(m)a*⁸ participle of the main verb (9). A more detailed description of its properties will be provided in the following section.

- (9) *ujjn-eš ruuc v'iig pugg l'ee-v kaall-ma*
 see-PST.IPS hostile power.NOM.PL whole be-NPST.3PL freeze-PTCP.PST
 ' {After the blizzard they went to see where the enemies were,} saw, the enemies had all frozen.' [Kert 1961: 51]

3.2. Properties of the Kildin Saami Perfect

The Perfect is mentioned in all Kildin Saami grammars (see, for instance, [Kert 1971: 196—198]). However, its descriptions mostly boil down to its morphology, with minimal information on its meaning (cf. a somewhat more detailed description in [Szabó 1985: 84—85, 90—92]). Below, I will discuss some crucial properties of the Kildin Saami Perfect based on my own field data.

The Kildin Saami Perfect has five readings: narrow resultative in the sense of [Nedjalkov, Jaxontov 1988: 5—7] (10), perfect resultative (11), experiential (12), inferential evidential (13a) (repeated from (2a) above), and past perfective (14).

- (10) *noojjt paj v'aal l'ii jaamm-a* narrow resultative
 nojd.NOM.SG always still be.NPST.3SG die-PTCP.PST
 {The speaker saw the sorcerer's death. He may rise again.} 'The sorcerer is still dead.'

⁷ In the examples to follow, ‘int.’ stands for ‘intended meaning’, ‘rec.’ — ‘received meaning’, ‘Q’ — ‘question’.

⁸ Historically, *-ma* attached only to underived verbs, while *-a* attached only to derived ones [Rießler 2022: 228]. However, in the present day Kildin Saami, these allomorphs seem to be in a more loose distribution, with the *-a* allomorph spreading its use on underived verbs [ibid.].

- (11) — *m'iin-en' l'ii* *vueŋŋč?* perfect resultative
 1PL-LOC be.NPST.3SG meat.NOM.SG
 — *munnn l'aa vuasst-ma vueŋč*
 1SG.NOM be.NPST.1SG buy-PTCP.PST meat.ACC.SG
 '— Do we have meat? — [Yes] I have bought meat.'
- (12) *munnn l'aa ujjn-ma soon tennvuejke munnn soon t'eed-a* experiential
 1SG.NOM be.NPST.1SG see-PTCP.PST 3SG.ACC therefore 1SG.NOM 3SG.ACC know-NPST.1SG
 {Do you know my sister?} 'I have met her, so I know her.' (adapted from [Dahl 2000: (6)]⁹)
- (13) *suull jaxxta l'ii čvovŋ-ma peer'ŋ't'-e* inferential evidential
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
 a. ^{OK} {The speaker investigates a burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees muddy footprints on the carpet leading only one way suggesting that the burglar is still in the house. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} 'The burglar got into the house yesterday.'
 b. * {The speaker saw the burglar get into the house.} 'The burglar got into the house yesterday.'
- (14) *munnn peejjel'-jaxxta l'aa knovvn-ma nijp* past perfective
 1SG.NOM over-yesterday be.NPST.1SG find-PTCP.PST knife.ACC.SG
ja tes't'xanna kaad-x-e soon
 and immediately get.lost-CAUS-PST.1SG 3SG.ACC
 'The day before yesterday I found a knife and immediately lost it.'

(10) illustrates a reversible state (since the sorcerer may rise again). In (11), the event described by the Perfect is relevant for the ongoing discussion (the so-called “current relevance” of perfect resultative forms, see [Grønn, von Stechow 2020] for more details). In addition to this peculiarity, the perfect resultative reading differs from the narrow resultative one in that the former, but not the latter, is compatible with both telic and atelic verbs (see [Nedjalkov, Jaxontov 1988: 15—17] for this and other potential differences). In (12) illustrating the experiential reading, the event is stated to have occurred at least once in the individual's lifetime. According to the inferential evidential reading (13a), the speaker has observed only some consequences (result) of the situation denoted by the proposition, not the situation itself (13b). The past perfective reading (14) of the Kildin Saami Perfect, in turn, is restricted to narrative progressions with Past forms (by narrative progressions I mean a sequence of independent main clauses). As (14) shows, it does not have the “current relevance” effect and it is compatible with direct evidence (the speaker is talking about her personal experience), unlike the inferential evidential reading in (13). Moreover, it is compatible with event time adverbials (e.g. *peejjel'jaxxta* ‘the day before yesterday’ in (14)), unlike, as will be shown below, all other non-evidential readings of the Kildin Saami Perfect.

The multiplicity of readings available for the Kildin Saami Perfect may pose a question of why the inferential evidential reading (13a) should be treated as an independent one and whether it is possible to distinguish it from all other readings, so as to be sure that the intricacy of its behaviour cannot be attributed to a mixture of properties of different readings (which are neutral with respect to (in)directness of evidence, as will be shown below). In fact, the inferential evidential reading is the only reading (outside of narrative progressions required for the past perfective reading) available for the Kildin Saami Perfect when there is an event time adverbial in the clause (15)—(17), that is why an event time adverbial was used in (13) above.

- (15) *vaas's'k' l'ii kuedd-ma loohkčuv'd'-et' jaxxta*
 V. be.NPST.3SG leave-PTCP.PST key-ACC.PL yesterday
 a. ^{OK} {The speaker sees Vasya's keys on the table in her apartment. Vasya visited her yesterday. It seems that he forgot his keys.} 'Vasya left the keys yesterday.'
 b. * {The speaker saw that Vasya was leaving without his keys, but did not tell him that on purpose because she does not like him.} 'Vasya left the keys yesterday.'
- (16) — *m'iin-en' l'ii* *vueŋŋč?*
 1PL-LOC be.NPST.3SG meat.NOM.SG
 — *munnn l'aa vuasst-ma vueŋč jaxxta*
 1SG.NOM be.NPST.1SG buy-PTCP.PST meat.ACC.SG yesterday

⁹ When citing [Dahl 2000], I refer to the Perfect Questionnaire [ibid.: 801—806].

- a. ^{OK}{Speaker's mother calls and asks whether they have meat. The speaker does not remember how she bought meat, but she sees meat on the table.} '— Do we have meat? — [It turns out] I bought meat yesterday.' (pragmatically strange)
- b. *{Speaker's mother calls and asks whether they have meat. The speaker merely says when she bought meat.} '— Do we have meat? — I bought meat yesterday.'

- (17) #*munnn l'aa uijn-ma soon tijjma tennvuejk'e munnn soon t'eed-a*
 1SG.NOM be.NPST.1SG see-PTCP.PST 3SG.ACC last.year therefore 1SG.NOM 3SG.ACC know-NPST.1SG
 int. {Do you know my sister?} 'I met her last year, so I know her.' (adapted from [Dahl 2000: (6)])

The sentence in (15) contains the adverb *jaxxta* 'yesterday' and is only compatible with the context (15a), in which the speaker makes an inference about the respective situation based on its result (the fact that Vasya's keys are in her apartment), similar to (13a) above. The sentence in (15) cannot be uttered in the context (15b), according to which the speaker saw Vasya leaving without his keys, thus directly witnessing the situation denoted by the proposition. Similarly, uttering the answer in (16), the speaker indicates that she has only indirect evidence (seeing meat on the table) for the proposition, as suggested by the infelicity of (16b), which assumes that the speaker has direct evidence (has witnessed her own actions), even though in (16), just like in (11) above, there is a preceding question which should favour the perfect resultative reading. The same pattern can be observed for a sentence with an adverb in the context which favours the experiential reading: cf. (17) which contains the adverb *tijjma* 'last year' and, unlike (12) above, cannot be felicitously uttered by the speaker who describes her own experience. Incompatibility of perfect readings (resultative and experiential in this case) with event time adverbials is commonly attested across languages [Grønn, von Stechow 2020: 2275–2276]. As for the narrow resultative reading, it is incompatible with event time adverbials because it is semantically stative [Nedjalkov, Jaxontov 1988: 6].

As was noted above for (14), the past perfective reading is compatible with event time adverbials. However, this reading arises only in narrative progressions with Past forms and is compatible with direct evidence, therefore it should be differentiated from the inferential evidential one, even though they are both compatible with event time adverbials. Thus, based on the fact that there is a specific context in which only the inferential evidential reading is available, I treat it as an independent reading of the Kildin Saami Perfect.

As we saw above, the inferential evidential reading is, quite expectedly, incompatible with direct evidence (visual perception), cf. (13) and (15)–(17). In combination with a first person participant, it demonstrates the first person effect (see, for instance, [Curnow 2002] and [Aikhenvald 2004]): it acquires a pragmatically unusual meaning, according to which a first person participant does not remember their own actions, lacks control over the situation or is unprepared for or surprised by it (e.g. (16b) above). All other readings are compatible with direct evidence and, consequently, do not show the first person effect, cf. (11)–(12) and (14) above. In (10), the context (the speaker saw the sorcerer's death) also suggests that the narrow resultative Perfect is compatible with direct evidence. At the same time, these readings are compatible with indirect evidence, which suggests that they are neutral with respect to evidentiality. Compatibility with indirect evidence is illustrated by (18) for the experiential reading. The fact that other readings are neutral with respect to (in)directness of evidence, unlike the inferential evidential one, suggests that the inferential evidential reading is the only evidential reading of the Kildin Saami Perfect, and, as such, it stands in opposition to all other readings.

- (18) *soonn l'ii uijn-ma soon tennvuejk'e soonn soon t'eedd*
 3SG.NOM be.NPST.3SG see-PTCP.PST 3SG.ACC therefore 3SG.NOM 3SG.ACC know.NPST.3SG
 {The speaker recalls that she saw a photo of her brother with the addressee's sister from some time ago.
 Q: Does your brother know my sister?} 'He met her [I infer], so he knows her.' (adapted from [Dahl 2000: (6)])

Based on the evidence and considerations presented above, in all the examples to follow I will use event time adverbials and avoid using narrative progressions to ensure that in each case I am dealing with the inferential evidential reading, to which the current paper is devoted.

The Kildin Saami evidential Perfect denotes inferences based on some perceptual experience [Willett 1988; Matthewson et al. 2007], i.e. it is compatible only with inferences based on some (perceptually experienced) result of the situation described by the proposition (cf. examples (1), (2a), (13a), (15a) and (16a) above). Assumption interpretations (speculation without concrete evidence in the form of result, inference from knowledge about the world) are unavailable for it (19). The only available interpretation (19b) suggests that the speaker sees some evidence for the situation denoted by the proposition (completed homework). As for hearsay contexts (evidence for some situation comes from someone else's words), they also seem to be incompatible with the Kildin Saami evidential Perfect. In the felicitous context (20b), the speaker sees the result of the event

denoted by the proposition — the sorcerer himself. However, some consultants note that the Perfect can be marginally available in hearsay contexts if the speaker believes his source to be trustworthy and considers their words as indicating that the described event actually took place. In the main body of the paper, I will largely not consider hearsay contexts as they are only marginally available. As my consultants' comments suggest, it may be the case that some speakers treat someone else's words actually as some kind of pragmatic result of the event denoted by the proposition. This result is perceived at the evidence acquisition time, just like the "genuine" result of the situation. In Section 4.3.1, I will briefly comment on this question.

(19) *soonn l'ii k'iirrkn-a*

3SG.NOM be.NPST.3SG finish-PTCP.PST

- a. *{The speaker is not in the room in which her son has been doing his homework, but she knows that he usually finishes doing his homework at 8 p.m. It is 8:15 p.m. Q: Is your son still doing his homework?} '[I think] he has finished.' (adapted from [Dahl 2000: (70)])
- b. ^{OK}{The speaker sees completed homework on the table of her son.} '[It seems] he has finished [doing his homework].'

(20) *noojit l'ii puadd-ma*

nojd.NOM.SG be.NPST.3SG come-PTCP.PST

- a. [?]{Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.} 'The sorcerer came!' (adapted from [Dahl 2000: (67)])
- b. ^{OK}{Said by a person who sees the sorcerer but did not see how he has come.} 'The sorcerer came!'

It should also be mentioned that usually the inferential evidential Perfect is interpreted as having a perfective aspectual viewpoint, e.g. (19b)—(20b). As such, it allows for all perfective actional interpretations (given before the comma in the actional class, e.g. ES and P in <ES P, P>). In certain contexts, it can have an imperfective aspectual viewpoint. In this case, the actional interpretations available are, accordingly, the imperfective ones (given after the comma, e.g. P in <ES P, P>). Most examples above had a perfective telic interpretation ES, e.g. (15)—(16) and (19)—(20). Examples with other interpretations will be considered below in Section 4.2.

4. Inferential evidential Perfect and result

In this section, I will argue that Kildin Saami inferential evidential Perfect has a result requirement that has to be satisfied at least at one of the temporal points: evidence acquisition time (EAT) or at the utterance time (UT). In 4.1, I will demonstrate the pattern of the Kildin Saami inferential evidential Perfect on telic verbs and show that to account for its behaviour we should take into consideration the evidence acquisition time: the existence of the lexically determined result should be evaluated (by the speaker) either at the EAT or UT. I will also consider the inference time, as distinct from the EAT, — the moment at which the speaker thinks over the acquired evidence and infers the likeliest event that this evidence stands for. Even though the inference time is almost never considered in the literature on evidentials, [Koev 2017], using the so-called "late realisation" scenarios (when the IT happens much latter than the EAT: the speaker thinks over their evidence only some (significant) time after they have acquired them), shows that it is the inference time ("learning event"), not the evidence acquisition time, which is crucial for the Bulgarian evidential system (see also [Johnson 2022] for the Mvskoke evidential system, which also uses the inference time), see Section 4.3.3 for a more detailed discussion of the Bulgarian case. Thus, it could turn out to be important for the Kildin Saami inferential evidential Perfect as well. Below, I will show that this possibility is not borne out. I will show that the existence of the result solely at the IT (not at the EAT or UT), as believed by the speaker, does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous. Thus, the notion of inference time should be kept apart from the EAT, as it is the latter, not the former, which is crucial (on par with the UT) for the behaviour of the Kildin Saami inferential evidential Perfect.

In 4.2, I will consider the requirement formulated in 4.1 with respect to verbs of different actional classes and show that there are some differences between them. The main distinction will be between telic and atelic situations: with atelic situations, some pragmatic result should exist, not the lexically determined one (in contrast to telic situations discussed in 4.1). I will also demonstrate that the lexically determined result can be not only a state, but also a process: the requirement illustrated in Section 4.1 also applies to verbs of the actional class <EP, ->.

In 4.3, I will discuss how the Kildin Saami data fit into the existing research on evidentials. In 4.3.1, I will discuss how the inferential evidential reading of the Perfect can be related to its resultative reading and consider the influence of actionality on its behaviour. In 4.3.2, I will compare the Kildin Saami pattern to the Matses,

Korean and Bulgarian data briefly introduced in Section 1 and discuss its implications for the claim made in [Arregui et al. 2017] regarding the viability of the notion of evidence acquisition time for analyses of evidentials. I will show that, in contrast to Matses, Korean and Bulgarian, the Kildin Saami inferential evidential Perfect requires the lexically determined result to exist either at the UT or at the EAT, but does not specify the relation between the ET and the EAT *per se*. Moreover, it also differs in that the EAT is not the only possible evaluation point of the existence of the result (from the point of view of the speaker), its existence can also be evaluated at the UT, whereas the Matses, Korean, and Bulgarian evidentials appeal only to the EAT, which invariably starts to serve as the new relatum for tense-aspect markers. This difference is one of the reasons why the Kildin Saami inferential evidential Perfect cannot be analysed without the notion of EAT, contrary to the intention of [Arregui et al. 2017]. In 4.3.3, I will briefly discuss the notion of inference time and claim that the Kildin Saami data argue in favour of distinguishing it from the evidence acquisition time. Together, the Bulgarian [Koev 2017], Mvskoke [Johnson 2022] and Kildin Saami data speak in favour of a system of five temporal anchors cross-linguistically relevant for evidentials: event time, topic time, evidence acquisition time, inference time, and utterance time.

4.1. Result at the EAT or UT

It may be assumed that inferential evidential sentences contain four distinct temporal anchors: the event time (ET), the evidence acquisition time (EAT), the inference time (IT), and the utterance time (UT). One of the possible configurations of these temporal anchors is the following: $ET < EAT \approx IT \approx UT$ ¹⁰ (21).

- (21) *vas'a l'ii vuasst-ma peert tijjma*
 V. be.NPST.3SG buy-PTCP.PST house.ACC.SG last.year
 {The speaker looks at Vasya's expense book in which it is written that Vasya spent a huge amount of money on something last year. The speaker knows that Vasya wanted to buy a house.} 'Vasya bought a house last year.'

In (21), the event time is marked by the adverb *tijjma* 'last year'. The speaker collects evidence for the proposition (a relevant entry in the book) shortly before the utterance time. Evidence acquisition time is distinct from the inference time, i.e. the time when the speaker thinks the acquired evidence over and comes up with the most probable explanation for this evidence (i.e. makes an inference about the preceding event). In (21), the speaker makes this inference right after the evidence acquisition time and right before the utterance time, i.e. she infers that, according to her knowledge, such an expense may only stand for Vasya buying a house last year. Thus, we can schematically represent the temporal configuration of this utterance as $ET < EAT \approx IT \approx UT$.

Throughout this section, I will present data that speak in favour of postulating the following requirement of the Kildin Saami inferential evidential Perfect: the lexically determined result of the inferred event should exist, as believed by the speaker, either at the evidence acquisition time or at the utterance time, or at both times simultaneously. In this section, this requirement will be demonstrated only on the ES (telic) interpretation of the verbs of class <ES P, P> (mainly *čvnyŋe* 'to get into') for the sake of consistency. Atelic verbs will be discussed in the next section. For examples with verbs of other actional classes see the appendix. For ease of comparison, the appendix also contains most of the examples from this and the following sections (thus, the appendix provides examples for verbs of all the actional classes (seven in total, see Section 3.1) present in Kildin Saami).

Example (2), repeated here as (22), shows that the inferential evidential Perfect can only be used if the speaker has evidence for some event the lexically determined result of which still persists, as reasoned by the speaker¹¹: the felicitous scenario in (22a) suggests that the burglar is still in the house, as his footprints lead only one way and there is no other way he could possibly have got out of the house. We can schematically represent (22a) as follows (the configuration is the same as in (21)): $ET < EAT \approx IT \approx UT$ (the lexically determined result exists). (22b) has the same temporal configuration. However, the result does not exist at $EAT \approx IT \approx UT$, making the use of the inferential evidential Perfect infelicitous. Existence of the lexically determined result at $EAT \approx IT \approx UT$ is the only difference between these contexts.

¹⁰ '<' marks precedence, whereas '≈' means that two points in time roughly coincide with each other. For instance, $EAT \approx IT$ means that the evidence acquisition time roughly coincides with the inference time. In reality, the EAT usually precedes the IT, at least slightly. For the sake of simplicity, I use the symbol '≈' when the distance between the EAT and the IT (or any other two points) is insignificant.

¹¹ Below, the phrase "the (lexically determined) result exists / does not exist" will be used as shorthand to mean that the result's existence at a relevant point in time is either directly perceived by the speaker or inferred, i.e. its existence is always evaluated by the speaker.

- (22) *suull jaxxta l'ii čvovv-ma peer'r't'-e*
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
 a. ^{OK}{The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees **muddy footprints on the carpet leading only one way** suggesting that the burglar is still in the house. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} 'The burglar got into the house yesterday. {Be careful! He is still here!}'
 b. *{The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees **muddy footprints on the carpet leading two ways** suggesting that the burglar is not in the house. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} 'The burglar got into the house yesterday.'

Even though this example demonstrates the requirement of the existence of the lexically determined result, it is quite ambiguous, as was noted in the Introduction. The evidence acquisition time only slightly precedes the utterance time (as well as the inference time), and it is impossible to tell which one of these moments serves as an evaluation point for the existence of the lexically determined result (at all the relevant times the result exists). In what follows, I will show the (ir)relevance of different points in time for the Kildin Saami inferential evidential Perfect's requirement of the existence of the lexically determined result: namely, the EAT, IT, and UT.

Example (23) shows that the existence of the lexically determined result solely at the evidence acquisition time is enough to make the use of the inferential evidential Perfect felicitous.

- (23) *suull jaxxta l'ii čvovv-ma peer'r't'-e*
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
 {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man looking out of the window of her neighbours' house.** She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends or maybe not. **Now she knows that the police have searched the whole house and found no one.** The speaker is given a portrait of the alleged burglar. She recognises the man she saw yesterday. Q: When did the burglar get into the house?} 'The burglar got into the house yesterday.'

The temporal configuration of (23) is the following: ET < EAT (result¹² exists) < IT ≈ UT (result does not exist). The speaker collects evidence while perceiving the lexically determined result (the burglar being in the house). In fact, this result constitutes the evidence for the inferred proposition. However, at that time she does not infer that the man is actually a burglar (because she is not sure who he is), she infers this only at the moment she is shown the portrait of the alleged criminal (thus the '<' sign between the EAT and the IT), and at this moment the lexically determined result does not exist, as believed by the speaker (she knows that the house has been searched by the police). The context also suggests that the speaker knows that there is no one in the house at the utterance time (which follows slightly after the inference time). Thus, the lexically determined result exists only at the EAT. If we assumed the utterance time to be the only available evaluation point for the existence of the result, we would have expected the Perfect to be infelicitous in this context. However, the Perfect is felicitous. Thus, we see that the EAT can on its own serve as the evaluation point for the existence of the lexically determined result.

The crucial difference between (23) and (22b) is that in (23), the result existed at the evidence acquisition time, whereas in (22b), the EAT coincides with the utterance time, at which, according to the expectations of the speaker, the result is absent.

(24a) constitutes a minimal pair to (23): the speaker saw the potential burglar only after he had already left the house. In this case, the Perfect is infelicitous with the predicate 'get into the house', as at the evidence acquisition time the yet-to-be-revealed burglar had already left the house, thus, the lexically determined result did not exist at that moment. Neither it exists at the inference time or at the utterance time. This configuration can be schematically represented as follows: ET < EAT (result does not exist) < IT ≈ UT (result does not exist). The inferential evidential Perfect is incompatible with such a context. This configuration differs from (22b) in that in (24a) the EAT does not coincide with the IT or UT. In turn, the difference between (24a) and (24b) (which also constitutes an infelicitous context for the inferential evidential Perfect) is that in (24a) the speaker observes the yet-to-be-revealed burglar only after he has already left the house, whereas in (24b) the speaker observes some condition which precedes the inferred event. Thus the temporal configuration of (24b) is EAT (result does not exist) < ET < IT ≈ UT (result does not exist).

¹² Throughout this section, I will refer to the notion of the lexically determined result either by its full name or simply "result" (when it is not being contrasted with a pragmatic result).

- (24) #suull jaxxta l'ii čvnn̄ḡ-ma peer'ŕ't'-e
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
- a. int. {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate leaving the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. Now she knows that the police have searched the whole house and found no one. The speaker is given a portrait of the alleged burglar. She recognises the man. Q: When did the burglar get into the house?} 'The burglar got into the house yesterday.'
- b. int. {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate trying to get to the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. Now she knows that the police have searched the whole house and found no one. The speaker is given a portrait of the alleged burglar. She recognises the man. Q: When did the burglar get into the house?} 'The burglar got into the house yesterday.'

After looking at examples (23)–(24), we may ask whether the Perfect can at all be felicitously used in a context in which the speaker does not observe the lexically determined result itself but infers its existence and the existence of an event that caused it based on some pragmatic result (result not directly encoded in the verb). In (23), which is felicitous, the speaker observes the alleged burglar being in the house, which is the lexically determined result of 'to get into the house'. In turn, in (24), which is infelicitous in both of the intended contexts, the speaker observes some pragmatic consequence of the burglar having gotten into the house (24a) or some condition which precedes the inferred event (24b). If the observation of the lexically determined result by the speaker is required, then the inferential evidential Perfect should be analysed as a marker which signals that the speaker perceived the lexically determined result, not something else. However, this is not actually the case.

Example (25) shows that witnessing some pragmatic result (as opposed to witnessing the lexically determined result 'the burglar is in the house') is enough to make the use of the inferential evidential Perfect felicitous, provided the lexically determined result is believed by the speaker to exist at the EAT or UT (cf. in this respect similar examples (21), (22a)). In this example, the speaker infers that the burglar got into the house yesterday based on the previously collected evidence — noise coming from the house. The noise does not constitute the lexically determined result of the verb 'to get into', but only a pragmatic one. The speaker does not have direct access to the lexically determined result (the burglar being in the house), but infers that someone got into the house based on the noises that came from inside it. This sentence has the following temporal configuration: ET < EAT (result exists) < IT ≈ UT (result does not exist).

- (25) suull jaxxta l'ii čvnn̄ḡ-ma peer'ŕ't'-e
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
- {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she heard something break in her neighbours' house, probably it was a big vase which stands in the kitchen.** The speaker knows that the family is on vacation, but it could be their friend whom they asked to water their flowers. **Now the speaker knows that the police have searched the whole house and found no one.** Q: When did the burglar get into the house?} 'The burglar got into the house yesterday.'

Thus, we can say that the inferential evidential Perfect does not necessarily encode the perception of the lexically determined result, but encodes the probability of its existence as judged by the speaker. In cases where the speaker observes the lexically determined result, its probability, as judged by the speaker, is, of course, the highest. If the speaker does not observe the lexically determined result, but only makes an inference about it, its existence should be judged to be indisputable. In this paper, I do not give a precise definition of the certainty on the part of the speaker and leave it for future research.

Above, I proposed that the lexically determined result should be evaluated either at the evidence acquisition time or at the utterance time, or at both times simultaneously. I have already shown that the existence of the result solely at the EAT ((23), (25) above) or at both the EAT and UT ((21), (22a) above) makes the use of the inferential evidential Perfect felicitous. Now, I should provide an example in which the UT is opposed to all other times regarding the existence of the lexically determined result. Consider (26a) in which, according to the speaker, the result did not exist at the EAT (the burglar was not yet in the house) but exists at the utterance time, of which the speaker is aware because she was informed that the burglar had barricaded himself in the house and is still there at the UT. The temporal configuration of (26a) is as follows: EAT (result does not exist) < ET < IT ≈ UT (result exists). And, as can be seen from this example, the inferential evidential Perfect is felicitous

in such configurations. (26b) is similar to (26a), but differs in the configuration and ambiguity of the evidence (it does not speak clearly in favour of the existence of the lexically determined result at the EAT): $ET < EAT$ (result is ambiguous) $< IT \approx UT$ (result exists).

(26) *suull jaxxta l'ii čvnyy-ma peer'j't'-e*
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG

- a. {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate trying to get to the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. **Now she additionally knows that the burglar has barricaded himself in the house and is still there.** Q: When did the burglar get into the house? — The speaker recalls what she saw yesterday and infers that this man was in fact the burglar.} 'The burglar got into the house yesterday.'
- b. {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she heard. **Yesterday, she heard something break in her neighbours' house, probably it was a big vase which stands in the kitchen.** She knows that the family is on vacation, **but it could be their friend whom they asked to water their flowers.** Now she additionally knows that the burglar has barricaded himself in the house and is still there. Q: When did the burglar get into the house? — The speaker recalls what she heard yesterday and infers that this man was in fact the burglar.} 'The burglar got into the house yesterday.'

Thus, (26) seems to show that the existence of the result at the UT is sufficient for the inferential evidential Perfect. However, in both contexts in (26), the UT also "coincides" with the inference time, which may be deemed to be responsible for the felicity of these examples. As I will show just below, the inference time alone cannot serve as an evaluation point for the existence of the lexically determined result. Therefore, I believe that (26) is felicitous specifically due to the result being existent at the UT and thus shows that the lexically determined result can be evaluated not only at the EAT, but also at the UT.

Let us now look at examples that show that the existence of the lexically determined result at the inference time — the moment at which the speaker thinks over the acquired evidence and infers the likeliest event that this evidence may stand for — does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous. In all the examples above in this section (21)–(26), the inference time "coincides" with the utterance time, leading to the effect that the result exists (or does not exist) simultaneously at both of these moments. Thus, to show the contribution of the inference time alone I should provide examples in which the lexically determined result exists only at this moment and not at the evidence acquisition time or the utterance time.

Example (27) shows that the existence of the lexically determined result at the IT does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous. Its temporal configuration is as follows: EAT (result does not exist) $< ET < IT$ (result exists) $< UT$ (result does not exist).

(27) *#suull jaxxta l'ii čvnyy-ma peer'j't'-e*
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG

- int. {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate trying to get to the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of the neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. **The speaker knows that, according to the police report, the burglar is still hiding somewhere in the basement of the house.** The speaker is given a portrait of the alleged burglar. **She recognises the man, and remembers him crawling over the backgate. Some time later new information comes in: the burglar has just been arrested and is now being escorted to a prison.** Q: When did the burglar get into the house?} 'The burglar got into the house yesterday.'

In (27), the lexically determined result did not exist at the evidence acquisition time: the speaker saw the burglar crawling over the fence to get to the yard, not being in the house (cf. the infelicitous example (24b) above, which contains a similar piece of context). Also, the lexically determined result does not exist at the utterance time: even though the burglar was lurking in the basement of the house, later the police managed to lure him out, and at the utterance time he is no longer in the house. However, at the inference time, the lexically determined result existed: at this time the speaker knew that the burglar, according to the police report, was still lurking in the house. Having made an inference at the time at which the lexically determined result still existed, the speaker then gets to know that the burglar has been eventually lured out of the house. Thus, at the UT the result ceases to exist. As can be seen, this sentence is infelicitous.

One may suggest that the existence of the lexically determined result at the IT does not make the inferential evidential Perfect felicitous in contexts like (27) because the inference time is not salient in this context, unlike the EAT and UT, which can be more easily determined from the overall discourse. For instance, it may be supposed that in examples like (25) above it becomes clear from other parts of the speaker's monologue when she collected the relevant evidence. Thus, the time when the result existed can be easily determined by the listener. In contrast, the moment the speaker makes an inference in (27) is not explicitly mentioned in the speech, thus being unrecoverable from the context (the speaker could have inferred that the man was the burglar before she was given a portrait), leading to an obvious misunderstanding on the part of the listener. Thus, there may be some pragmatic constraint on making reference to the inference time. This could be the reason why examples in which the lexically determined result exists solely at the inference time are infelicitous. However, such a pragmatic constraint cannot be the reason why (27) is infelicitous. Consider (28).

- (28) *peejjel' p'eel'-čaaš munn v̥v̥ntš-e vas'a*
 over half.GEN.SG-hour.GEN.SG 1SG.NOM understand-PST.1SG V.
l'ii lihk-ma kuul'l' l'iim taar'm'
 be.NPST.3SG make-PTCP.PST fish.NOM.SG soup.ACC.SG today

- a. *{This morning, the speaker saw something boiling in the pot. At that time, she did not understand what Vasya was making. Half an hour later, she recalled what she saw and understood that, in fact, it was fish soup which, judging by the colour, should have become ready in half an hour. So she thought that it was ready. The speaker and the listener know that Masha loves fish soup and eats it up almost immediately the moment it is ready. So by now Masha has most likely eaten it all up.} 'Half an hour later I understood, Vasya made fish soup today.'
- b. ^{OK}{This morning, the speaker saw something boiling in the pot. At that time, she did not understand what Vasya was making. Half an hour later, she recalls what she saw and understands that, in fact, it was fish soup which, judging by the colour, should have become ready in half an hour. So it is ready now.} 'Half an hour later I understood, Vasya made fish soup today. {Let's go eat it.}'

In the context (28a) (of configuration EAT (result does not exist) < ET < IT (result exists) < UT (result does not exist)), the moment of inference is quite distinct and is, in fact, localised in time by the event time adverbial 'half an hour later' in the first clause. Thus, due to the fact that the moment of inference is retrievable, we do not expect the pragmatic constraint discussed above to apply. However, the inferential evidential Perfect is infelicitous in such a context. In the felicitous context (28b), the lexically determined result is expected by the speaker to exist at the utterance time (she invites her interlocutor to go and eat the soup). Thus, it is not pragmatic factors which lead to the infelicity of examples like (27) or (28), but the requirement of the inferential evidential Perfect itself, according to which the lexically determined result should be existent at the EAT or UT. I conclude that the existence of the lexically determined result solely at the inference time is not sufficient to make the use of the inferential evidential Perfect felicitous.

So far, we have discussed the requirement of the existence of the lexically determined result with respect to three points: evidence acquisition time, inference time and utterance time. Table 1 summarises the pattern illustrated by the examples in this section.

Table 1. Felicity of the Perfect with respect to the existence of the result at different points of time (only telic situations)

Is the Perfect felicitous?	According to the speaker, the result exists at...			Examples
	Evidence acquisition time	Inference time	Utterance time	
Yes	+	+	+	21, 22a
Yes	+	—	—	23, 25
Yes	—	+	+	26, 28b
No	—	+	—	27, 28a
No	—	—	—	22b, 24

We can see that the Kildin Saami inferential evidential Perfect requires that the lexically determined result exist, as reasoned by the speaker, at a specific temporal point. Otherwise, the Perfect is infelicitous (22b), (24). The result should exist either at the evidence acquisition time (23), (25) or at the utterance time (26), (28b), or it can exist at both these times simultaneously (21), (22a). The inference time alone is not enough to make the use of the inferential evidential Perfect felicitous, whether it can be easily determined from the context (27) or not (28a).

What is also crucial is that it is not necessary for the speaker to actually perceive the lexically determined result itself. The speaker can infer its existence (and consequently the existence of the event) based on some pragmatic result, as in (21), (22a) and (25) above. Thus, we can say that in such sentences the speaker makes an inference twice: once about the lexically determined result and once about the event itself¹³. The overall pattern is summarised in (29). This pattern pertains only to telic interpretations (so far, only ES interpretations of <ES P, P> verbs were considered), atelic verbs and interpretations will be discussed in the next section.

(29) For any telic situation, the existence of the lexically determined result at the EAT or UT (or both) is a necessary condition for the inferential evidential Perfect. The existence of the result is assessed by the speaker.

4.2. Different actional classes

In the previous section, I checked the relevance of different moments in time for the Kildin Saami inferential evidential Perfect based on examples with only telic verbs, mostly the verb ‘to get into’ of the actional class <ES P, P>. Moreover, in all these examples, only the telic (ES) interpretation was considered. In this section, I will show how the requirement formulated above applies to verbs of different actional classes and to their different actional interpretations.

The first question to arise is whether the Kildin Saami inferential evidential Perfect is compatible with atelic verbs. We could expect that it would be incompatible with such verbs because they a priori do not have any lexically determined result specified in their actional characteristics (see Section 3.1). However, this is not the case, as can be seen from the felicity of (30). This example contains the atelic verb *vuur’r’te* ‘to wait’ of the actional class <S, S>. The speaker bases her inference solely on the pragmatic result of the situation of waiting (a bouquet of flowers on the ground is not the lexically determined result of the situation). No lexically determined result is required to exist, as there is simply no such result available. The temporal configuration of this sentence is ET < EAT ≈ IT ≈ UT (pragmatic result exists).

(30) *soonn l’ii vuerrt-ma mun vid-ant čaas-es’* (<S, S>)

3SG.NOM be.NPST.3SG wait-PTCP.PST 1SG.ACC five-ORD hour-LOC.SG

{The speaker had a quarrel with her boyfriend yesterday. Today, she stayed late at work and had to work till seven p.m., not ordinary five p.m. **When she walks out of the building, she sees a bouquet of her favourite flowers.** She thinks that it was her boyfriend who left the bouquet because he wanted to apologise. She calls her friend with the news.} ‘He waited for me at five o’clock!’

Similarly to the lexical determined result of telic interpretations, pragmatic result is required to exist for atelic interpretations, as (31) shows (the temporal configuration is EAT (result does not exist) < ET < IT ≈ UT (result does not exist)). In this example, the speaker infers the preceding event based on some preexisting conditions. Thus, at the EAT, there is yet no result of any kind. At the IT and the UT, there is no pragmatic result either, because the utterance time (and the IT) is located when Vasya is well-rested (there was another night, during which he slept well), thus the pragmatic result of him being sleepy and angry has ceased to exist. As can be seen, the inferential evidential Perfect is infelicitous in such a context.

(31) *#vas’a l’ii vuadd-ma nuez’el’t’ peejjel’-jaxxta* (<S, S>)

V. be.NPST.3SG sleep-PTCP.PST badly over-yesterday

int. {In the evening two days ago, the speaker forgot to close the window and a lot of mosquitos flew into Vasya’s room. She did not pay much attention to this. **Two days later, while at work, she suddenly recalled this and understood that Vasya did not sleep well that night two days ago and was obviously sleepy yesterday.** She knows that Vasya cannot sleep well if mosquitos buzz in his room. Each time this has happened before, Vasya was very angry and sleepy the next day. But most certainly, Vasya slept better the previous night. She tells this story to her friend.} ‘Vasya slept badly the day before yesterday.’

Thus, we can see that, with atelic verbs, the existence of a pragmatic result is required for the inferential evidential Perfect to be felicitous, in contrast to telic verbs, which require the existence of the lexically determined result (cf. (22b) above, which describes a telic situation and is infelicitous even though some pragmatic result exists at the EAT and UT).

In (30), the evidence acquisition time and the utterance time “coincide”. Thus, it is impossible to tell, based solely on this example, which of the times plays the crucial role for the felicity of the inferential evidential

¹³ It may also be the case that the speaker makes an inference only about the lexically determined result, while the existence of the preceding event merely follows (though no inference is needed in cases where the speaker sees the lexically determined result). I leave this for future research.

Perfect. With atelic verbs, felicity of utterances in which a pragmatic result exists solely at the utterance time can most easily be checked in a temporal configuration in which the evidence acquisition time precedes the event time (cf. (31) above, which has a similar configuration). In such cases, there can *a priori* be no pragmatic result at the EAT, as a result is a consequence of an event, and no event has yet occurred. (32) has the needed temporal configuration: EAT (pragmatic result does not exist) < ET < IT $\approx$ UT (pragmatic result exists). In this example, the speaker saw her friend Masha's boyfriend before he came to Masha's place of work (as she later concluded) and started to wait for her there (hence EAT < ET), thus there is no result at the EAT. The speaker makes an inference that Masha's boyfriend waited for her only after the event has presumably occurred (hence ET < IT). At the utterance time, Masha is joyful, thus the pragmatic result exists at the UT. Just as with telic interpretations discussed above, (32) shows that the existence of the pragmatic result solely at the UT makes the use of the Kildin Saami inferential evidential Perfect felicitous.

- (32) *soonn l'ii vuerrt-ma toon vid-ant čaas-es'* (<S, S>)
 3SG.NOM be.NPST.3SG wait-PTCP.PST 2SG.ACC five-ORD hour-LOC.SG
 {At a quarter to five o'clock today, the speaker **saw her friend Masha's boyfriend with a bouquet of flowers walking across the street**, but she did not pay much attention to him. Later in the evening, she understands that he was walking towards the place where Masha works, which is a ten minute walk from the place she met him. She recalls that Masha always finishes her work at about five o'clock. Obviously, he wanted to meet her after work and waited for her at five o'clock. **She calls Masha and Masha's joy confirms her expectations.**} 'He waited for you at five o'clock!'

In turn, as (33) shows, the pragmatic result is not required to exist specifically at the UT. The temporal configuration of (33) is the following: ET < EAT $\approx$ IT (pragmatic result exists) < UT (pragmatic result does not exist).

- (33) *soonn l'ii vuerrt-ma mun vid-ant čaas-es'* (<S, S>)
 3SG.NOM be.NPST.3SG wait-PTCP.PST 1SG.ACC five-ORD hour-LOC.SG
 {The speaker had a quarrel with her boyfriend yesterday. Today, she stayed late at work and had to work till seven p.m., not ordinary five p.m. **At 5:30 p.m. she looked out of her window and saw a bouquet of flowers.** She immediately thought that it was from her boyfriend because she thought that he wanted to apologise in this way. But she could not walk out before 7 p.m. **When she finally finished her work and walked out of the building, she, unfortunately, did not find the bouquet.** She called her friend with the news.} 'He waited for me at five o'clock!'

In (33), the pragmatic result is the bouquet of flowers. The speaker sees the bouquet and infers that it is her boyfriend who has left it. However, later, someone takes the bouquet, so at the utterance time the pragmatic result does not exist. Yet, the use of the inferential evidential Perfect is felicitous, because the pragmatic result (the bouquet) existed at the EAT.

However, in this example, the evidence acquisition time coincides with the inference time. Parallel to the pattern with telic interpretations described in the previous section, the existence of the result solely at the IT does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous, even if the inference time can be safely identified from the preceding discourse (34). The temporal configuration in (34) is as follows: EAT (result does not exist) < ET < IT (result exists) < UT (result does not exist). The speaker let mosquitos into Vasya's room (which serve as evidence for the inferred proposition) before the inferred event (Vasya sleeping badly). However, she did not think the evidence over immediately and thought about its consequences only on the following day, on which, most probably, Vasya was sleepy (hence the result existed at the IT). Yet on the next day, the day of the utterance, Vasya most likely ceased to be sleepy (hence the result does not exist anymore). The inference time is explicitly indicated by the speaker, so the time the result existed can be easily retrieved.

- (34) *#jaxxta munn vñntš-e vas'a l'ii vuadd-ma juez'el't' peejjel'-jaxxta* (<S, S>)
 yesterday 1SG.NOM understand-PST.1SG V. be.NPST.3SG sleep-PTCP.PST badly over-yesterday
 int. {This evening, the speaker forgot to close the window and a lot of mosquitos flew into Vasya's room. She did not pay much attention to this. **On the next day, being at work, she suddenly recalled this and understood that Vasya did not sleep well that night and is obviously sleepy.** She knows that Vasya cannot sleep well if mosquitos buzz in his room. Each time this has happened before, Vasya was very angry and sleepy the next day. Yet on the next day, today, the speaker tells this story to her friend. But most certainly, Vasya slept better the previous night.} 'Yesterday, I understood, Vasya slept badly the day before yesterday.'

Thus, it can plausibly be assumed that the existence of the result at the EAT, not the IT, contributes to the felicity of (33). Indeed, (35) illustrates that the existence of the pragmatic result solely at the evidence

acquisition time (not at the IT) is enough to make the use of the inferential evidential Perfect felicitous, just as with telic verbs. (35) has the following temporal configuration: ET < EAT (pragmatic result exists) < IT ≈ UT (pragmatic result does not exist). It differs from (33) in that in (35) the EAT does not coincide with the IT, thus in this example we can look at the contribution of the evidence acquisition time alone.

- (35) *soonn l'ii vuerrt-ma mun vid-ant čaas-es'* (<S, S>)
 3SG.NOM be.NPST.3SG wait-PTCP.PST 1SG.ACC five-ORD hour-LOC.SG
 {The speaker had a quarrel with her boyfriend yesterday. Today, she stayed late at work and had to work till seven p.m., not ordinary five p.m. **At 5:30 p.m. she looked out of her window and saw a bouquet of flowers. But she did not pay much attention to it because she was absorbed in her work.** When she finally finished her work and walked out of the building, **she saw that the bouquet was, unfortunately, nowhere to be found. She started to think about it and suddenly realised that the bouquet should have been from her boyfriend.** She called her friend with the news.} 'He waited for me at five o'clock!'

In sum, the pattern with atelic verbs is similar to the pattern with telic verbs in their telic interpretations, the only difference being that, with atelic verbs, the pragmatic result is required to exist at the EAT or at the UT, not the lexically determined result, which is simply undefined for this class of verbs.

So far, we have discussed the behaviour of atelic verbs (<S, S>) and telic verbs (<ES P, P>) in their telic interpretations (ES). The question remains as to the behaviour of telic verbs (<ES P, P>) in their (delimited) atelic interpretations. Two possibilities present themselves. Either such verbs will behave as pure atelic verbs (cf. examples (30)–(35) above), demonstrating the requirement of the existence of a pragmatic result (because atelic interpretations do not have any lexically determined result), or they will require the lexically determined result to exist at the EAT or the UT, as they have a telic interpretation (ES) in their actional characteristics. As (36) shows, the first possibility is the case. (36a) has the temporal configuration ET < EAT ≈ IT ≈ UT (pragmatic result exists), while (36b) has the configuration ET < EAT ≈ IT (pragmatic result exists) < UT (pragmatic result does not exist).

- (36) *tes't' p'edar l'ii kippt-a v'aar* (<ES P, P>)
 here P. be.NPST.3SG cook-PTCP.PST soup.ACC.SG
 a. ^{OK}{The speaker sees a pot of soup on the stove which is turned off. The pot is a bit warm. All the vegetables in the soup are not cooked.} 'Here Petya cooked soup [for some time].'
 b. ^{OK}{**The speaker sees a pot of soup on the stove which is turned off. The pot is a bit warm.** All the vegetables in the soup are not cooked. The speaker infers that Petya cooked soup for some time but then stopped making it. **The speaker tastes the soup and understands that it is salted way too much and tosses it away.** Later the speaker retells someone about it.} 'Here Petya cooked soup [for some time].'

Both contexts of (36) are based on the atelic interpretation of the verb 'to cook' (the soup is not ready). We can see that the inferential evidential Perfect is felicitous both in (36a), in which the pragmatic result (vegetables are not ready) exists at the EAT, IT, and UT, and in (36b), in which the pragmatic result is existent only at the evidence acquisition time. This pattern is the same as with atelic verbs discussed above. The lexically determined result, even though it is nominally available to the verb (according to its actional characteristic), is not required to exist at any point of time.

Likewise, verbs of the actional classes <ES, P> and <ES, S> behave differently depending on the interpretation chosen in a given context. If the inferred situation is telic (ES), the lexically determined result is required to exist at the EAT or at the UT. If the inferred situation is atelic (P or S), the pragmatic result is required to exist at the EAT or at the UT. Verbs of the actional classes with either only telic (<ES, →, <EP, →) or only atelic interpretation (<S, S>, <P, P>) in turn, show behaviour according to their only interpretation. For reasons of space, I exclude examples for verbs of these actional classes from the main body of the paper, providing them in the appendix. All in all, the appendix contains all the crucial examples for each of the actional classes (seven in total, see Section 3.1) present in Kildin Saami.

Thus, I conclude that the actional characteristic of a verb *per se* does not impose any restrictions on its behaviour with respect to the requirement postulated above. It is solely the interpretation chosen in a specific context to which the requirement applies.

Verbs of the actional class <EP, →, such as, for instance, *vuul'l'k'e* 'to start going', as discussed in Section 3.1, do not have any result state: what obtains after the EP (entry into a process) event is not a state, but a process. Nevertheless, such verbs show the same pattern as verbs with the ES interpretation, with the only difference being that their lexically determined result is not a state, but a process. (37) shows that the process of burning should be unfolding at the EAT (or the UT), otherwise the inferential evidential Perfect is infelicitous. The felicitous context (37a) has the configuration ET < EAT ≈ IT ≈ UT (the process is unfolding), whereas the

infelicitous context (37b) has the configuration $ET < EAT \approx IT \approx UT$ (the process has already ceased). The felicity of (37a) and the infelicity of (37b) suggest that we are dealing with the same requirement as that of telic verbs which have the ES interpretation.

- (37) *peer̥rt l'ii puell-j-a jaxxta* ($<EP, \rightarrow$)
 house.NOM.SG be.NPST.3SG burn-ACAUS-PTCP.PST yesterday
 a. ^{OK} {The speaker works as a fireman. She arrived at the place where a house was on fire, the fire was already weakening. She looked at the wood and concluded that the house had caught fire yesterday.} 'The house caught fire yesterday.'
 b. * {The speaker works as a fireman. She arrived at the place of a burnt-out house, but the fire had already gone out. She studied the remnants of the house and the state of the wood and concluded that the house had caught fire yesterday.} 'The house caught fire yesterday.'

The Kildin Saami inferential evidential Perfect can also be used imperfectively. In this case, just as with atelic interpretations, the pragmatic result is required to exist at the EAT or at the UT, no matter what actional characteristic the verb has (provided it has an imperfective interpretation). Consider (38), which has the structure $ET \approx EAT \approx IT$ (pragmatic result exists) $< UT$ (pragmatic result does not exist) and contains the multiplicative verb *puččk'e* 'to jump'.

- (38) *mun̥n puud'd'-e peer̥r't-e paarr̥n-e l'ee-v puččk-ma*
 1SG.NOM come-PST.1SG house-DAT.SG boy-NOM.PL be-NPST.3PL jump-PTCP.PST
 {The speaker did not see children jumping but dust was falling from the ceiling.} 'I came home, children were jumping.'

In (38), the speaker perceives the pragmatic result (dust falling from the ceiling) during the time the inferred event unfolds. Thus, the pragmatic result exists at the evidence acquisition time, therefore the inferential evidential Perfect is felicitous.

Given the data discussed in this section, we should add another condition to the requirement postulated in the previous section in order to cover the observations concerning atelic situations (39). Just as with telic interpretations, it is not necessary for the speaker to actually observe the pragmatic result, its existence can be inferred, just as the existence of some previous event.

- (39) a. For any telic situation, the existence of the lexically determined result at the EAT or UT (or both) is a necessary condition for the inferential evidential Perfect. The existence of the result is assessed by the speaker: its existence can be either observed or inferred based on some pragmatic result.
 b. For any atelic situation, the existence of a pragmatic result at the EAT or UT (or both) is a necessary condition for the inferential evidential Perfect. The existence of the result is assessed by the speaker: its existence can be either observed or inferred based on some pragmatic result.

Table 2 summarises all the observations presented so far. As can be seen from this table, as well as from the generalisation formulated in (39), telic and atelic interpretations impose the same restriction, modulo the type of result. Both requirements use the evidence acquisition time and utterance time, but do not use the inference time. The difference is that for telic situations, the lexically determined result should be existent, whereas for atelic situations, the restriction concerns the pragmatic result. For now, I formulate two different requirements for telic and atelic situations. However, due to the similarity of these requirements, it may be a possibility that they can be reduced to only one requirement which manifests itself differently in combination with different types of situations. I leave this option, as well as the formalisation of this requirement (or these requirements), for future research.

Now, let us proceed to discuss how the Kildin Saami data fit into the cross-linguistic research on inferential evidentials and what implications it has for the notions of evidence acquisition time, inference time and the proposals against temporal anchors specific to evidentials like [Arregui et al. 2017].

4.3. Discussion

4.3.1. Evidentiality, actionality and aspect

There are a lot of evidentials which are analysed within the traditional approach to evidentiality based on the type of evidence they encode (e.g. auditory, inference or hearsay) [Willett 1988], though not all analyses within the traditional approach specifically refer to the type of evidence: some of them use other concepts to derive the distinction between direct and indirect evidence and between different types of indirect evidence. For instance,

Table 2. Pattern of the Kildin Saami inferential evidential Perfect with respect to the existence of the result (telic and atelic situations)¹⁴

Actional interpretation and type of result	According to the speaker, the result exists at...			Examples	Is the Perfect felicitous?
	Evidence acquisition time	Inference time	Utterance time		
Atelic (S or P), pragmatic result	+	+	+	30	Yes
	+	—	—	35	Yes
	—	+	+	32	Yes
	—	+	—	34	No
	—	—	—	31	No
Telic (ES or EP), lexically determined result	+	+	+	21, 22a	Yes
	+	—	—	23, 25	Yes
	—	+	+	22b, 24	Yes
	—	+	—	26, 28b	No
	—	—	—	27, 28a	No

[Faller 2004] analyses the Cuzco Quechua non-firsthand evidential *-sqa* as a past tense marker which places the described event outside the speaker's perceptual field. See [Aikhenvald 2004] and [Xrakovskij 2007] for many more examples of evidentials which are analysed within the traditional approach to evidentiality. Such evidentials do not seem to interact with either tense or aspect.

However, evidential forms which additionally encode some kind of tense-aspect relation seem to be a cross-linguistically common phenomenon as well. Different tense-aspectual restrictions have been reported to influence the behaviour of such forms. For instance, in Bulgarian, evidential forms also encode the relation between the ET and the EAT (or the IT, as [Koev 2017] argues): whether the former precedes or coincides with the latter depends on the tense of the respective form [Smirnova 2013].

The Kildin Saami inferential evidential Perfect seems to constitute another case of a tense-aspectual restriction on the behaviour of an evidential form. Even though there is only one unchangeable evidential form¹⁵ in Kildin Saami (unlike in Bulgarian), it demonstrates a restriction which can be viewed as the result of the “influence” of its diachronic source, namely, the resultative construction¹⁶. The resultative reading is synchronically available for the Kildin Saami Perfect (see Section 3.2) and can presumably be viewed as diachronically the first one [Kosheleva 2023]. [Aikhenvald 2004] views resultative constructions as one of the most common diachronic sources for inferential evidentials (see [Xrakovskij 2007] and [Plungian et al. 2016] for specifics of evidential forms which diachronically go back to forms with resultative readings).

Even though, as I will show below, the inferential evidential Perfect behaves quite distinctly from the resultative Perfect, the inferential evidential Perfect's requirement of the existence of the result (especially the lexically determined result) is quite similar to the definition of the (perfect) resultative aspect: some state is asserted to exist at the topic time [Bohnenmeyer 2014: 920]. On the conceptual level, the only difference is that with the inferential evidential Perfect the result is stated to exist either at the evidence acquisition time (a temporal point specific to evidential forms) or at the utterance time, not at the topic time (see a more detailed discussion in the next section). At the same time, it can be shown that the inferential evidential Perfect is not merely an extension of the resultative interpretation, but demonstrates some features specific to an evidential.

To begin with, (40) shows that the “flavour” of indirect evidence is not merely an implicature based on the resultative interpretation, as it cannot be cancelled in a standard implicature cancellation test with ‘in fact’ (suggested in [Grice 1991]). Thus, the requirement of indirect evidence should be hardwired into the semantics of the inferential evidential Perfect.

¹⁴ See the appendix for more examples with other verbs illustrating this pattern.

¹⁵ In all other languages discussed, there are multiple structurally similar evidential forms that denote specific relations between the ET and the EAT: e.g. $ET < EAT$ or $ET \approx EAT$. As I noted in Section 3.1, the Kildin Saami Pluperfect seems to be neutral with respect to (in)directness of evidence. Thus it does not constitute a pair to the inferential evidential Perfect, which is a single evidential tense-aspect form in Kildin Saami.

¹⁶ In this section, I use the term “resultative” both for narrow and perfect resultative readings (see Section 3.2). [Bohnenmeyer 2014] specifically analyses the perfect resultative uses of the English Present Perfect, but the same observations are also true for narrow resultatives.

- (40) #suull jaxxta l'ii čvovv-*ma* peer'g'r't'-e zvvbel' munn ujjn-e tenn
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG in.fact 1SG.NOM see-PST.1SG this.ACC.SG
 int. {The speaker saw the burglar in the house yesterday.} 'The burglar got into the house yesterday
 [I infer]. In fact, I saw this.'

The requirement of the inferential evidential Perfect can be satisfied by the existence of the lexically determined result either at the UT or EAT (which is in the past relatively to the UT), whereas the resultative Perfect cannot be used to describe some state in the past, the Pluperfect form should be used instead. In (41), the context suggests that the speaker saw her brother eating the soup. Thus, what we observe here is not the inferential evidential reading of the Perfect, but the (perfect) resultative one¹⁷. Infelicity of the resultative Perfect in this example suggests that for this reading the result should be existent (at the topic time which is located) at the utterance time, not at some point in time in the past. (42) is similar in this respect, but contains a definite time adverbial which modifies the time at which the state exists¹⁸. Again, due to the fact that the topic time is located in the past, the Pluperfect form should be used.

- (41) kues's' munn ujjd-e peert-es' soonn
 when 1SG.NOM leave-PST.1SG house-LOC.SG 3SG.NOM
 *l'ii / ^{OK}l'aajj jo poorr-*ma* l'iim
 be.NPST.3SG / be.PST.3SG already eat-PTCP.PST soup.ACC.SG
 {Mother asks the speaker about her little brother's behaviour. The speaker watched after her brother all day. Q: When did he eat?} 'When I left the house, he had already eaten the soup.'
- (42) jaxxta ehkan *l'ii / ^{OK}l'aajj kaaht-*ma*
 yesterday window.NOM.SG be.NPST.3SG / be.PST.3SG close-PTCP.PST
 {The speaker saw Vasya close the window yesterday.} 'Yesterday the window was closed.'

Additionally, as example (43) shows, with the inferential evidential Perfect, the time at which the state exists (e.g. the EAT) cannot be modified by an adverbial, which we do not expect from resultative forms [Bohnenmeyer 2014]. Thus, it is not the case that the inferential evidential Perfect has merely expanded the resultative use on the contexts in which the result exists in the past (at the EAT). In (43a), the speaker is only certain about the burglar being in the house the day before the utterance. However, he presumably got into the house two days before yesterday. So it is not the event time, but the topic time (evidence acquisition time) which should be modified by the adverbial (the state held yesterday). However, (43) is infelicitous in (43a), as what gets modified is the event time, which contradicts the context (even though adverbs at the left periphery of a sentence should most likely be interpreted as modifying the topic time [Bohnenmeyer 2014: 940], e.g. as in (42)). This is in striking contrast to resultative constructions which do not allow modification of the event time [Bohnenmeyer 2014] (the resultative Perfect does not allow such modification, see Section 3.2).

- (43) #jaxxta suull l'ii čvovv-*ma* peer'g'r't'-e
 yesterday burglar.NOM.SG be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
 a. int. {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **The day before yesterday, she heard some strange noise from her neighbours' house. And yesterday, she saw some man looking out of the window of their house. She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends or maybe not.** The speaker is given a portrait of the alleged burglar. She recognises the man she saw yesterday. She suspects that he got into the house two days ago (because of the noise), but she can only be sure about the fact that she saw him yesterday standing at the window. **Now she knows that the police have searched the whole house and found no one.**} 'Yesterday, the burglar had [already] gotten into the house.'
 b. rec. 'The burglar got into the house yesterday {and is still there}.'

Thus, I conclude that the behaviour of the Kildin Saami inferential evidential Perfect is quite distinct from the expected behaviour of resultatives, though the requirement formulated in the previous section (39) is reminiscent of the core feature of resultatives and can supposedly be viewed as a "leftover" from its resultative origin. The Kildin Saami inferential evidential Perfect should be viewed as a full-fledged evidential form which makes use of the evidence acquisition time (see the next section for additional arguments) and constitutes a case of influence of aspect on the behaviour of an evidential.

¹⁷ In this example, there is no event time adverbial which would inevitably trigger the inferential evidential reading.

¹⁸ Non-evidential readings of the Perfect are available in contexts in which a definite time adverbial modifies the topic time at which the result of the event exists (not the event time).

In the previous section, I showed that the important distinction for the requirement of inferential evidential Perfect is between telic and atelic interpretations, or situations (39): the former require the lexically determined result to exist (a pragmatic result does not suffice), while the latter require the pragmatic result. This distinction seems to have some important consequences for the type of evidence available for the inferential evidential Perfect. In Section 3.2, I claimed that the inferential evidential Perfect allows only for inference based on observed result (or some preexisting condition), whereas evidence in the form of someone else's words is unavailable for it (cf. (20), repeated here as (44)).

- (44) *noojit l'ii puadd-ma*
 nojd.NOM.SG be.NPST.3SG come-PTCP.PST
 a. ^{??}{Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.} 'The sorcerer came!' (adapted from [Dahl 2000: (67)])
 b. ^{OK}{Said by a person who sees the sorcerer but did not see how he has come.} 'The sorcerer came!'

However, this may as well be only partially true. In (44), a telic interpretation (the only one available for the verb *puud'd'e* 'to come') is used, thus we expect, due to the requirement (39a), that the lexically determined result should be existent, as reasoned by the speaker, at the EAT or at the UT, which in this case coincide. In my view, this explains why (44a) tends to be graded much lower than (44b). As I noted in Section 3.2, some speakers say that (44a) can be felicitous if the source is trustworthy and the source's words indicate that the result (that the sorcerer is now in the village) really exists at the UT (rather than ceased to exist). The fact that the source is trustworthy may lead the speaker to reason that the lexically determined result indeed exists at the EAT $\approx$ UT, thus the requirement (39a) gets fulfilled. However, I did not explicate in the context given to my consultants that the source is trustworthy and their words really indicate that the lexically determined result is existent at the UT (in another context, the source may indeed be trustworthy, but the sorcerer may as well be already gone by the time the words reach the speaker). With a lack of necessary context, my consultants graded (44a) lower than (44b), in which it is given that the lexically determined result actually exists at the UT. However, as of now, this is just a speculation which needs further research. We need to check what happens in hearsay contexts with atelic interpretations which do not require a lexically determined result to exist and for which someone else's words may suffice as a pragmatic result. As of now, I do not have enough data to unequivocally confirm this, but at least for one of my consultants atelic interpretations seem to be completely felicitous in a hearsay context. Additionally, (44a) needs to be checked in a context described above: it should be explicated in the context that the speaker finds the source to be trustworthy and their words should unambiguously indicate that the lexically determined result exists at the EAT or UT. All in all, the Kildin Saami data hint at an interesting possibility that the type of evidence available for an evidential may depend on the actional interpretation of a verb used in a given context.

This possibility and the requirement formulated in (39) for the Kildin Saami inferential evidential Perfect challenges the traditional view on the category of evidentiality, according to which actionality and existence of the lexically determined result cannot influence the behaviour of an evidential marker [Tatevosov 2019: 478] (see [Lee 2023] for discussion of interaction of evidentiality with lexical aspect in Korean). An anonymous reviewer suggests the widely cited Turkish example (45) from [Slobin, Aksu 1982], which contains the indirect evidential marker *-mİş*, as an illustration of evidentials which do not interact with actionality and, specifically, the lexically determined result.

- (45) *Kemal gelmiş*
 'Kemal came.'
 a. Inference: The speaker sees Kemal's coat hanging in the front hall, but has not yet seen Kemal.
 b. Hearsay: The speaker has been told that Kemal has arrived, but has not yet seen Kemal. (from [ibid.: (3)])

In light of my study, examples like this are not indicative of the (non-)interaction with aspect, because in both (45a) and (45b) the EAT (and IT) coincide with the UT, at which the lexically determined result exists (or at least is highly likely to exist, as believed by the speaker), as suggested by the English translation with the Present Perfect. Thus, such examples cannot be taken to show that a given evidential marker does not interact with actionality and the lexically determined result in some way similar to the one suggested in this paper for the Kildin Saami inferential evidential Perfect. Examples like (46) from [Slobin, Aksu 1982] are more telling in this respect.

- (46) *Uyu-muş-um*
 sleep-mİş-1SG
 'I must have fallen asleep.' (from [ibid.: (13)])

In (46), the lexically determined result of the verb *uyumak* ‘to sleep’ is the state of sleeping, which does not hold at the utterance time, because the speaker is definitely not sleeping. The EAT (and IT) coincides with the utterance time: the speaker collects the evidence for the proposition in (46) after they have woken up. Thus, the requirement in (39) suggested for the Kildin Saami inferential evidential Perfect is not fulfilled, because the result of the inferred situation exists neither at the EAT (and IT) nor at the UT. Therefore, we would expect that a form which imposes a requirement like (39) would be infelicitous in this context, contrary to what we actually find in Turkish: (46) is totally felicitous. Thus, only based on the examples like (46) (not like (45)) can we conclude that the Turkish indirect evidential marker *-mİş* (or any evidential for that matter) does not impose a requirement like the one suggested for the Kildin Saami inferential evidential Perfect.

Interestingly, however, the Turkish indirect evidential marker *-mİş* may nevertheless turn out to interact with actionality in some way or another. Discussing the inferential evidential reading of this marker, [ibid.: 193] concludes that this reading is “limited to inferences of completed processes from end states”. In contrast, stative predicates cannot receive this interpretation and are only compatible with hearsay (like (45b) above), which is, in turn, not limited to any specific aspect or tense. This distinction is somewhat reminiscent of our discussion of (44) above: in both cases it may be the case that the type of evidence available for an evidential may depend, in one way or another, on the actional characteristic of a verb. Of course, much more evidence is required to see if this is really the case in Kildin Saami or in Turkish. The aim of the second part of this section was to show that “basic” examples like the one in (45), containing completed processes with end states existing at the utterance time, should be sustained with much additional data in order to confirm that a given evidential does not interact in any way with lexical or grammatical aspect. It may actually turn out that more evidentials which go back to resultative or perfect forms (like the Kildin Saami inferential evidential Perfect or the Turkish *-mİş* [ibid.: 190–191]) interact with aspect in some way or another. Let us now turn to the discussion of what implications the Kildin Saami data may have for the notion of evidence acquisition time.

4.3.2. Evidence acquisition time

Relevance of the evidence acquisition time for the behaviour of evidential forms has been postulated for a number of languages. For instance, [Fleck 2007] discusses the double tense marking on evidential forms in Matses (< Panoan): one marker is responsible for marking the distance between the ET and the EAT and the other one is responsible for marking the distance between the EAT and the UT. For instance, in (47a), *-ak-* instantiates the former, while *-onda-* instantiates the latter. *-ak-* indicates that the inferred event (Non-Matses Indians made a hut) took place not so long before the hut was discovered (i.e. ET was not long before the EAT). In turn, *-onda-* indicates that the evidence acquisition time (the hut was discovered) was long before the utterance time. Figure 1 from [ibid.: 590] visualises these relations for (47a), as well as the parallel example (47b).

- (47) a. *mayu-n bēste-wa-ak-onda-ṣh.*
 non.Matses.Indian-ERG hut-make-REC.PAST-INF-DIST.PAST.EXP-3
 ‘Non-Matses Indians (had) made a hut.’ [a recently made hut was discovered by the speaker a long time ago] (from [ibid.: (1a)])
- b. *mayu-n bēste-wa-nēdak-o-ṣh.*
 non.Matses.Indian-ERG hut-make-DIST.PAST-INF-REC.PAST.EXP-3
 ‘Non-Matses Indians (had) made a hut.’ [an old hut was discovered by the speaker a short time ago] (from [ibid.: (1b)])

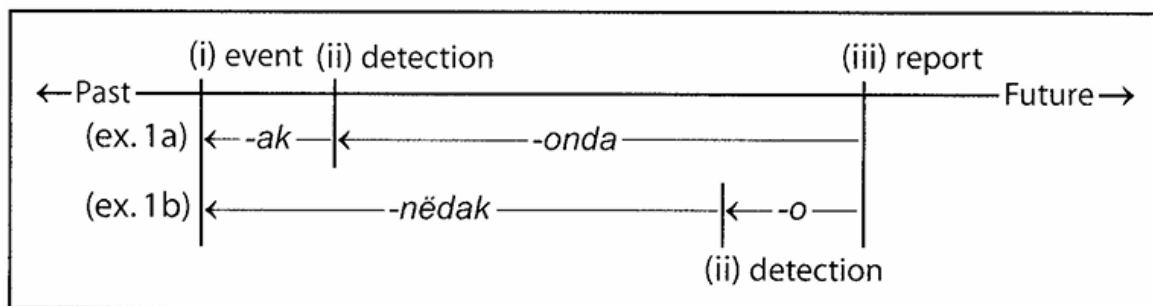

Figure 1. Temporal reference points for inferential and experiential suffixes in Matses (from [Fleck 2007: 590])

In (47), inferential evidential markers are interpreted not relative to the utterance time, but relative to the evidential-specific temporal anchor — the evidence acquisition time. Even if an inferential marker is the only evidential marker on a verb form, it gets interpreted relatively to the EAT. In (48), the inferential marker *-ak-* indicates that the inferred event took place some time before the EAT, which coincides with the UT (e.g. the speaker currently sees the tracks), because there is no additional suffix which would have put EAT in the past.

(48) *nid-ak*.

go-REC.PAST.INF

‘He (evidently) left (a short time ago, from here).’ [said upon detecting his absence, his tracks, or other results of his going] (from [ibid.: (15)])

Based on these and similar data, [Fleck 2007] goes on to argue that evidentials in Matses have an evidential-specific tense operator appealing to EAT, relative to which the event time is placed. In a similar vein, [Lee 2013; 2023] and [Smirnova 2013] argue that in order to capture the behaviour of the evidential *-te-* forms in Korean and the evidential *-l-* forms in Bulgarian, respectively, the evidence acquisition time should be introduced into the semantic composition. For instance, according to [Lee 2013], the Korean evidential *-te* marks visual perception. When combined with the present tense morpheme (analysed as a relative tense marking simultaneity), it indicates direct perception of the situation, as the present tense morpheme marks the coincidence relation (presumably in time and place, cf. [Koev 2017]) between the ET and the EAT. When combined with the past (analysed as a relative tense marking precedence), it marks the visual perception of some result (not necessarily the lexically determined one) of the inferred event, as the relative past tense encodes the relation $ET < EAT$. The relation between the EAT and UT is specified by the evidential operator itself. Similarly, in Bulgarian, different tense forms are chosen depending on whether the ET overlaps the EAT (present) or precedes it (past) [Smirnova 2013].

Let us now discuss the Kildin Saami data against such a cross-linguistic background. As argued in [Fleck 2007], [Smirnova 2013] and [Lee 2013], to capture the behaviour of evidentials in Matses, Bulgarian, and Korean, respectively, the evidence acquisition time should be distinguished from other temporal anchors of an evidential proposition. In this respect, the Kildin Saami inferential evidential Perfect is no different, as argued in this paper: according to the requirement formulated in (39), the result (lexically determined or pragmatic) should be existent, as reasoned by the speaker, at the EAT or the UT (and these two cases cannot be reduced one to another). It is crucial that the existence of the result at the IT (or any other time for that matter) does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous, which speaks in favour of distinguishing the EAT and the UT from all other temporal points.

At the same time, the Kildin Saami case is somewhat different from Matses, Bulgarian and Korean. In these languages, inferential evidentials are anchored in some way or another only to the evidence acquisition time. In contrast, the existence of the result in Kildin Saami can be evaluated by the speaker not only at the evidence acquisition time, but also at the utterance time.

Additionally, while in Matses, Korean and Bulgarian evidentials specify the relation between the ET and the EAT, the Kildin Saami inferential evidential Perfect, imposing the requirement of the existence of the result at the EAT or UT, does not specify the relation between these two points and the ET *per se*, but specifies the relation between the existence of the result and the EAT or UT. In fact, as we saw above, the inferential evidential Perfect allows for all possible temporal configurations: $ET < EAT$, $EAT < ET$ or $ET \approx EAT$ (examples with the imperfective aspectual viewpoint). The only requirement is the one in (39): if there is no result at the EAT, the result should exist at the UT (cf. (26a) repeated here as (49); the configuration is EAT (result does not exist) $< ET < UT$ (result exists)).

(49) *suull jaxxta l’ii čvovv-ma peer’ŋ’t’-e*

burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG

{There was a burglary at the speaker’s neighbours’ house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate trying to get to the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours’ friends who forgot his keys or maybe not. **Now she additionally knows that the burglar has barricaded himself in the house and is still there.** Q: When did the burglar get into the house? — The speaker recalls what she saw yesterday and infers that this man was in fact the burglar.} ‘The burglar got into the house yesterday.’

Thus, the Kildin Saami evidential Perfect demonstrates that not only ET can be related to the EAT and seems to stand out among other evidential forms in the semantics of which it is suggested to incorporate the evidence acquisition time. The Kildin Saami case also warns us to work carefully with evidentials and the temporal relations they impose as at the first glance on the Kildin Saami data it may have seemed that the

inferential evidential Perfect imposes the relation $ET < EAT$ (as in this case, the result is more likely to exist at the EAT), like some evidentials discussed in [Hirayama, Matthewson 2022], but this is not in fact the case. If the context is constructed appropriately, like in (49), it can be demonstrated that the evidential does not impose the relation $ET < EAT$.

There is some skepticism as to whether an evidential-specific temporal point, the EAT, should necessarily be postulated to account for the evidentials like the ones in Matses and Bulgarian. [Arregui et al. 2017] claims that evidentials do not introduce a specific evidential time, which was previously claimed to serve as a new relatum for tense-aspect markers. They reanalyse the evidentials in Matses and Bulgarian with the help of other tense-aspect notions, which are not specific solely to evidentials. In doing so, they show that the evidential-specific notion of EAT is redundant and thus should overall be abandoned.

For Bulgarian, they propose that the behaviour of *-l-* evidentials can be captured without EAT using solely the standard perfective/imperfective distinction (see [ibid.] for more details). I will not discuss this reanalysis in any detail here because it cannot tackle the Kildin Saami requirement (39) based on the notion of result. For Matses, in turn, they propose that evidential forms like the ones in (47) should be reanalysed as including a resultative marker (*-Ø-* and *-nēd-*), an evidential operator (*-ak-*) and a topic-situation marker (*-onda-* and *-o-*), cf. the new analyses in (50) suggested for (47a) and (47b), respectively.

- (50) a. *mayu-n bēste-wa-Øak-onda-šh.*
 non.Matses.Indian-ERG hut-make-RES.REC.PAST-EV-TOP.DIST.PAST-3
 ‘Non-Matses Indians (had) made a hut.’ [a recently made hut was discovered by the speaker a long time ago] (from [ibid.: (45)])
- b. *mayu-n bēste-wa-nēd-ak-o-šh.*
 non.Matses.Indian-ERG hut-make-RES.DIST.PAST-EV-TOP.REC.PAST-3
 ‘Non-Matses Indians (had) made a hut.’ [an old hut was discovered by the speaker a short time ago] (from [ibid.: (34a), (38a)])

In short, [ibid.] suggests the following: at the topic time supplied by *-onda-* and *-o-*, respectively, there exists a result state of the preceding event (just as with the Perfect-in-the-Past reading of the English Past Perfect discussed above [Bohnenmeyer 2014]) and this result state acts as the evidence for inferring the preceding event (the evidential operator indicates what kind of indirect evidence is required). Thus the topic time temporally substitutes the evidence acquisition time. For the sake of conciseness, I leave the details aside. What is crucial for our discussion of the Kildin Saami data is the main idea of this analysis — namely, the idea that the EAT can be substituted with the combination of a resultative marker and a marker introducing the topic time at which the result state acting as evidence for the inferred event holds. I remain agnostic to whether this reanalysis of Matses data should be preferred to the original one suggested in [Fleck 2007]. However, in what follows I will show that the main idea of this analysis cannot be applied to the Kildin Saami inferential evidential Perfect and it is necessary to postulate an evidential-specific temporal point to account for its behaviour — the EAT.

In the previous section, I argued that the inferential evidential Perfect demonstrates behaviour quite distinct from the one expected from resultative forms and synchronically demonstrated by the resultative Perfect. The crucial difference, which speaks against [Arregui et al. 2017], comes from the fact that the inferential evidential Perfect does not allow modification of the topic time, only the event time, in striking contrast to resultative forms [Bohnenmeyer 2014], cf. (43) repeated here as (51). The time when the result (and evidence) exists cannot be modified by the adverb *jaxxta* ‘yesterday’. What is modified is the event time — the time when the burglar got into the house. Under the analysis proposed in [Arregui et al. 2017], it is hard to explain why the inferential evidential Perfect does not behave like resultatives.

- (51) #*jaxxta suull l’ii čvnyy-ma peer’r’t’-e*
 yesterday burglar.NOM.SG be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
- a. int. {There was a burglary at the speaker’s neighbours’ house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **The day before yesterday, she heard some strange noise from her neighbours’ house. And yesterday, she saw some man looking out of the window of their house. She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours’ friends or maybe not.** The speaker is given a portrait of the alleged burglar. She recognises the man she saw yesterday. She suspects that he got into the house two days ago (because of the noise), but she can only be sure about the fact that she saw him yesterday standing at the window. **Now she knows that the police have searched the whole house and found no one.**} ‘Yesterday, the burglar had [already] gotten into the house.’
- b. rec. ‘The burglar got into the house yesterday {and is still there}.’

(54) has a temporal structure like the one in (52): EAT (lexically determined result does not exist) < ET < IT (result exists) < UT (result does not exist). Moreover, in both examples the first clause seems to provide the topic time which is also the inference time. The only difference between the two is that in (52) the original evidence ceases to exist at the IT, while in (54) the original evidence (the sign on the wall) still exists at the IT. Given that, (54) fulfills the second part of the requirement formulated in the previous paragraph: the lexically determined result exists at the topic time at which the state serving as evidence for the inferred event exists. However, the sentence is infelicitous.

To accommodate examples like (54), the requirement may be reformulated yet in another way. We could say that the topic time concerns only the time at which the evidence was actually collected. Thus, in (54), the evidence is not collected at the IT, it was collected earlier, before the IT. It merely continues to exist at the IT, which does not suffice. However, the topic time defined like this seems to be no different from the original notion of EAT, which denotes the time at which the evidence for the inferred proposition is collected. Moreover, this topic time will not be used in non-evidential contexts, which makes it an evidential-specific notion, one that [Arregui et al. 2017] wants to get rid of. Thus, the analysis proposed in [ibid.] does not have any advantage over the analysis with the EAT, when applied to the Kildin Saami data.

In addition, as I noted earlier, within an analysis in the spirit of [ibid.] there remains a question of why an adverbial (even at the beginning of a sentence) necessarily modifies the event time, not the topic time (cf. (51) above), unlike with resultatives. On the basis of the evidence presented in this section, I conclude that the analysis of the Kildin Saami inferential evidential Perfect should include the evidence acquisition time, though its detailed formal analysis remains subject to future research.

Contrary to [ibid.], the evidence acquisition time cannot be substituted with the topic time. Thus, for evidentials, the neo-Reichenbachian system of times should indeed be expanded to include the EAT (though not all evidentials should necessarily use it), resulting in the system of (at least; see footnote 3) four possible temporal anchors: event time, topic time, evidence acquisition time, and utterance time¹⁹.

Let us now briefly discuss the notion of inference time.

4.3.3. Inference time

In Sections 4.1—4.2, I showed that the existence of the result at the inference time (the moment at which the speaker thinks over the acquired evidence and infers the likeliest event that this evidence stands for) does not make the use of the inferential evidential Perfect felicitous, in contrast to the EAT and UT. To my knowledge, the contribution of the IT, as distinct from the EAT, has not been discussed much in the existing literature. Exceptions are [Koev 2017]’s analysis of Bulgarian *-l-* evidential forms and [Johnson 2022]’s analysis of the Mvskoke evidential system.

[Koev 2017] shows that Bulgarian indirect evidentials can be used in some contexts in which the speaker has direct evidence. These are the so-called “late realisation” scenarios (55).

(55) Context: One of Nixon’s aides walks into the Oval Office and sees him erase some tapes. Later on, she recalls the entire episode and realizes that Nixon was covering up clues. When asked what happened on that day, she says:

Kogato vljazo-x, Niksûn trie-še njakav-i zapis-i. Toj zaličava-l ulik-i-te.

when enter-PAST Nixon erase-PAST some-PL tape-PL he remove-EV clue-PL-DEF

‘When I walked in, I saw Nixon erase some tapes. He was covering up the clues, as I learned later.’ (from [ibid.: (8b)])

In late realisation scenarios, the speaker sees the event unfolding, thus her evidence is direct²⁰ and the use of indirect evidentials should be precluded. However, she understands what the evidence stands for only after some time has passed. Such examples serve as the basis for [Koev 2017]’s claim that evidentials in Bulgarian do not in fact encode indirect evidence. What they encode is the spatiotemporal distance between the event time and the learning event (in terms of [ibid.]): they must be disjoint. When the speaker was looking at Nixon erasing some tapes, she did not “learn” the proposition in (55) because she did not understand this at that moment. Thus, even though the speaker has direct evidence for the proposition in (55), what matters is that the learning event happened much later than the time at which the speaker observed the situation and collected evidence.

¹⁹ See also [Hirayama, Matthewson 2022] for a similar claim.

²⁰ I refer the reader to [Koev 2017] for a detailed discussion of why the evidence the speaker has in this example should be considered direct.

Even though [ibid.] does not use the notions of evidence acquisition time and inference time, I believe that by the learning event [ibid.] means exactly the inference time as understood in this paper. Indeed, in (55), the speaker thought the acquired evidence over only some time after the event had occurred and the evidence was collected, thus facilitating the use of an evidential form which encodes that ET should be spatiotemporally distant from the learning event (or IT).

For now, it remains a question how the Kildin Saami inferential evidential Perfect behaves in late realisation scenarios like the one in (55). With respect to the data discussed in this paper, the inferential evidential Perfect, mirroring Bulgarian evidentials, imposes a requirement that makes use of the evidence acquisition time, not the inference time. In doing so, the Kildin Saami evidential, just like Bulgarian evidentials, distinguishes between these two times. Thus, the data from Kildin Saami and Bulgarian call for the need to distinguish between these two notions in the typology of evidentials. Even though the Kildin Saami inferential evidential Perfect does not use the inference time, it shows that this distinction is important for a proper description of evidentials cross-linguistically. Taken together, Kildin Saami and Bulgarian evidentials suggest that both the EAT and IT should be included in the evidential-specific system of temporal anchors.

[Johnson 2022] does not specifically distinguish between the EAT and IT, but, similarly to [Koev 2017], analyses the time relevant for the Mvskoke (North America) evidential system as “the time at which the speaker came to believe a proposition” [Johnson 2022: 171], which is very similar to the notion of inference time as understood in this paper.

In summary, I have discussed the implications that the Kildin Saami pattern, described in (39), may have for the cross-linguistic research on evidentials, with respect to their interaction with actionality and aspect and the notions of evidence acquisition time and inference time. Let us now turn to the concluding section of this article.

5. Conclusions

I discussed one of the features of the Kildin Saami inferential evidential Perfect — namely, its requirement of the existence of the result. The data contribute to the cross-linguistic research on the relevance of the evidence acquisition time for the behaviour of evidentials, as well as on the interaction between evidentiality and lexical and grammatical aspect.

I showed that the inferential evidential Perfect behaves differently depending on (a)telicity of the inferred situation. If the inferred situation is telic, the lexically determined result (the result which obtains after a telic situation occurs) should exist, as reasoned by the speaker, either at the evidence acquisition time or at the utterance time, or at both times simultaneously. In turn, if the inferred situation is atelic, it is not the lexically determined result, but a pragmatic result which should exist either at the EAT or at the UT, or at both times simultaneously.

I considered the inference time as distinct from the evidence acquisition time. Inference time is the moment at which the speaker thinks over the acquired evidence and infers the likeliest event that this evidence stands for. Keeping apart the EAT and the IT, I showed that the existence of the lexically determined result solely at the inference time (in contrast to the EAT and UT) does not suffice to make the use of the Kildin Saami inferential evidential Perfect felicitous. Based on the Kildin Saami data, I argued that, for evidentials, the neo-Reichenbachian system of times should be expanded to include the EAT resulting in a system of four temporal points: event time, topic time, evidence acquisition time and utterance time. The Kildin Saami requirement described in this paper differs from the Bulgarian [Koev 2017] and Mvskoke [Johnson 2022] data in making reference specifically to the EAT, not the IT.

The Kildin Saami inferential evidential Perfect differs from the evidentials discussed in the literature [Fleck 2007; Smirnova 2013; Lee 2013] in that it marks a specific relation not between the event time and the evidence acquisition time, but between the existence of the result and the EAT. Moreover, it also differs in establishing the relation using not only the EAT, but also the UT. The Kildin Saami case warns us to work carefully with evidentials and the temporal relations they impose: the requirement of the existence of the result can be easily confused with the relation $ET < EAT$, suggested for some evidentials in [Hirayama, Matthewson 2022].

Contra [Arregui et al. 2017], where it is claimed the evidential-specific notion of EAT is redundant, I have shown that an analysis based on the resultative aspect (roughly, evidence acquisition time is substituted with the topic time at which some result serving as evidence exists) cannot be applied to the Kildin Saami inferential evidential Perfect. The inferential evidential reading shows some restrictions in its use which resultative constructions, according to [Bohnenmeyer 2014], should not have, and vice versa. The main argument comes from the fact that the Kildin Saami inferential evidential Perfect, unlike resultatives, allows modification of the event time, not the topic time. Additionally, in sentences where the topic time coincides with the inference time, the Kildin Saami inferential evidential Perfect is not felicitous, contrary to the predictions of an analysis in the

vein of [Arregui et al. 2017]. Thus, I claim that the evidence acquisition time should be incorporated into the Kildin Saami inferential evidential Perfect's semantics.

I considered whether the actionality of a verb (its lexical aspect) influences the behaviour of the inferential evidential Perfect. I came to the conclusion that the actional characteristic of the verb does not matter *per se*. What matters is the characteristic of the inferred event in a specific context (whether it is telic or not). Telic situations require the lexically determined result to exist. I showed that this requirement concerns not only ES interpretations, after which a state obtains. Verbs of the actional class <EP, →> similarly require that their resultant process holds at the evidence acquisition time or at the utterance time. In turn, atelic situations (even if their corresponding verb also allows for telic interpretations) require the existence of a pragmatic result, as there is simply no lexically determined result associated with them. The Kildin Saami data challenges the traditional view on the category of evidentiality, according to which lexical aspect and existence of the lexically determined result cannot influence the behaviour of an evidential marker [Tatevosov 2019: 478].

In case of telic situations, the lexically determined result may not be observed by the speaker, though it should be existent, according to her beliefs. In this case, the speaker makes an inference about its existence based on some additional evidence. Thus, it may be suggested that to utter the Kildin Saami inferential evidential Perfect felicitously, the speaker should make two inferences — one about the event and one about its lexically determined result. However, it may also be the case that the speaker makes an inference only about the existence of the lexically determined result, while the existence of the preceding event merely follows (though the inferential evidential Perfect is felicitous in cases where the speaker actually sees the lexically determined result, which does not require any inference). I leave this question for future research.

The Kildin Saami data also hint at an interesting possibility that the evidence required by an evidential may depend on the actional interpretation used in a given context. I showed that hearsay contexts are not freely available for telic situations, which require the lexically determined result to exist, because its existence may not be strictly inferable from someone else's words. In contrast, atelic interpretations might turn out to be fully felicitous in such contexts, because someone else's words can be considered to serve as a pragmatic result of the inferred event.

Appendix

This appendix contains examples with verbs of all the actional classes present in Kildin Saami (<ES, →>, <S, S>, <ES, S>, <EP, →>, <P, P>, <ES, P>, <ES P, P>) showing the requirement of the inferential evidential Perfect to which the current paper is devoted. Examples are grouped by actional classes of verbs used in them (the used actional interpretation is underlined). For all actional classes, I provide Kildin Saami sentences and below each of the sentences list all the contexts in which I tested the felicity of this sentence (* means that my consultants judged the Kildin Saami sentence to be infelicitous in the corresponding context, whereas ^{OK} means the opposite).

For seven actional classes, I provide contexts in which the relevant result (henceforth LR and PR for the lexically determined and pragmatic results, respectively) exists 1) at the EAT, IT and UT simultaneously, 2) at none of them, and 3) only at the EAT. And for three of them I also provide contexts in which the relevant result exists 4) at the IT and UT simultaneously, and 5) only at the IT. This also includes the examples discussed in the paper. The five configurations are the same as in Table 1 and Table 2. The examples represent the same pattern as summarised in these tables: the inferential evidential Perfect is felicitous if the result exists at the EAT or UT (contexts 1, 3, and 4) and infelicitous otherwise (contexts 2 and 5). Context numbers are given before the contexts.

Actional class <ES P, P>

- (1) *suull jaxxta l'ii čvovv-ma peer'g't'-e*
 burglar.NOM.SG yesterday be.NPST.3SG get.into-PTCP.PST house-DAT.SG
 'The burglar got into the house yesterday.'

- 1) ^{OK} {The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees **muddy footprints on the carpet leading only one way** suggesting that the burglar is still in the house. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (LR))
- 2) * {The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being in the robbed house, she sees **muddy footprints on the carpet leading two ways** suggesting that the burglar is not in the house. The state of the mud suggests that they were left yesterday.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (no LR))
- 3) ^{OK} {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man looking out of the window of her**

neighbours' house. She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends or maybe not. **Now she knows that the police have searched the whole house and found no one.** The speaker is given a portrait of the alleged burglar. She recognises the man she saw yesterday. Q: When did the burglar get into the house?} (ET < EAT (LR) < IT ≈ UT (no LR))

- 4) ^{OK} {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate trying to get to the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of her neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. **Now she additionally knows that the burglar has barricaded himself in the house and is still there.** Q: When did the burglar get into the house? — The speaker recalls what she saw yesterday and infers that this man was in fact the burglar.} (EAT (no LR) < ET < IT ≈ UT (LR))
- 5) * {There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man crawling over the backgate trying to get to the land plot.** She did not recognise the man: maybe he was one of the neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. **The speaker knows that, according to the police report, the burglar is still hiding somewhere in the basement of the house.** The speaker is given a portrait of the alleged burglar. **She recognises the man, and remembers him crawling over the backgate. Some time later new information comes in: the burglar has just been arrested and is now being escorted to a prison.** Q: When did the burglar get into the house?} 'The burglar got into the house yesterday.' (EAT (no LR) < ET < IT (LR) < UT (no LR))

Actional class <S, S>

- (2) *soonn l'ii vuerrt-ma mun / toon vid-ant čaas-es'*

3SG.NOM be.NPST.3SG wait-PTCP.PST 1SG.ACC / 2SG.ACC five-ORD hour-LOC.SG

'He waited for me / you at five o'clock!'

- 1) ^{OK} {The speaker had a quarrel with her boyfriend yesterday. Today, she stayed late at work and had to work till seven p.m., not ordinary five p.m. **When she walks out of the building, she sees a bouquet of her favourite flowers.** She thinks that it was her boyfriend who left the bouquet because he wanted to apologise. She calls her friend with the news.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (PR))
- 3) ^{OK} {The speaker had a quarrel with her boyfriend yesterday. Today, she stayed late at work and had to work till seven p.m., not ordinary five p.m. **At 5:30 p.m. she looked out of her window and saw a bouquet of flowers. But she did not pay much attention to it because she was absorbed in her work.** When she finally finished her work and walked out of the building, **she saw that the bouquet was, unfortunately, nowhere to be found. She started to think about it and suddenly realised that the bouquet should have been from her boyfriend.** She called her friend with the news.} (ET < EAT (PR) < IT ≈ UT (no PR))
- 4) ^{OK} {At a quarter to five o'clock today, the speaker **saw her friend Masha's boyfriend with a bouquet of flowers walking across the street**, but she did not pay much attention to him. Later in the evening, she understands that he was walking towards the place where Masha works, which is a ten minute walk from the place she met him. She recalls that Masha always finishes her work at about five o'clock. Obviously, he wanted to meet her after work and waited for her at five o'clock. **She calls Masha and Masha's joy confirms her expectations.**} (EAT (no PR) < ET < IT ≈ UT (PR))

- (3) *vas'a l'ii vuadd-ma nuez'el't' taar'm'*

V. be.NPST.3SG sleep-PTCP.PST badly today

'Vasya slept badly today.'

- 1) ^{OK} {The speaker looks at her colleague Vasya. Vasya looks really bad, he has dark circles under his eyes.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (PR))
- (4) *vas'a l'ii vuadd-ma nuez'el't' peejjel'-jaxxta*
- V. be.NPST.3SG sleep-PTCP.PST badly over-yesterday
- 'Vasya slept badly the day before yesterday.'
- 2) * {In the evening two days ago, the speaker forgot to close the window and a lot of mosquitos flew into Vasya's room. She did not pay much attention to this. **Two days later, while at work, she suddenly recalled this and understood that Vasya did not sleep well that night two days ago and was obviously sleepy yesterday.** She knows that Vasya cannot sleep well if mosquitos buzz in his room. Each time this has happened before, Vasya was very angry and sleepy the next day. But most certainly, Vasya slept better the previous night. She tells this story to her friend.} (EAT (no PR) < ET < IT ≈ UT (no PR))

- (5) *jaxxta munn vntš-e vas'a l'ii vuadd-ma juez'el't' peejjel'-jaxxta*
 yesterday 1SG.NOM understand-PST.1SG V. be.NPST.3SG sleep-PTCP.PST badly over-yesterday
 'Yesterday, I understood, Vasya slept badly the day before yesterday.'
- 5) *{This evening, the speaker forgot to close the window and a lot of mosquitos flew into Vasya's room. She did not pay much attention to this. **On the next day, being at work, she suddenly recalled this and understood that Vasya did not sleep well that night and is obviously sleepy.** She knows that Vasya cannot sleep well if mosquitos buzz in his room. Each time this has happened before, Vasya was very angry and sleepy the next day. Yet on the next day, today, the speaker tells this story to her friend. But most certainly, Vasya slept better the previous night.} (EAT (no PR) < ET < IT (PR) < UT (no PR))

Actional class <EP, ->

- (6) *peerrt l'ii puell-j-a jaxxta*
 house.NOM.SG be.NPST.3SG burn-ACAUS-PTCP.PST yesterday
 'The house caught fire yesterday.'
- 1) ^{OK}{The speaker works as a fireman. She arrived at the place where **a house was on fire**, the fire was already weakening. **She looked at the wood and concluded that the house had caught fire yesterday.**} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (LR))
- 2) *{The speaker works as a fireman. She arrived **at the place of a burnt-out house, but the fire had already gone out.** She studied the remnants of the house and the state of the wood and concluded that the house had caught fire yesterday.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (no LR))
- 3) ^{OK}{The speaker works as a fireman. She arrived at the place where a house was on fire, the fire was already weakening. She looked at the wood to try to determine when the house had caught fire, but she could not understand this at that time. **Today, she thought more thoroughly over what she had seen and concluded that the house had caught fire not long before she arrived at the place yesterday.**} (ET < EAT (LR) < IT ≈ UT (no LR))
- 4) ^{OK}{Yesterday evening, the speaker saw **her neighbour burning dry leaves in a barrel in the garden.** Sparks were flying everywhere, and from time to time there were big flashes of fire. Later in the evening she went to sleep. Today she wakes up and sees that her neighbour's house has almost burnt to the ground. **The fire is still burning.** She thinks that the house caught fire yesterday, because of the dry leaves burning, and calls her friend to tell him this horrible news.} (EAT (no LR) < ET < IT ≈ UT (LR))
- 5) *{Yesterday evening, the speaker saw **her neighbour burning dry leaves in a barrel in the garden.** Sparks were flyinmgfbyg everywhere, and from time to time there were big flashes of fire. Later in the evening she went to sleep. Today she woke up and saw that her neighbour's house had almost burnt to the ground. **The fire was still burning. She thought that the house had caught fire yesterday, because of the dry leaves burning.** Later in the evening today, **after the fire has completely gone out, she calls her friend to tell him this horrible news.**} (EAT (no LR) < ET < IT (LR) < UT (no LR))

Actional class <ES, ->

- (7) *noojt l'ii puadd-ma taar'm'*
 nojd.NOM.SG be.NPST.3SG come-PTCP.PST today
 'The sorcerer came today!'
- 1) ^{OK}{The speaker sees the sorcerer in the village but did not see him yesterday.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (LR))
- 2) *{Yesterday, everything was good in the village. Now, the speaker sees havoc that has most certainly been caused by the sorcerer. She knows that the sorcerer has already left the village.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (no LR))
- 3) ^{OK}{The speaker saw **an unfamiliar man in the village earlier today but did not understand at that time who he was.** Now, she sees a picture of the man and "sorcerer" written underneath it and understands who she saw earlier today. The speaker thinks that **the sorcerer has already left the village** because he is nowhere to be seen.} (ET < EAT (LR) < IT ≈ UT (no LR))

Actional class <P, P>

- (8) *suull peejjel'-jaxxta l'ii oo3-ma tes't' loohkčuv'd'-et'*
 burglar.NOM.SG over-yesterday be.NPST.3SG search-PTCP.PST here key-ACC.PL
- 1) ^{OK}{The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being on the porch of the robbed house, **she sees clumps of earth scattered all over the floor.** There is a pot with

a plant nearby. **The ground has been dug up.** It seems that the burglar was looking for spare keys in the pot. Judging by the state of the earth, this happened the day before yesterday. The speaker points to the pot and says.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (PR))

- 2) *{There was a burglary at the speaker's neighbours' house (the neighbours are on vacation). The speaker is talking about what she saw. **Yesterday, she saw some man walking back and forth on the porch.** She did not recognise the man: maybe he was one of the neighbours' friends who forgot his keys or maybe not. She also did not understand what he was doing at that time. But now she is told that the burglar had dug up the earth in the pot on the porch. **She understands that the man she saw on the porch was the burglar and thinks that he was searching for spare keys.** Q: Why, do you think, the burglar was digging up in the pot?} (EAT (no PR) < ET < IT ≈ UT (no PR))
- 3) ^{OK}{The speaker investigates burglary and tries to determine when the burglar got into the house. Being on the porch of the robbed house, **she saw clumps of earth scattered all over the floor.** There was a pot with a plant nearby. **The ground had been dug up.** At that time the speaker did not understand what that meant. Only later, when **the crime scene has already been cleaned up**, she understands that the burglar was looking for spare keys in the pot. Recalling the state of the earth, the speaker understands that this happened the day before yesterday.} (ET < EAT (PR) < IT ≈ UT (no PR))

Actional class <ES, S>

- (9) *čaaž' l'ii kaallm-a kuuht čaas manas*
water.NOM.SG be.NPST.3SG freeze-PTCP.PST two hour.GEN.SG ago

'The water froze two hours ago.'

- 1) ^{OK}{The speaker put a bottle of water in the freezer four hours ago. Two hours later she looked at the bottle of water and **saw that the water had frozen. She left the bottle in the freezer.** Now she tells this to her little brother.} (ET < EAT ≈ IT (LR) < UT (LR))
- 2) *{**The speaker put a bottle of water in the freezer four hours ago.** She knew that it would freeze in two hours. She wanted to show it to her little sister. Four hours later she sees her little brother with this bottle. The water is not frozen. He tells her that **he took the bottle after the water had frozen** to taste it. The speaker tells her little sister that the water had indeed frozen two hours ago, but her brother took the bottle out.} (EAT ≈ IT (no LR) < ET < UT (no LR))
- 3) ^{OK}{From time to time the speaker looked in the freezer. Three hours ago there was some liquid in a blue bottle. **But one hour later the bottle was empty.** Now she sees her brother drinking something from this blue bottle. She recalls what she saw, and understands that **two hours ago the bottle was not empty, but filled with ice.** Her brother likes to drink melted ice. She cries.} (ET < EAT (LR) < IT ≈ UT (no LR))

Actional class <ES, P>

- (10) *vas'a l'ii vuasst-ma peert tijjma*
V. be.NPST.3SG buy-PTCP.PST house.ACC.SG last.year

'Vasya bought a house last year.'

- 1) ^{OK}{The speaker looks at Vasya's expense book **in which it is written that Vasya spent a huge amount of money on something last year.** The speaker knows that Vasya wanted to buy a house.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (LR))
- 2) *{The speaker looks at Vasya's expense book **in which it is written that Vasya spent a huge amount of money on something last year.** However, a bit further it is written that **half a year ago Vasya sold what he had bought.** The speaker knows that Vasya wanted to buy a house. She tells her friend that Vasya's dream came true last year (but the reason why Vasya has sold the house remains unclear.} (ET < EAT ≈ IT ≈ UT (no LR))
- 3) ^{OK}{The speaker looked at Vasya's expense book **in which it was written that Vasya had spent a huge amount of money on something last year.** The speaker did not understand at that time what Vasya had bought. A few months later she talks to Vasya and he accidentally **mentions that he has sold his house.** The speaker did not know that Vasya had a house. But then she understands that it was this house that Vasya had bought last year. She calls her friend with the news.} (ET < EAT (LR) < IT ≈ UT (no LR))

References

- Aikhenvald 2004 — *A. Aikhenvald*. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Arregui et al. 2017 — *A. Arregui, M. L. Rivero, A. Salanova*. Aspect and tense in evidentials. In: *A. Arregui, M. L. Rivero, A. Salanova* (eds.). Modality across syntactic categories. Oxford: Oxford University Press, 2017. P. 211—234.
- Bradley et al. 2022 — *J. Bradley, G. Klumpp, H. Metslang*. TAM and evidentials. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik* (eds.). The Oxford guide to the Uralic languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 904—923.
- Bohnmeyer 2014 — *J. Bohnmeyer*. Aspect vs. relative tense: the case reopened. In: *Natural Language & Linguistic Theory*. 2014, 32. P. 917—954.
- Burov, Egorov 2023 — *D. A. Burov, I. M. Egorov*. Materials from Kildin Saami: A trickster tale and a personal narrative. In: *Rodnoy yazyk*. 2023, 2. P. 156—192.
- Chirikba 2003 — *V. Chirikba*. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. In: *A. Aikhenvald, R. Dixon* (eds.). Studies in evidentiality. John Benjamins Publishing Company, 2003. P. 243—272.
- Curnow 2002 — *T. J. Curnow*. Types of interaction between evidentials and first-person subjects. In: *Anthropological linguistics*. 2002, 44 (2). P. 178—196.
- Dahl 2000 — *Ö. Dahl* (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2000.
- Faller 2004 — *M. Faller*. The deictic core of “non-experienced past” in Cuzco Quechua. In: *Journal of Semantics*. 2004, 21. P. 45—85.
- Fernandez-Vest 1996 — *M. M. J. Fernandez-Vest*. Du médiatif finno-ougrien: mode oblique en estonien, particules en finnois et en same. In: *Z. Guentchéva* (ed.). L’énunciation médiatisée. Louvain: Peeters, 1996. P. 169—182.
- Fleck 2007 — *D. W. Fleck*. Evidentiality and double tense in Matsigenka. In: *Language*. 2007, 83 (3). P. 589—614.
- Grice 1991 — *P. Grice*. Studies in the way of words. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1991.
- Grønn, von Stechow 2020 — *A. Grønn, A. von Stechow*. The perfect. In: *D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, T. E. Zimmerman* (eds.). The Wiley Blackwell companion to semantics. Vol. 4. Malden: Wiley Blackwell, 2020. P. 2265—2294.
- Hirayama, Matthewson 2022 — *Y. Hirayama, L. Matthewson*. Evidential-temporal interactions do not (always) come for free. In: *Journal of Pragmatics*. 2022, 193. P. 173—188.
- Jalava, Wahlström 2016 — *L. Jalava, M. Wahlström*. Towards a typology of evidentiality in Uralic languages: Reported and inferred evidentiality. Talk given at the 49th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Napoli, 2016.
- Jaxontov 1988 — *S. Jaxontov*. Resultatives: Classification and calculus. In: *V. Nedjalkov, B. Comrie* (eds.). Typology of resultative constructions: Translated from the original Russian edition (1983). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 101—112.
- Johnson 2022 — *K. Johnson*. Time and evidence in the graded tense system of Mvskoke (Creek). In: *Natural Language Semantics*. 2022, 30. P. 155—183.
- Kert 1961 — *G. M. Kert*. Obraztsy saamskoi rechi. Materialy po yazyku i fol’kloru saamov Kol’skogo poluostrova (kil’dinskii i iokan’gskii dialekty). Moskva: Nauka, 1961. {G. M. Kert. Samples of the Saami language. Materials on the language and folklore of the Saami people of the Kola Peninsula (Kildin and Ter dialects). Moscow: Nauka, 1961.}
- Kert 1971 — *G. M. Kert*. Saamskii yazyk (kil’dinskii dialekt): fonetika, morfologiya, sintaksis. Leningrad: Nauka, 1971. {G. M. Kert. Saami language (Kildin dialect): phonetics, morphology, syntax. Leningrad: Nauka, 1971.}
- Klein 1994 — *W. Klein*. Time in Language. London: Routledge, 1994.
- Koev 2017 — *T. Koev*. Evidentiality, learning events and spatiotemporal distance: The view from Bulgarian. In: *Journal of Semantics*. 2017, 34 (1). P. 1—41.
- Kosheleva 2023 — *M. I. Kosheleva*. The Kildin Saami Present Perfect as a jack of all trades. Talk given at the 20th Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, Saint Petersburg, 2023.
- Kosheleva et al. 2023 — *M. I. Kosheleva, S. A. Rachinskaya, I. M. Egorov*. Na podstupakh k aktsional’noi klassifikatsii v kil’dinskom saamskom. Doklad, predstavlenyi na konferentsii Malye yazyki v bol’shoi lingvistike. Moskva, 2023. {M. I. Kosheleva, S. A. Rachinskaya, I. M. Egorov. Toward the actional classification in Kildin Saami. Talk given at the Minority languages in big linguistics. Moscow, 2023.}
- Kratzer 2000 — *A. Kratzer*. Building Statives. In: *L. J. Jonathan et al.* (eds.). Proceedings of the Twenty-Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 2000, 26 (1). P. 385—399.
- Kubitsch 2023 — *R. J. Kubitsch*. Evidencialitás az udmurt nyelvben. PhD dissertation. Szeged: University of Szeged, 2023.
- Lee 2011 — *J. Lee*. The Korean evidential *-te*: a modal analysis. In: *Empirical issues in syntax and semantics*. 2011, 8. P. 287—311.
- Lee 2013 — *J. Lee*. Temporal constraints on the meaning of evidentiality. In: *Natural Language Semantics*. 2013, 21. P. 1—41.
- Lee 2023 — *J. Lee*. Lexical aspect and evidential meaning. In: *Linguistic Research*. 2023, 40 (2). P. 183—215.

Matthewson 2004 — *L. Matthewson*. On the methodology of semantic fieldwork. In: *International journal of American linguistics*. 2004, 70 (4). P. 369—415.

Matthewson et al. 2007 — *L. Matthewson, H. Davis, H. Rullmann*. Evidentials as epistemic modals: evidence from St'át'imcets'. In: *J. V. Craenebroeck et al. (eds.). The Linguistic Variation Yearbook*. John Amsterdam. 2007, 7. P. 201—254.

Nedjalkov, Jaxontov 1988 — *V. Nedjalkov, S. Jaxontov*. The Typology of Resultative Constructions. In: *V. Nedjalkov, B. Comrie (eds.). Typology of Resultative Constructions: Translated from the original Russian edition (1983)*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 3—62.

Plungian et al. 2016 — *V. Plungian, T. Maisak, X. Semionova, D. Sitchinava, P. Arkadiev, V. Vydrin (eds.)*. Tipologiya perfekta / Perfect cross-linguistically. Sankt-Peterburg: Nauka, 2016. {*V. Plungian, T. Maisak, X. Semionova, D. Sitchinava, P. Arkadiev, V. Vydrin (eds.)*. Perfect cross-linguistically. Saint Petersburg: Nauka, 2016.}

Rießler 2022 — *M. Rießler*. Kildin Saami. In: *M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.)*. The Oxford guide to the Uralic languages. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 216—239.

Scheller 2024 — *E. Scheller*. Aktivizatsiya passivnykh znaniy kil'dinskogo saamskogo yazyka s pomoshch'yu metoda "master-uchenik" i obucheniya grammatike i pis'mennomu yazyku. In: *Rodnoy jazyk*. 2024, 2. S. 82—108. {*E. Scheller*. Activating passive Kildin Saami language knowledge through the Master-Apprentice Method and instruction in grammar and writing skills. In: *Rodnoy jazyk*. 2024, 2. P. 82—108.}

Slobin, Aksu 1982 — *D. I. Slobin, A. A. Aksu*. Tense, aspect and modality in the use of the Turkish evidential. In: *P. Hopper (ed.)*. Tense-aspect: Between semantics & pragmatics. John Benjamins Publishing Company, 1982. P. 185—200.

Szabó 1985 — *L. Szabó*. Infinitive and participial constructions in Kola-Sami. In: *Nordlyd. Tromsø University working papers on language & linguistics*. 1985, 10. P. 28—127.

Smirnova 2013 — *A. Smirnova*. Evidentiality in Bulgarian: temporality, epistemic modality, and information source. In: *Journal of Semantics*. 2013, 30 (4). P. 479—532.

Tatevosov 2002 — *S. G. Tatevosov*. The parameter of actionality. In: *Linguistic Typology*. 2002, 6 (3). P. 317—401.

Tatevosov 2016 — *S. G. Tatevosov*. Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016. {*S. G. Tatevosov*. Verbal classes and typology of actionality. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016.}

Tatevosov 2019 — *S. G. Tatevosov*. Ehvidentsial'nost' i abduktsiya. In: *D. V. Gerasimov et al. (eds.)*. Sbornik statei k 85-letiyu V. S. Khrakovskogo. Moskva: JaSK, 2019. P. 463—495. {*S. G. Tatevosov*. Evidentiality and abduction. In: *D. V. Gerasimov et al. (eds.)*. Collection of articles dedicated to the 85th anniversary of V. S. Xrakovskij. Moscow: JaSK, 2019. P. 463—495.}

Vendler 1967 — *Z. Vendler*. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; London: Cornell University Press, 1967.

Verkuyl 1989 — *H. J. Verkuyl*. Aspectual classes and aspectual composition. In: *Linguistics and Philosophy*. 1989, 12. P. 39—94.

Wilbur, Rießler 2007 — *J. Wilbur, M. Rießler*. Documenting the endangered Kola Saami languages. In: *T. Bull, J. Kusmenko, M. Rießler (eds.)*. Språk og språkforhold i Sápmi. Berlin: Nordeuropa-Institut, 2007. P. 39—82.

Willett 1988 — *T. Willet*. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. In: *Studies in Language*. 1988, 12 (1). P. 51—97.

Xrakovskij 2007 — *V. S. Xrakovskij (ed.)*. Ehvidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii. Sankt-Peterburg: Nauka, 2007. {*V. S. Xrakovskij (ed.)*. Evidentiality in the languages of Europe and Asia. Saint Petersburg: Nauka, 2007.}

Вторичные значения турецкой лексики *göz* ‘глаз’

Напольнова Елена Марковна,

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова; elenapolnova142@mail.ru

Турецкая лексема *göz* ‘глаз’ высокочастотна и одинаково активно используется как для наименования физиологического органа, так и во вторичных значениях в рамках фразеологизмов разного типа. Фразеологизмы с *göz* можно разделить на четыре основные группы. В составе глагольных фразеологизмов первой группы *göz* чаще всего выступает в трёх взаимосвязанных значениях, отражающих основную функцию этого органа — ‘взгляд’, ‘поле зрения’ и ‘точка зрения’, появление которых обусловлено способностью человека изменять направление взгляда и его продолжительность, сознательно или неосознанно выражать различные эмоции через видимое состояние глаз. Вторая группа фразеологизмов относится к важной особенности наивных представлений о функциях отдельных органов и частей тела, зафиксированных в турецком языке, а именно признании за ними высокой степени автономности с точки зрения восприятия действительности, желаний, действий и даже мыслей. В рамках такого подхода за *göz* признаётся способность «автономно» совершать разнообразные, не свойственные этому органу действия (например, кусать, есть, пугаться, принимать решения и др.). В некоторых именных фразеологизмах *göz* выступает непосредственным носителем ряда качеств, описывающих характер человека. В третьей группе фразеологизмов переосмыслению подвергается форма, однако в большинстве случаев это не характерная вытянутая форма самого органа, а форма глазницы — парной и имеющей отверстие полости в черепе, в которой расположено глазное яблоко. Четвёртая группа фразеологизмов связана с номинацией различных водных объектов. Предполагается, что фразеологизмы этой группы могли возникнуть в тюркской среде и укрепить своё положение в языке вследствие контактов с иностранным (персидским) языком. Турецкие фразеологизмы с лексемой *göz* демонстрируют сочетание тюркских и заимствованных из контактных культур представлений о виртуальных функциях глаза.

Ключевые слова: турецкий язык, соматизмы, наивная анатомия, фразеологизмы с лексемой «глаз»

SECONDARY MEANINGS OF THE TURKISH LEXEME *GÖZ* ‘EYE’

Elena M. Napolnova, Institute of Asian and African Countries,
Lomonosov Moscow State University; elenapolnova142@mail.ru

The Turkish lexeme *göz* ‘eye’ is frequently used both to name a physiological organ and in secondary meanings within various types of phraseological units. Phraseological units containing *göz* can be divided into four main groups. Among verbal phraseological units of the first group, *göz* most often appears in three interrelated meanings reflecting the primary function of this organ: ‘gaze,’ ‘field of vision,’ and ‘point of view.’ These meanings stem from a person’s ability to change the direction and duration of gaze, consciously or unconsciously expressing various emotions through the visible state of the eyes. The second group of phraseological units is associated with an important feature of the naive notions about the functions of individual organs and body parts, as expressed in the Turkish language: namely, the recognition of their high degree of autonomy in terms of perception of reality, desires, actions, and even thoughts. Within this approach, *göz* is recognized as having the ability to “autonomously” perform a variety of actions not typically associated with this organ (e.g. biting, eating, being frightened, making decisions etc.). In a number of nominal phraseological units, *göz* is presented as a direct bearer of a number of qualities that describe a person's character. In the third group of phraseological units, the shape is reinterpreted; however, in most cases, it is not the characteristic elongated shape of the organ itself, but the shape of the eye socket — a paired, orifice-like cavity in the skull in which the eyeball is located. The fourth group of phraseological units is associated with the nomination of various bodies of water. It is assumed that phraseological units in this group may have arisen in the Turkic environment and strengthened their position in the language due to contact with a foreign language (Persian). Turkish phraseological units containing the lexeme *göz* demonstrate a combination of Turkic and culturally borrowed concepts of the virtual functions of the eye.

Keywords: Turkish language, somatisms, naive anatomy, phraseological units with the lexeme “eye”

Соматическая лексика в разных языках именуется части тела и органы, а анализ её использования часто позволяет выявить особенности наивного понимания их функций как на физиологическом, так и на эмоционально-психическом уровне. Кроме того, соматизмы являются важным средством наименования разнотипных объектов в ходе познания человеком окружающего мира, сохранения и передачи знаний, и при этом обнаруживается значительное количество национально-специфических особенностей, интересных с лингвистической и культурологической точек зрения. На формирование семантики отдельных соматизмов на разных исторических этапах оказывали влияние внутриязыковые и религиозно-культурные процессы, межъязыковые контакты и вновь приобретаемые научные знания.

В настоящее время большинство исследований соматической лексики проводится с позиций когнитивной лингвистики на материале одного или нескольких языков, однако представляется, что при таком подходе специфика каждой лексемы не получает должного отражения, не складывается полной картины восприятия каждого из таких слов носителями соответствующего языка. Особенности концепта «глаз» в той или иной степени освещены для английского языка [Герасимова 2009; Подсёвалова 2009; Акматалиева, Найманова 2024], в том числе в сравнении с русским и японским, а также немецкого, славянских, арабского, японского, литовского, корейского, персидского, из тюркских — узбекского, хакасского, киргизского, чувашского, якутского и др. [Якимова 2006; Воробьева 2015; Ясинская 2015; Дуплякина 2017; Шокиров 2017; Чертыкова 2019; Sarybaeva 2022; Николаева, Павлова 2023; Моради 2024]. Большой интерес вызывает детальное исследование представлений о строении, функциях глаза и связанных с ним верований древних египтян, проведённое Н. Гресслер путём анализа этимологии и семантики слов, составляющих семантическое поле «глаз», с привлечением текстов различных жанров, мифов, графических особенностей иероглифов и сохранившихся художественных изображений [Grässler 2017].

Особенностям конкретно турецкого концепта *göz* посвящена статья [Baş 2016], в которой М. Баш исследует значения фразеологических единиц и приходит к выводу, что обычно концептуализация *göz* происходит исходя из его основной функции (зрения) для отражения ментальных способностей: внимания (видеть → обращать внимание: *göz-den kaç-ır-* (г.-ABL убежать-CAUS) ‘упускать из вида’ (все переводы наши. — Е. Н.), *göz-den kaybol-* (г.-ABL теряться) ‘потеряться из вида’ и др.); контроля (то, что важно, находится перед глазами: *göz-ü-nü üst-ü-nden ayır-ma-* (г.-POSS3-ACC верх-POSS3-ABL отделять-NEG) ‘не сводить глаз с чего-л.’, *göz-ü-nün ön-ü-nde ol-* (г.-POSS3-ACC перед-POSS3-LOC быть) ‘находиться перед глазами’ и др.); опыта и обучения (видеть → приобретать опыт, узнавать: *göz-ü bağlı* (г.-POSS3 привязанный) ‘ретроград’, *göz-ü kül-lü* (г.-POSS3 пепел-EXS) ‘ретроград’ и др.); оценки и принятия решения (то, что важно, находится перед глазами: *göz ön-ü-nde tut-* (г.-POSS3-LOC держать) ‘принимать во внимание’, *göz ard-ı et-* (г. зад-POSS3 AUX) ‘упустить из внимания’ и др.); воспоминаний (видеть → помнить, вспоминать: *göz-ü-nün ön-ü-nden geç-* (г.-POSS3-GEN перед-POSS3-ABL проходить) ‘проходить перед глазами’, *göz-ü ısır-* (г.-POSS3 кусать) ‘казаться знакомым’ и др.); намерений и обдумывания (видеть → логически думать: *göz boya-* (г. красить) ‘запудрить глаза кому-л.’, *göz-ü kapalı evlen-* (г.-POSS3 закрытый жениться) букв. ‘выходить замуж, жениться с закрытыми глазами’ и др.), а также различных эмоций (например, удивление: *göz-ler-i yuva-lar-ı-ndan fırla-* (г.-PL-POSS3 гнездо-PL-POSS3-ABL выскакивать) ‘глаза на лоб вылезли’), личных характеристик (например, амбициозность: *göz-ü yüksek-ler-de ol-* (г.-POSS3 высота-PL-LOC быть) ‘иметь много амбиций’), физических состояний (например, смерть: *dünya-ya göz-ler-i-ni kap-* (мир-DAT г.-PL-POSS3-ACC закрывать) ‘умереть’) и культурных факторов (например, сглаз: *göze gel-* (г.-DAT приходить) ‘попасть под действие сглаза’). Сопоставляя набор когнитивных признаков концепта *göz* с отмеченными для арабского, английского, персидского и японского языков, М. Баш указывает, что, в отличие от них, за турецким *göz* не закреплены ментальные функции «видеть → понимать» и «видеть → знать». Также исследователь приходит к заключению, что «*göz* как часть тела непосредственно олицетворяет собой сознание» [ibid.: 34]. В целом мы согласны с выводами М. Баш, однако *göz* имеет ряд вторичных значений, что обуславливает необходимость рассмотрения семантики этой лексемы, поскольку это позволит выделить оставшиеся без внимания языковые факты.

Настоящая статья продолжает исследование, в котором были рассмотрены особенности языковой характеристики глаза как органа зрения, его формы, частей, цвета и физиологических функций¹ [Напольнова 2026], и посвящена вторичным значениям турецкой лексемы *göz*. Понятие «фразеологизмы»

¹ Определениями к *göz* чаще всего выступают цветообозначения и прилагательные, отражающие отклонения от стандартного для носителей внешнего вида. *Göz* используется в качестве обращения, в проклятиях, клятве, пожелании, а также в ряде фразеологизмов, отражающих рождение, жизнь, смерть, здоровье человека и др. через действия и состояние глаз. Наиболее важной частью глаза признаётся зрачок, исходная мотивировка наименования которого, вероятно, связана с древними верованиями, распространёнными в регионе. К этому же источнику могут восходить представления о «нуре» глаза и способы выражения сильного гнева.

используется в максимально широком смысле: «все сочетания слов, для которых характерны три основных параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идеоматичности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени её вариативности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов “в готовом виде”» [Телия 1996: 56], т. е. «всё то, что воспроизводится в готовом виде, не являясь словом» [там же: 58].

Лексема ГӨЗ [Севортян 1980: 60—62] присутствует в ряде тюркских языков как наименование органа зрения. Другие значения, представленные в отдельных языках или группах языков, связаны с функцией глаз («абстрагирующий переход на ‘зрение’ и ‘взгляд’» [СИГТЯ 2001: 209]), с названием части от целого — чаще незаполненной (‘отверстие, ушко, отделение’), реже — напоминающей глаз своей формой с выделяющейся центральной частью (‘прыщ, почка’). При этом в отношении ГӨЗ отмечается, что «кроме значения ‘глаз(а)’ все остальные неизвестны в древнейших текстах»; в средневековых памятниках зафиксировано значение ‘источник’; «кроме того, древние тексты изобилуют лексикализированными сочетаниями көз с глаголами...» [там же].

Нельзя не учитывать, что в ряде тюркских языков для обозначения того же органа используется лексема ҚАРАҚ [Левитская, Дыбо 1997: 295—296], предположительно восходящая к ҚАРА ‘чёрный’, в связи с чем для неё приводится распространённое значение ‘зрачок’. При этом ҚАРАҚ употребляется также в значениях, близких к ГӨЗ — ‘взгляд’, ‘глазок’, ‘ячейка’, ‘очко’. В некоторых языках присутствуют обе лексемы: например, в хакасском собственно в значении ‘глаз’ закрепились *харах*, а *көс* утратила первоначальное значение, за исключением произведений устного народного творчества, но используется в ряде перечисленных выше вторичных значений [Чертыкова 2019: 142—143]. Общность значений обеих лексем в целом свидетельствует о единстве наивных представлений, касающихся строения и сущности этого органа.

Турецкая лексема *göz* высокочастотна — почти 1310 употреблений на миллион слов [TUD]. Анализ случайной выборки из 1500 вхождений показывает, что это слово использовано в первичном (орган зрения) и вторичных значениях приблизительно в равной степени. В [TDK] для современного ТЯ указано 13 значений — 1. ‘орган зрения’; 2. ‘смотрение, видение’ (с пометой: «в отдельных выражениях»); 3. ‘комната’; 4. ‘взгляд’; 5. ‘родник’; 6. ‘дырка, пустота’; 7. ‘ящик (в столе и др.)’; 8. ‘чаша весов’; 9. ‘сглаз’; 10. ‘любовь, интерес, сердечная привязанность’; 11. ‘почка растения’; 12. ‘клетка шахматной доски’; 13. ‘головка (прыща и т. п.)’. Там же приводится 350 фразеологических единиц разных типов. Среди них — пары глагольных словосочетаний, отличающиеся залоговыми формами одного и того же глагола (*göz-ü-nde büyü-/büyü-t-* (г.-POSS3-LOC увеличиваться/увеличиваться-CAUS) ‘быть преувеличенным / преувеличивать (например, значение)’, *göz-den irak tut-/tut-ul-* (г.-ABL далеко держать/держаться-PASS) ‘удалять, держать кого-л. подальше от симпатизирующего лица’); наличием/отсутствием аффикса отрицания (*göz-ü kes-/kes-me-* (г.-POSS3 резать/резать-NEG) ‘не вызывать сомнений / вызывать сомнения у кого-л.’); включающие синонимы (*göz-ler-i-nde çakmak/şimşek çak-* (г.-PL-POSS3-LOC огниво/молния вспыхивать) ‘глаза метают молнии’). Дополнительная сложность состоит в том, что пары фразеологизмов такого рода могут быть семантически производными друг от друга, как приведённые выше, и производными (*göz-ü-nü aç-* (г.-POSS3-ACC открываться) ‘начать понимать реальное положение дел’, *göz-ü-nü aç-tır-ma-* (г.-POSS3-ACC открываться-CAUS-NEG) ‘не давать кому-либо передохнуть’). В числе именных словосочетаний присутствуют атрибутивные (*aç göz-lü* (голодный г.-EXS) ‘жадный’) и предикативные (*göz-ü aç* (г.-POSS3 голодный) ‘жадный’); представляющие собой сложные слова и совпадающие с ними по компонентам, но не синонимичные им словосочетания (*göz alt-ı* (г. низ-POSS3) ‘кожа, область под глазами’, *göz-alt-ı* (г. низ-POSS3) ‘надзор’). Отдельные фразеологизмы очевидно являются калькой (например, *göz-e göz diş-e diş* (г.-DAT г. зуб-DAT зуб) ‘глаз за глаз, зуб за зуб’) или терминами (*firtına-nın göz-ü* (буря-GEN г.-POSS3) ‘безветренная область в центре тропического циклона’ — англ. *eye of the storm*; *petek göz* (соты г.) ‘фасеточный глаз’). Пути формирования значения некоторых фразеологизмов невозможно проследить, поскольку, по всей вероятности, в их основе лежат некие ситуации (например, *göz-dağ-ı ver-* (г.-гора-POSS3 давать) ‘запугивать возможным наказанием’ — приводимое в некоторых источниках объяснение буквального значения этого фразеологизма вызывает сомнения). В ряде случаев налицо результат словотворческой деятельности, направленной на замещение заимствований (например, неологизм *göz bağ-ı* ‘г. завязка-POSS3’ → ‘иллюзия’ → *göz bağ-ı-cı* ‘г. завязка-POSS3-DOER’ → ‘иллюзионист’ (ср. перс. *nâzâr bând* ‘иллюзионист, фокусник’ [ПРС, 2: 648], где *nâzâr* (араб.) ‘взгляд’ (www.almaany.com), *bând* ‘верёвка, шнур’ [там же, 1: 221], при наличии *göz-ü bağ-lı* (г.-ACC завязывать) букв. ‘тот, у кого завязаны глаза’ → ‘беспечный’ от *göz-ü bağ-la-* (г.-ACC завязывать) букв. ‘завязывать глаза’ → ‘не понимать, что правильно, что нет’). Вследствие всех перечисленных факторов можно считать, что общее количество фразеологизмов составляет около 250 единиц. Тем не менее внушительный объём устойчивых выражений в сочетании с высокой частотностью лексики должен свидетельствовать о наличии мировоззренчески

значимых представлений о функциях и важности этого органа, а также заставляет исследовать источники их формирования. Следует также отметить, что значения некоторых фразеологизмов неясны компетентным носителям ТЯ среднего возраста и понимаются ими только на основе общего языкового опыта.

В дополнение к [ТДК] нами использовались материалы Корпуса турецкого языка [TUD].

В современном ТЯ в составе глагольных фразеологизмов *göz* чаще всего выступает в трех взаимосвязанных значениях, отражающих основную функцию этого органа — ‘взгляд’, ‘поле зрения’ и ‘точка зрения’. Два последних обусловлены способностью человека изменять направление взгляда и его продолжительность, сознательно или неосознанно выражать различные эмоции через видимое состояние глаз.

GÖZ ‘ВЗГЛЯД’, синоним *bak-ış* (смотреть-NMLZ), *nazar* (устар. от араб. ‘смотреть, рассматривать, наблюдать’ [АС])

Значения ‘взгляд’ и ‘зрение’ отмечены для ряда тюркских языков разных подгрупп [Севортян 1980: 61].

Физиологические движения глаз (глазного яблока) описываются фразеологизмами с глаголами перемещения и *göz* ‘глаз’: *göz-ler-i-ni kaç-ır-* (г.-PL-POSS3-ACC убежать-CAUS) ‘отвести глаза’, *göz-ler-i dön-* (г.-PL-POSS3 поворачиваться) ‘глаза закатились’, *gözleri şıldır şıldır dön-* (г.-PL-POSS3 полный.слёз поворачивать(ся)) ‘смотреть полными слёз глазами’, *göz kay-ma-sı* (г. скользить-NMLZ-POSS3) ‘косоглазие’ [Напольнова 2026]. В отличие от этого, в сочетании с *göz* ‘взгляд’ (функция глаз) значение глаголов перемещения переосмысливается: *göz göz-e gel-* (г. г.-DAT приходиться) ‘встречаться взглядами’, *göz-ü kay-/git-* (г.-POSS3 соскальзывать/идти) ‘случайно заметить’, *göz-ü dön-* (г.-POSS3 поворачиваться-PST) ‘не контролировать себя от гнева, страстного желания’, *göz-ler-i-ni devir-* (г.-PL-POSS3-ACC опрокидывать) ‘гневаться’.

Такое положение распространяется и на другие глаголы, обозначающие разнообразные действия, невозможные для глаз как органа или его частей, и связанные с функцией глаз — взглядом: *göz al-abil-diğ-i-ne* (г. брать-ABIL-SAF-POSS3-DAT) ‘на сколько хватает глаз’, *göz et-* (г. AUX) букв. ‘делать г.’ → ‘делать знак глазами’, *göz-den nihan ol-* (г.-ABL скрытый быть) ‘быть невидимым, скрытым’. Через представление о взгляде, направленном на дорогу или вдаль, выражается ожидание: *dört göz-le bekle-* (четыре г.-INS ждать) ‘ждать-недождаться’, *göz-ü yol-da kal-* (г.-POSS3 дорога-LOC оставаться) ‘очень ждать’. Через *göz* ‘взгляд’ выражается различная степень внимания или отношение к объекту наблюдения: *göz at-* (г. бросать) ‘бросить взгляд’, *göz değ-dir-* (г. трогать-CAUS) ‘просматривать, скользнуть взглядом’, *göz-den geçir-* (г.-ABL проводить/протаскивать) = *göz gez-dir-* (г. гулять-CAUS) ‘просматривать, пробежать глазами’, *göz-le ye-* (г.-INS есть) ‘пожирать глазами’, *göz dik-* (г. втыкать) ‘впериться’; *göz koy-* (г. класть) ‘положить глаз’, *göz-ler-i çivile-n-/dügümle-n-* (г.-PL-POSS3 прибить.гвоздями-REFL/завязать.в.узел-REFL) ‘смотреть, вперившись’, *göz-le süz-* (г.-INS цедить) ‘смотреть из-под полуприкрытых век’, *göz-ü-nü süz-* (г.-POSS3-ACC цедить) ‘строить глазки’, *göz-ü-yle tart-* (г.-POSS3-INS взвешивать) ‘прикидывать, приблизительно оценивать’, *göz-ü-nü üst-ü-nden ayırma-* (г.-POSS3-ACC верх-POSS3-ABL отделять-NEG) ‘не сводить глаз с кого/чего-л.’, *göz-ü biri-nin üzer-i-nde ol-* (г.-POSS3 некто-GEN верх-POSS3-LOC быть) ‘не сводить глаз с кого/чего-л.’.

Из перечисленных фразеологизмов только для *göz at-* (г. бросать) ‘бросить взгляд’ возможна замена на *bakış at-* (взгляд бросать) — это единственный глагольный фразеологизм с *bakış* в [ТДК]. Именные фразеологизмы с *bakış* (в [ТДК] их насчитывается 11) носят современный характер; для глагола *bak-* ‘смотреть’ в [ТДК] приводится 17 значений, включая вторичные ‘присматривать’, ‘ухаживать’, ‘содержать, обеспечивать’, ‘осматривать’ и пр., т. е. в нём очевидно присутствуют важные дополнительные семы.

Займствование *nazar* ‘взгляд’ в ТЯ представляло основную физиологическую функцию глаз отдельно от наименования этого органа или его главной функции, однако к настоящему времени перешло в разряд архаизмов.

В качестве синонима *göz* в [ТДК] даётся персидское заимствование *çeşm* ‘глаз’, которое в языке-источнике также входит в состав большого количества фразеологизмов, касающихся как формы и физиологических функций глаза, так и переосмысления основной функции этого органа — взгляда [ПРС, 1: 468—479], см. ниже.

GÖZ ‘ПОЛЕ ЗРЕНИЯ’, синоним *görme alan-ı* (видение площадь-POSS3)

В силу своего расположения и физиологических особенностей глаза позволяют человеку наблюдать за ограниченной частью окружающего пространства, именуемой термином *gör-me alan-ı* (видение площадь-POSS3) ‘поле зрения’, а во фразеологизмах обозначаемой с помощью *göz* или *göz ön-ü* (г. перед-POSS3). Это значение можно считать производным от ‘взгляд’, однако в этом случае речь идёт уже не о направленности или продолжительности взгляда, а о площади или пространстве, которое можно наблю-

дать. При этом степень важности объектов наблюдения, внимания к ним может выражаться через их сознательное размещение или случайное попадание в ту или иную часть поля зрения или за её пределы: *göz-den çıkar-* (г.-ABL выводить) ‘отказываться от чего-л., смириться с отсутствием чего-л.’, *göz-den gönül-den çıkar-* (г.-ABL сердце-ABL выводить) ‘разочароваться, отказаться от чего-л.’, *göz-den düş-* (г.-ABL падать) ‘разочаровать кого-л. в себе’, *göz-den kaç-/kaçır-* (г.-ABL убежать/упускать) ‘быть упущенным / упускать из виду’, *göz-e al-* (г.-DAT брать) ‘принимать в учёт, допускать что-л.’, *göz ard-ı et-* (г. зад-POSS3 AUX) ‘упускать из виду’, *göz-den kaybet-/kaybol-* (г.-ABL терять/теряться) ‘потерять(ся) из виду’, *göz-e gir-* (г.-DAT входить) ‘хорошо зарекомендовать себя’, *göz-de büyü-* (г.-LOC расти) ‘приобретать большее значение, становиться более важным’, *göz-den uzaklaş-* (г.-ABL удаляться) ‘исчезать’, *göz ön-ü-nde tut-* (г.-POSS3-LOC держать) ‘принимать во внимание’, *göz ön-ü-ne ser-* (г. перед-POSS3-DAT стелить) ‘демонстрировать, предъявлять’, *göz-ü-nün ön-ü-ne gel-* (г.-POSS3-ACC перед-POSS3-DAT приходить) ‘предстать перед мысленным взором’.

GÖZ ‘ТОЧКА ЗРЕНИЯ, ПОЗИЦИЯ, ПОДХОД’, синоним *bakış açısı* (взгляд угол-POSS3) ‘точка зрения’, также сокращённое: *açı* букв. ‘угол’ → ‘точка зрения’

В [TDK] приводится ряд фразеологизмов, включающих выражающий естественную функцию глаз глагол *bak-* ‘смотреть’, в которых *göz* выступает в качестве оценочного инструмента лица или группы лиц (например, представителей страны): [*alıcı*] *göz-ü-yile bak-* ([покупатель] г.-POSS3-INS смотреть) букв. ‘смотреть глазом (покупателя)’, т. е. ‘рассматривать с точки зрения возможности покупки’ (аналогичным образом — с какой-либо иной), *gündüz göz-ü-yile bak-* (днём г.-POSS3-INS) букв. ‘смотреть дневным глазом’ → ‘рассматривать при свете дня, на свежую голову’, *kesin göz-ü-yile bak-* (точный г.-POSS3-INS смотреть) ‘быть уверенным в том, что событие произойдёт’, *Batı'nın göz-ü-nde* (Запад-GEN г.-POSS3-LOC) ‘по мнению Запада’; также сокращённое — *bu göz-le* (этот г.-INS) букв. ‘таким глазом’ → ‘с этой точки зрения, при таком подходе’. Это значение представляется очень активным, поскольку достаточно много примеров, отражающих современный язык: *Bu öge-ler-e yaklaşım-lar-ı Batı göz-ü-yile-dir* (этот звено-PL-DAT приближение-PL-POSS3 Запад г.-POSS3-INS-IND) ‘Они смотрят на этот момент с точки зрения Запада’; *İran'ı bir öteki göz-ü-yile gör-üyor* (Иран-ACC один другой г.-POSS3-INS видеть-PRS) ‘На Иран он смотрит с иной позиции’; *Olay-lar-a meta göz-ü-yile bak-ma-ya başla-yacak-sınız* (событие-PL-DAT товар г.-POSS3 смотреть-NMLZ-DAT начинать-FUT-2PL) ‘Вы начнёте смотреть на события с практической точки зрения’.

Изобилие глагольных фразеологизмов с *göz* в значениях, связанных с взглядом, по нашему мнению, объясняется взаимодействием двух факторов. С одной стороны, сочетание лексики ‘глаз’ в значении ‘взгляд’ с разнообразными глаголами, отмеченное также для древнетюркских памятников [ДТС: 320—321], активно используется в различных тюркских языках, в том числе генетически далёких от ТЯ. Например, в хакасском: *харах тозырат* (букв. ‘выкатывать глаза’) ‘смотреть во все глаза’; *харааны ут-тыр* (букв. ‘твои глаза победил [оказывается, другой образ]’) ‘быть очарованным (или быть пленённым) неким объектом, которого приятно воспринимать визуально’; *харах тоспас* ‘глаза не насытятся’ и др. [Чертыхова 2019: 145—146]; и в якутском: *харахтары умс кэрдүлэр* (букв. ‘глаза у них опустились вниз’) ‘подчиняться’, *үрүң харабын өрө көрдөрбөт* (букв. ‘не даёт поднимать глаза’) ‘постоянно эксплуатирует’, *хараххын кээс* (букв. ‘бросать глаза’) ‘присматривать за кем-либо, чем-либо’ [Николаева, Павлова 2023: 98—99]. С другой стороны, сказалось влияние персидского языка, поскольку ряд глагольных фразеологизмов имеет прямое соответствие: перс. *چایم دوختان* — тур. *göz dik-* (букв. ‘пришить глаза’) ‘впериться’ [ПРС, 1: 468]; перс. *češt çešt râlro nadidan* — тур. *göz gözü görmüyor* (букв. ‘глаз не видит глаз’) — о крошечной темноте; перс. *az çešt ofiādan* — тур. *gözden düş-* (букв. ‘из глаз выпадать’) ‘обесцениваться, утрачивать авторитет’; ‘упасть в чьих-л. глазах’ [Моради 2024: 15].

GÖZ ‘СГЛАЗ’, синоним *nazar*

Значение *göz* ‘сглаз’ можно считать виртуальной функцией «дурного глаза»: *Kötü göz-ü var* (плохой г.-POSS3 иметься) ‘Он глазливый’, *Göz-üm yok* (г.-POSS1SG не.иметься) предупреждение-оправдание — ‘Не подумай, что я завидую’. Во фразеологизмах параллельно используются *göz* и *nazar*: *göz/nazar değ-* (г./взгляд дотрагиваться) = *göz-e/nazar-a gel-* (г.-DAT/взгляд-DAT приходить) ‘подвергнуться сглазу’. В настоящее время *nazar* фактически употребляется только в значении ‘сглаз’.

Следует отметить, что в ТЯ присутствует ряд производных от араб. *nazar* слов, связанных с наблюдением, присмотром и пр. При этом, исходя из того, что значение ‘сглаз’ не зафиксировано у *nazar* ни в арабском [ATD], ни в персидском языке [ПРС, 2: 647], а также из того, что в других тюркских языках для обозначения сглаза применяются словосочетания типа «дурной глаз», можно предположить, что оно сформировалось в ТЯ или явилось результатом контакта с какими-либо региональными диалектами или культурами.

GÖZ КАК АВТОНОМНЫЕ СУЩНОСТИ

Идея об автономности отдельных органов человеческого тела с точки зрения восприятия действительности, желаний, действий и даже мыслей представлена в наивной анатомии носителей разных культур и языков, на что обращали внимание лингвисты (см., например, [Плунгян 1991: 155]). Межъязыковые различия заключаются в том, за какими органами признаётся «независимость», в чём состоят их «полномочия» и насколько широк спектр таковых.

Для ТЯ признание за отдельными физическими и виртуальными органами человека самостоятельности в ощущениях и выполнение ими не свойственных для них действий являются одной из характерных особенностей функционирования соматической лексики (*karn-ı aç* (живот-POSS3 голодный) 'он голоден', *ruh-u duy-maz* (дух-POSS3 чувствовать-NEG.A) 'он ни за что не узнает', *baş-ı daral-* (голова-POSS3 сужаться) 'испытывать материальные сложности', *Can-ım çek-ti* (душа-POSS1SG тянуть-PST) 'Мне захотелось'). Очень часто через отсылку к тому или иному органу человек как бы оправдывается за неспособность произвести определённое действие: *Göz-üm gör-mü-yor* (г.-POSS1SG видеть-NEG-PRS) 'Я не вижу, я плохо вижу'; *Kulağ-ım duy-mu-yor* (ухо-POSS1SG слышать-NEG-PRS) 'Я не слышу, я плохо слышу'; *Can-ım istemi-yor* (душа-POSS1SG хотеть-NEG-PRS) 'Мне не хочется'; *Dil-im dön-mü-yor* (язык-POSS1SG поворачиваться-NEG-PRS) 'Я не могу (это) произнести'; *Kaf-am al-mı-yor* (голова-POSS1SG брать-NEG-PRS) 'Я не могу это понять'. Представляется, что подобное явление «отчуждения» частей тела и органов в рамках языковенных воззрений на мироустройство можно квалифицировать как противоположное «присвоению» ближайшей к человеку зоны окружающего пространства, выражающееся (через антропоцентрический подход) в использовании одного слова для обозначения части ориентира, поверхности ориентира с соответствующей стороны и прилежащей части пространства, например *ön* 'передняя часть', 'передняя поверхность', 'часть пространства перед ориентиром' [Напольнова 2022: 88].

Ввиду того, что глаза имеют особое значение при восприятии объектов окружающего мира, лежащее в основе реакции человека на них, за *göz* признаётся способность не только видеть/смотреть, но и «автономно совершать» разнообразные, не свойственные этому органу физические и ментальные действия: *Göz-üm on-u isiri-yor* (г.-POSS1SG он-ACC кусать) 'он мне кажется знакомым'; *göz-ler-i bayıl-* (г.-PL-POSS3 падать.в.обморок) 'глаза не смотрят (от потребности в сне, как проявление жеманства)'; *Göz-ün alış-ır* (г.-POSS2SG привыкать-AOR) 'Ты привыкнешь к этому, это перестанет тебе резать глаз' (о внешних особенностях наблюдаемого объекта); *Göz gör-düğ-ü-nü ist-er* (г. видеть-SAF-POSS3-ACC хотеть-AOR) букв. 'Глаз хочет то, что видит'; *Göz-ü kız-dı* (г.-POSS3 сердиться-PST) 'Он рассердился'; *Göz-üm kork-tu* (г.-POSS1SG пугаться-PST) 'Мне стало страшно'; (*biri-nden*) *göz-ü su iç-me-* ((некто-ABL) г.-POSS3 вода пить-NEG) 'не доверять кому-л., не полагаться на кого-л.'; *göz-ü (biri-ni/bir şey-i) tut-* (г.-POSS3 некто-ACC/нечто-ACC держать) букв. 'Глаз его/это держит' → 'показаться подходящим, приятным'; *göz-ü (bir şey-i) ye-me-* (г.-POSS3 (нечто-ACC) есть-NEG) 'не быть способным, не желать совершить какое-л. действие'; *göz doy-* (г. наесться) 'потерять желание получить что-л. вследствие долгого наблюдения' → *göz doy-ur-/dol-dur-* (г. накормить/наполнить) 'произвести лучшее впечатление, чем предполагалось'.

Сюда же примыкают отдельные специфические «способности» глаз: *göz karar-ı-yla* (г. решение-POSS3-INS) 'на глазок, примерно', *göz aşinalığ-ı* (г. знакомство-POSS3) 'шапочное знакомство' (о человеке, знакомом чисто внешне), *göz hakk-ı* (г. право-POSS3) 'признаваемое за человеком право попробовать блюдо, которое он случайно увидел'.

Сильные негативные эмоции, охватывающие человека, могут представляться заполняющими его глаз и заставляющими его предпринять те или иные действия: *göz-ü-nü hırs/kin/sevda/duman bürü-* (г.-POSS3-ACC тщеславие/ненависть/любовная.страсть/туман охватывать).

Как следствие признания значительной «самостоятельности» этого органа, отражённой в обширной группе фразеологизмов, *göz* выступает носителем ряда качеств, описывающих характер человека. При этом устойчивость соответствующего признака выражается через именной состав большинства словосочетаний этой группы: *göz-ü açık* (г.-POSS3 открытый) = *açık-göz* (открытый-г.) = *cin-göz* (джин-г.) 'успешный, инициативный, активный человек', *göz-ü kapalı* (г.-POSS3 закрытый) = *göz-ü bağlı* (г.-POSS3 завязанный) 'беспечный, бесшабашный человек', *göz-ü aç* (г.-POSS3 голодный) = *aç göz-lü* (голодный г.-POSS3-EXS) = *göz-ü doymaz* (г.-POSS3 ненасытный) 'жадный человек', *göz-ü tok* (г.-POSS3 сытый) 'не падкий на деньги, на материальные блага, удовлетворённый человек', *göz-ü kara*² (г.-POSS3 чёрный) = *göz-ü pek* (г.-POSS3 очень) 'храбрый человек', *göz-ü dışarı-da* (г.-POSS3 наружу-LOC) 'гулёна, человек, не любящий сидеть дома', *göz-ü keskin* (г.-POSS3 острый) 'человек с отличным зрением', 'внимательный

² В отличие от стабильности признака, выражаемого именным словосочетанием, глагольное словосочетание указывает на динамику: *göz-ü-nü kara-rt-* (г.-POSS-ACC чёрный-CAUS) букв. 'зачернить глаза' → 'набраться храбрости, не задумываться о последствиях'.

к мелочам, приметливый’, *sulu göz* (мокрый г.-POSS3) = *göz-ü sulu* (г.-POSS3 мокрый) ‘плакса’, *göz-ü yüksek-te* (г.-POSS3 высота-LOC) ‘амбициозный человек’, *para-göz* (деньги-г.) ‘падкий на деньги, ничего не делающий бесплатно человек’, *kötü/kem göz* (плохой глаз) ‘глазливый человек’, *Ben-de böyle bir göz var mı?* (я-LOC такой один г. имеется Q) ‘Неужели я так глупа, чтобы допустить такое?’ (турецкий сериал).

В привлечённых к исследованию статьях по другим тюркским языкам подобные модели фразеологизмов не рассматриваются. Единственный пример — узбекское *kūzi xira* (букв. ‘мутный глаз’) ‘плохо видящий’ [Шокиров 2017: 57], однако в основе этого выражения лежит естественная функция глаз. С другой стороны, значительное влияние персидского языка на формирование ТЯ, а также наличие двух параллельных моделей у большинства перечисленных фразеологизмов позволяют в данном случае предположить вероятность калькирования, поскольку в персидском характеристика человека через особенности его глаз широко представлена: *чешмбина* (где *бина* ‘ясный’) ‘проницательный, прозорливый’, *чешмпуш* (где *пуш* ‘одежда, обёртка’) ‘снисходительный, потакающий, потворствующий, попустительствующий’, *чешмтār* (где *tār* ‘влажный, мокрый’) ‘плакса’, *чешмдāридэ* (где *dāридэ* ‘дерзкий, наглый, нахальный, бесстыжий’) ‘бесстыдный, бессовестный, нахальный, наглый’ и др. [ПРС, 1: 470].

Ещё одна группа вторичных значений *göz* не связана с физиологическими или виртуальными функциями глаз, их подвижностью и состоянием, а переосмыслению подвергается форма самого органа.

GÖZ ‘ОТВЕРСТИЕ, ПРОХОД’, синоним *delik* ‘дырка, отверстие’

Значение ‘отверстие’ встречается у лексем с основным значением ‘глаз’ в разных языках (перс. *чешм* ‘дырочка, отверстие, просвет’ [ПРС, 1: 468], нем. *Auge* ‘ушко’, англ. *eye* ‘глазок, ушко, петелька’): *iğne göz-ü* (игла г.-POSS3) ‘ушко иголки’, *göz göz* ‘пористый’. В ТЯ трактовка *göz* в этом значении не связана с небольшим размером отверстия: *köprü göz-ü* (мост г.-POSS3) ‘арка моста’, что, однако, может представлять собой кальку с персидского *çeşme pol* ‘арка, пролёт моста’³ [там же: 471]. Следует отметить, что в персидском присутствуют две лексемы — *çeşm* ‘глаз’ и производная от неё *çeşme* ‘источник, родник, ключ’ [ПРС, 1: 468—479; Расторгуева, Эдельман 2003: 239—240], при этом у обеих зафиксировано значение ‘отверстие’: *çeşm* ‘дырочка, отверстие, просвет’ (в том числе об игольном ушке), *çeşme* ‘просвет, петля, кольцо’ (в том числе об игольном ушке), ‘пролёт, арка’. Для ТЯ *çeşm* ‘глаз’ указывается в [TDK], однако является полным архаизмом, а *çeşme* до настоящего времени активно употребляется как в отношении родников, источников воды, так и для обозначения небольших сооружений, возведённых над ними. Такие сооружения часто располагаются у мечетей, используются в качестве названия остановок общественного транспорта; также *çeşme suyu* ‘водопроводная вода’.

В диалектах ТЯ в [TDK] зафиксированы связанные с *göz* ‘отверстие’ значения: ‘силок’ (петля из проволоки, применяемая на охоте); ‘жернов’, представляющий собой каменный диск с отверстием посередине, служивший для перетирания злаков; ‘окно’ (ср. рус. *окно* и *око*); а также ‘альчик, шаган’ (таранная кость лодыжки задней ноги мелкого рогатого скота, синоним *aşık*). Такая кость имеет отверстие, в которое мог заливаться свинец для утяжеления, и использовалась в народной игре.

GÖZ ‘ОТДЕЛЕНИЕ, ЯЩИК’, синоним *böl-me* (делить-NMLZ)

Лексема *göz* может обозначать ячейки, выдвижные ящики, отделения или карманы в сумке (но не в одежде, что, предположительно, указывает на признак ригидности, т. е. жёсткости, способности сохранять форму) как синоним *bölme* ‘отделение’ исключительно в бытовой речи, например при описании сумки: *İçte 3 bölme 1 bilgisayar bölmesi 1 matara gözü 2 dış göz* (вот три отделения один компьютер отделение-POSS3 1 фляжка г.-POSS3 2 наружный г.) ‘Вот три отделения, одно — для компьютера, одно — для бутылки и два наружных кармана’ (реклама сумки на сайте). Лексикализированным является словосочетание *torpido göz-ü* (торпеда г.-POSS3) ‘бардачок (перчаточный ящик в автомобиле)’. Для значений ‘отделение, ящик шкафа, стола, в том числе выдвижной’ не удалось обнаружить примеров в [TUD], хотя оно регулярно фиксировалось нами в устной речи носителей ТЯ, особенно старшего возраста, а также встречается в ряде диалектов ТЯ [TDK]. Как и в значении ‘отверстие’, в этих случаях речь идёт о достаточно крупных объектах.

Схожие значения отмечаются для некоторых других тюркских языков разных групп, большинство — для огузских [ЭСТЯ 1980: 61].

³ Словосочетание приводится в указанном словаре, однако оно не знакомо носителям персидского языка среднего и младшего возраста и не встречается в интернет-источниках.

GÖZ ‘ЧАША ВЕСОВ’, синоним *kefe* (от перс.)

Это значение безусловно примыкает к предыдущему, поскольку, как и в *göz* ‘отделение, ящик’, в данном случае предполагается некое вместилище из твёрдого материала. Словосочетание *terazi göz-ü* (весы г.-POSS3) стандартно означает ‘чаша весов’, приводится в [TDK] и употребляется параллельно с синонимичным персидским заимствованием *kefe* ‘чаша весов’.

GÖZ ‘КОМНАТА, ПОМЕЩЕНИЕ’, синонимы *oda*, *mekân* (от араб.), *hane* (от перс.)

В этом значении денотатом также является крупный объект. Значение *göz* ‘комната’ на современном этапе устарело и носит диалектный характер: в [TUD] использования в этом значении нами не обнаружено; в [TDK] оно указывается для ряда диалектов (*Ev-imiz iki göz* (дом-POSS1PL два г.) ‘У нас в доме две комнаты’), а также приводится пример архаичного употребления в стихотворении: *Şu fakir mahalle-de bir göz ev-im ol-sa-ydı...* (Ziya Osman Saba, 1910—1957) ‘Ах, если бы у меня была своя комнатка в этом бедняцком квартале!’ По всей видимости, в приведённых высказываниях это значение связано и обусловлено лексическим окружением (*ev*).

Приводимый в [TDK] фразеологизм *göz-den (göz-ü-nden) sürme-yi çal- (çek-)* ‘быть очень ловким во-ром’ представляет интерес как пример сохранения переносного значения фразеологизма при модификации буквального значения исходного выражения вследствие изменения внеязыковых реалий. Поскольку к настоящему времени *göz* утратило значение ‘помещение, комната’; *sürme* понимается как ‘сурьма (порошок свинцового блеска, служивший на Востоке для чернения бровей)’; а глагол *çek-* ‘тянуть, тащить’ стандартно используется в связи с нанесением макияжа карандашом (например, *göz-e kalem çek-* (г.-ДАТ карандаш тянуть) ‘подводить глаза’⁴, управляет дательным падежом!), всё выражение воспринимается буквально как ‘украсть/утащить сурьму с глаз (у кого-л.)’ (г.-ABL (г.-POSS3-ABL) сурьма красть/тянуть), что действительно практически невозможно сделать. Однако, в соответствии с пояснением, приведённым в [Fikriyat], буквальное значение исходно было иным. Термин *sürme* обозначал деревянные детали, на которые распиливались брёвна, использовавшиеся для постройки кораблей. Они хранились на верфях в бараках; эти помещения именовались *göz*. Воры проделывали в стенах таких складов отверстия и буквально вытягивали через них пиломатериалы наружу. Переосмысление исходного прямого понимания выражения и управление глагола обусловило замену *çek-* ‘тянуть, тащить’ на *çal-* ‘красть’. Принимая во внимание транслативное значение датива, нельзя исключить, что первоначально в рассматриваемом фразеологизме могло подразумеваться также *göz* ‘отверстие’.

С учётом четырёх приведённых примеров и этимологии ОТАФ [ЭСТЯ 1974: 484—487] можно предположить, что по сравнению с *oda* ‘комната’ *göz* имело более широкое значение — ‘помещение’. Для современного ТЯ в [TDK] у *oda* указываются значения, связанные с домом, однако среди устойчивых словосочетаний есть несколько примеров современных наименований нежилых помещений: *soyunma odası* ‘раздевалка’, *basınç odası* ‘декомпрессионная камера’, *bekleme odası* ‘комната ожидания’. Также *oda orkestrası* ‘камерный оркестр’. Приводимые в [ЭСТЯ 1974: 485] для тур. *oda* значения ‘бюро, учреждение, палата’ касаются не помещений как таковых, а названий организаций, например *Ticaret odası* ‘торговая палата’. Все употребления такого рода, вероятно, являются результатами языковой реформы, направленной на очищение ТЯ от заимствований, которая часто сопровождается частичными сдвигами в семантике лексем.

В отношении четырёх последних значений *göz* необходимо отметить следующее. Хотя, как указывается в [Grässler 2017: 239], представление о глазе как о «резервуаре, ёмкости» (*container*) зафиксировано в разных языках средиземноморского региона, сложность строения глаза и функций его частей стали понятны только на достаточно продвинутом этапе развития анатомических знаний, и наличие отверстия в его середине вряд ли могло отразиться во фразеологии. Следует также учитывать, что в соответствии с отдельными древними мифологическими воззрениями этот «резервуар» не считался «пустым», а был заполнен слезами (у человека) или елеем (у богов) [ibid.: 73, 100, 103]. Кроме того, в этих четырёх рассмотренных значениях *göz* речь может идти о достаточно крупных проёмах или углублениях, и — во всех четырёх случаях — жёстких (ригидных) с точки зрения формы.

В связи с этим обнаруживается заслуживающая внимания параллель с якутским языком: «в понимании якутов, глаза представляются как углубление, наполненное водой» [Николаева, Павлова 2023: 100].

Всё сказанное позволяет предположить, что в основе соответствующих представлений лежит не форма самого глаза, а форма глазницы (термин — *göz çukur-u* ‘г. углубление-POSS3’) — парной полости в черепе, в которой расположено глазное яблоко и имеется сквозное отверстие для канала глазного нерва.

⁴ На интернет-сайтах встречается также с глаголом *sür-* ‘тянуть, тащить’ — по аналогии с указанием способа нанесения других косметических средств (румян, теней и т. п.), однако такое употребление, по-видимому, является отступлением от нормы.

GÖZ 'ПОЧКА'

В [TDK] отмечается, что в диалектах *göz* может именовать почку на виноградной лозе, из которой появляются листья и побеги. Также в значении 'почка' оно употребляется в качестве термина при описании способа прививки глазком (окулировки). Глазок представляет собой кусочек коры растения-донора (привоя), имеющий вытянутую форму вследствие срезания вдоль круглой в сечении ветки, с почкой посередине, внешне напоминающий глаз.

Использования *göz* в указанных в [TDK] значениях 'головка' (*çiban-in göz-ü* (чирей-GEN г.-POSS3) 'головка чирея') и 'клетка шахматной доски' не обнаружено в [TUD], в интернет-источниках и в диалектном словаре [TDK]. Вместо них стандартны *çiban baş-ı* (чирей голова-POSS3) и *hane* соответственно (от перс. *hāne* 'дом, здание, помещение', а также 'клетка (в том числе о шахматной доске), квадрат, ячейка' [TDK]; по-видимому, под влиянием *hane y göz* 'помещение' → 'клетка шахматной доски').

GÖZ 'ИСТОЧНИК, РОДНИК', синонимы *pınar, kaynak*

Данное значение в целом «наблюдается в зоне иранского культурного влияния» [СИГТЯ 2001: 209]. В [TUD] употребления *göz* в этом значении не обнаружено; ряд значений *göz*, связанных с водой, зафиксирован в значительном числе диалектов ТЯ: 'источник, родник', 'колодец', 'глубокое болото', 'водоворот' [TDK]. Такое разнообразие трудно связать исключительно с иноязычным влиянием. Вероятно, представления, способствовавшие развитию полисемии *göz* в направлении «обособленный водный объект», присутствовали в языковой картине мира самих турок или даже тюрок: «Озера, озерный омут якуты часто ассоциируют с глазом <...>. В якутских загадках *hарах* "глаз" часто загадывается через озеро, прорубь...» [Николаева, Павлова 2023: 101].

Выводы

Турецкие фразеологизмы с лексемой *göz* демонстрируют совмещение тюркских и, возможно, заимствованных из контактных культур представлений о виртуальных функциях глаза.

1. В значительном количестве фразеологизмов, в основном глагольных, с *göz* 'взгляд', 'поле зрения', 'точка зрения', а также 'сглаз' переосмысливается динамический процесс, связанный со способностью человека направлять свой взгляд на различные объекты или части окружающего пространства, задерживаться или не задерживаться на них, выражая за счёт этого отношение человека к ним. Таким образом, за *göz* закрепляется ряд функций, не свойственных ему как органу, а относящихся к сфере мыслительных способностей человека, его сознанию.

2. Ещё большая степень самостоятельности приписывается глазу в именных — т. е. указывающих не на динамику, а на стабильный признак — фразеологизмах, где состояние этого органа символизирует характер, сущность человека. Данный семантический переход может считаться признанием высшей степени автономности органа или части тела человека, однако калькированность соответствующей модели фразеологизмов указывает на не-исконность такого представления о виртуальной сущности глаз.

3. Группа значений *göz*, выражающих некое вместилище, сохраняющее свою форму за счёт твёрдых стен/стенок, скорее всего, связана с переосмыслением формы не самого глаза, а глазницы. Кроме того, отверстие, расположенное в центре глазницы, могло лечь в основу значения 'отверстие, проход' и диалектных значений, связанных с источниками воды — проёмом в твёрдом основании, камне, земле, а также вполне совпало с заимствованиями из персидского с контаминацией *çeşm* и *çeşme*. Именно с тем, что переосмыслению стандартно подвергается углубление в черепе — глазница, а не специфическая вытянутая форма самого глаза, связана низкая частотность значений *göz* 'почка', 'головка'.

Сокращения

1 — 1-е лицо

2 — 2-е лицо

3 — 3-е лицо

г. — глаз

ABİL — модальность возможности

ABL — отложительный падеж (аблатив)

ACC — винительный падеж (аккузатив)

AOR — аорист (настоящее-будущее время)

AUX — вспомогательный глагол

INS — инструментальный падеж (инструментатив)

LOC — местный падеж (локатив)

NEG — отрицание

NEG.A — негативная форма аориста

NMLZ — имя действия

PASS — пассивный залог (пассив)

PL — множественное число

POSS — посессивный показатель

PRS — настоящее время

CAUS — понудительный залог

DAT — дательный падеж (датель)

DOER — показатель деятеля

EXS — показатель, указывающий на наличие признака

FUT — будущее время

GEN — родительный падеж (генитив)

IND — изъявительное наклонение

PST — прошедшее время

Q — вопросительная частица

REFL — возвратный залог

SAF — показатель субстантивно-адъективной отглагольной формы

SG — единственное число

Литература

Акматалиева, Найманова 2024 — *Н. Акматалиева, Ч. К. Найманова*. Символические признаки концепта «глаз» в английской языковой картине мира // *Bulletin of Science and Practice*. 2024, 10 (7). С. 562—568.

Воробьева 2015 — *Л. Б. Воробьева*. Национально-культурная специфика фразеологизмов с компонентом *глаз* в русском и литовском языках // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2015. Вып. 1. С. 145—148.

Герасимова 2009 — *Д. А. Герасимова*. Концепт Eyes в английской языковой картине мира. Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2009.

ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969.

Дуплякина 2017 — *А. В. Дуплякина*. Концепт «глаза» в русской лингвокультуре // *Белгородский диалог* — 2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: Сборник материалов IX Международного молодежного научного форума, г. Белгород, 19—21 апреля 2017 г. / Отв. ред. И. И. Чумак-Жунь. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. С. 408—411.

Левитская, Дыбо 1997 — *Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы 'К', 'Қ' / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадина. М.: Языки русской культуры, 1997.*

Моради 2024 — *М. Моради*. Фразеологизмы семантического поля «органы тела человека» в персидском языке и способы их перевода на русский язык // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2024, 1 (483). С. 12—21.

Напольнова 2022 — *Е. М. Напольнова*. Пространственные и временные отношения в лексической семантике современного турецкого языка. Дис. ... докт. филол. наук. М., 2022.

Напольнова 2026 — *Е. М. Напольнова*. Турецкая лексема *göz* в первичном значении «орган зрения» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика* (в печати).

Николаева, Павлова 2023 — *А. М. Николаева, И. П. Павлова*. Объективация концепта ХАРАХ «глаза, зрение» в якутской языковой картине мира // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2023, 4 (45). С. 95—107.

ПРС — Персидско-русский словарь / Ред. Ю. А. Рубинчик. Т. 1—2. М.: Русский язык, 1985.

Плунгян 1991 — *В. А. Плунгян*. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон). Логический анализ языка: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 155—160.

Подсёвалова 2009 — *Н. О. Подсёвалова*. Концепт «Глаза» в английской концептосфере // *Известия ВГПУ*. 2009, 5 (39). С. 158—162.

Расторгуева, Эдельман 2003 — *В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М.: Восточная литература, 2003.

Севортян 1974 — *Э. В. Севортян*. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.

Севортян 1980 — *Э. В. Севортян*. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». М.: Наука, 1980.

СИГТЯ 2001 — *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов. М.: Наука, 2001.*

Телия 1996 — *В. Н. Телия*. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Чертыкова 2019 — *М. Д. Чертыкова*. Хакасская лексема *харах* «глаз; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2019, 5 (4). С. 140—151.

Шокиров 2017 — *Ш. И. Шокиров*. Лингвопрагматическая и когнитивная интерпретация концепта «глаз» в языках различных систем // *Филологические науки в России и за рубежом: Материалы V Международной научной конференции* (г. Санкт-Петербург, декабрь 2017 г.). СПб.: Своё изд-во, 2017. С. 55—59.

Якимова 2006 — *Н. И. Якимова*. Фразеологизмы с компонентом *куç / куз / куз / göz* «глаза» в чувашском, татарском, башкирском и турецком языках // *Вестник Чувашского университета*. 2006, 7. С. 160—166.

- Ясинская 2015 — М. В. Ясинская. Представления о глазах и зрении в языке и традиционной культуре славян. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
- ATD — Arabic Terms Dictionary. <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/نظر> (дата обращения: 09.01.2026).
- Baş 2016 — M. Baş. Türkçede Göz Sözcüğünün Deyimler Aracılığıyla Kavramsallaştırılması // Dilbilim Araştırmaları Dergisi. 2016, 2. P.17—37.
- Fikriyat — <https://www.fikriyat.com/galeri/edebiyat/iskender-palanin-dilinden-deyimlerin-hikayeleri/11> (дата обращения: 15.10.2025).
- Grässler 2017 — N. Grässler. Konzepte des Auges im alten Agypten. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2017.
- Sarybaeva 2022 — K. K. Sarybaeva. The concept “eye” in phraseological units of Kyrgyz linguistic picture of the world // Вестник КНУ. 2022, 1 (109). С. 84—91.
- TDK — Türk Dil Kurumu sözlükleri. <https://tdk.gov.tr> (дата обращения: 10.12.2025).
- TUD — Türkçe Ulusal Derlemi. Корпус турецкого языка. <https://v3.tnc.org.tr> (дата обращения: 14.12.2025).

References

- Akmatalieva, Naimanova 2024 — N. Akmatalieva, Ch. K. Naimanova. Simvolicheskie priznaki kontsepta “glaz” v angliiskoi yazykovoi kartine mira. In: Bulletin of Science and Practice. 2024, 10 (7). S. 562—568. {N. Akmatalieva, Ch. K. Naimanova. Symbolic features of the concept “eye” in the English language worldview. In: Bulletin of Science and Practice. 2024, 10 (7). P. 562—568.}
- ATD — Arabic Terms Dictionary. In: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/نظر> (accessed at: 09.01.2026).
- Baş 2016 — M. Baş. Türkçede Göz Sözcüğünün Deyimler Aracılığıyla Kavramsallaştırılması. In: Dilbilim Araştırmaları Dergisi. 2016, 2. P. 17—37.
- Chertykova 2019 — M. D. Chertykova. Khakasskaya leksema kharakh ‘glaz; glaza’ kak oposreduyushchee zveno mezhdu telesnoi i dukhovnoi prirodoy cheloveka. In: Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2019, 5 (4). S. 140—151. {M. D. Chertykova. Khakas lexeme harakh ‘eye; eyes’ as a mediator between the personal and spiritual nature of a human. In: Theoretical and applied linguistics. 2019, 5 (4). P. 140—151.}
- DTS 1969 — Drevnetyurkskii slovar' / Red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, Eh. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Moskva; Leningrad: Nauka, 1969. {Old Turkic dictionary / V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, Eh. R. Tenishev, A. M. Shcherbak (eds.). Moscow; Leningrad: Nauka, 1969.}
- Duplyakina 2017 — A. V. Duplyakina. Kontsept “glaza” v russkoi lingvokul'ture. In: Belgorodskii dialog — 2017. Problemy filologii, vseobshchei i otechestvennoi istorii: Sbornik materialov IX Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma, g. Belgorod, 19—21 aprelya 2017 g. Belgorod: ID “Belgorod” NIU “BelGU”, 2017. S. 408—411. {A. V. Duplyakina. The concept “eyes” in Russian linguistic culture. In: Belgorod Dialogue 2017. Problems of Philology, General and National History: Collection of Materials of the IX International Youth Scientific Forum, Belgorod, April 19—21, 2017. Belgorod: Belgorod Publishing House, BelGU, 2017. P. 408—411.}
- Fikriyat — <https://www.fikriyat.com/galeri/edebiyat/iskender-palanin-dilinden-deyimlerin-hikayeleri/11> (accessed at: 15.10.2025).
- Gerasimova 2009 — D. A. Gerasimova. Kontsept Eyes v angliiskoi yazykovoi kartine mira. Dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2009. {D. A. Gerasimova. The concept Eyes in English language worldview. PhD diss. Irkutsk, 2009.}
- Grässler 2017 — N. Grässler. Konzepte des Auges im alten Agypten. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2017.
- Levitskaya, Dybo 1997 — Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy ‘K’, ‘K’ / L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 1997. {Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters ‘K’, ‘K’ / L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1997.}
- Moradi 2024 — M. Moradi. Frazеologizmy semanticheskogo polya “organy tela cheloveka” v persidskom yazyke i sposoby ikh perevoda na russkii yazyk. In: Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024, 1 (483). S. 12—21. {M. Moradi. The study of phraseological units of the semantic field “organs of the human body” in Persian and ways of their translation into Russian. In: Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024, 1 (483). P. 12—21.}
- Napol'nova 2022 — E. M. Napol'nova. Prostranstvennye i vremennye otnosheniya v leksicheskoi semantike sovremennogo turetskogo yazyka. Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2022. {E. M. Napol'nova. Spatial and temporal relations in the lexical semantics of modern Turkish. PhD thesis. Moscow, 2022.}
- Napol'nova 2026 — E. M. Napol'nova. Turetskaya leksema göz v pervichnom znachenii ‘organ zreniya’. In: Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika (v pechati). {E. M. Napol'nova. The Turkish lexeme göz in its primary meaning ‘organ of vision’. In: Bulletin of Saint Petersburg University. Oriental and African Studies (in print).}
- Nikolaeva, Pavlova 2023 — A. M. Nikolaeva, I. P. Pavlova. Ob'ektivatsiya kontsepta KHARAKH “glaza, zrenie” v yakutskoi yazykovoi kartine mira. In: Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2023, 4 (45). S. 95—107. {A. M. Niko-

laeva, I. P. Pavlova. Metaphorical objectification of the KHARAKH concept “eyes, eyesight” in the Yakut linguistic worldview. In: North-Eastern Journal of Humanities. 2023, 4 (45). P. 95—107.}

Plungyan 1991 — V. A. Plungyan. K opisaniyu afrikanskoi “naivnoi kartiny mira” (lokalizatsiya oshchushchenii i ponimanie v yazyke dogon). In: Logicheskii analiz yazyka: Kul'turnye kontsepty. Moskva: Nauka, 1991. S. 155—160. {V. A. Plungyan. For the description of the African “naive picture of the world” (localization of sensations and understanding in the Dogon language). In: Logical analysis of language: Cultural concepts. Moscow: Nauka, 1991. P. 155—160.}

Podsevalova 2009 — N. O. Podsevalova. Kontsept “Glaza” v angliiskoi kontseptosfere. In: Izvestiya VGPU. 2009, 5 (39). S. 158—162. {N. O. Podsevalova. The concept of “Eyes” in the English conceptsphere. In: News of VGPU. 2009, 5 (39). P. 158—162.}

PRS — Persidsko-russkii slovar' / Red. Yu. A. Rubinchik. T. 1—2. Moskva: Russkii yazyk, 1985. {Persian-Russian dictionary / Yu. A. Rubinchik (ed.). Vol. 1—2. Moscow: Russkii yazyk, 1985.}

Rastorgueva, Ehdelman 2003 — V. S. Rastorgueva, D. I. Ehdel'man. Ehtimologicheskii slovar' iranskikh yazykov. T. 2. Moskva: Vostochnaya literatura, 2003. {V. S. Rastorgueva, D. I. Edelman. Etymological Dictionary of Iranian Languages. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003.}

Sarybaeva 2022 — K. K. Sarybaeva. The concept “eye” in phraseological units of Kyrgyz linguistic picture of the world. In: Vestnik KNU. 2022, 1 (109). S. 84—91.

Sevortyan 1974 — Eh. V. Sevortyan Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye. Moskva: Nauka, 1974. {E. V. Sevortian. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with vowels. Moscow: Nauka, 1974.}

Sevortyan 1980 — Eh. V. Sevortyan. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “V”, “G” i “D”. Moskva: Nauka, 1980. {E. V. Sevortyan. Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and Interturkic stems starting with letters “V”, “G” and “D”. Moscow: Nauka, 1980.}

Shokirov 2017 — Sh. I. Shokirov. Lingvopragmaticheskaya i kognitivnaya interpretatsiya kontsepta “glaz” v yazykakh razlichnykh system. In: Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: Materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2017 g.). Sankt-Peterburg: Svoe izdatel'stvo, 2017. S. 55—59. {Sh. I. Shokirov. Lingvopragmatic and cognitive interpretation of the concept “eye” in languages of different systems. In: Philological Sciences in Russia and Abroad: Proc. of the 5th International Scientific Conference. (Saint Petersburg, December 2017). Saint Petersburg: Svoe izdatel'stvo, 2017. P. 55—59.}

SIGTYa 2001 — Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika / Eh. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov. Moskva: Nauka, 2001. {Comparative and historical grammar of Turkic languages. Vocabulary / E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov (eds.). Moscow: Nauka, 2001.}

TDK — Türk Dil Kurumu sözlükleri. <https://tdk.gov.tr> (accessed at: 10.12.2025).

Teliya 1996 — V. N. Teliya. Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty. Moskva: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, 1996. {V. N. Teliya. Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguacultural aspects. Moscow: Shkola “Yazyki russkoi kul'tury”, 1996.}

TUD — Türkçe Ulusal Derlemi. <https://v3.tnc.org.tr/> (accessed at: 14.12.2025).

Vorob'eva 2015 — L. B. Vorob'eva. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika frazeologizmov s komponentom *glaz* v russkom i litovskom yazykakh. In: Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki. 2015, 1. S. 145—148. {L. B. Vorobyeva. National-cultural specificity of somatizm *eye* in Russian and Lithuanian phraseological units. In: Vestnik of Pskov State University. Series: Social-Humanitarian Sciences. 2015, 1. P. 145—148.}

Yakimova 2006 — N. I. Yakimova. Frazeologizmy s komponentom kus / kuz / kuз / göz “glaza” v chuvashskom, tatarskom, bashkirskom i turetskom yazykakh. In: Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2006, 7. S. 160—166. {N. I. Yakimova. Phraseologisms with the component kus/kuz/kuз/göz “eyes” in the Chuvash, Tatar, Bashkir and Turkish languages. In: Bulletin of the Chuvash University. 2006, 7. P. 160—166.}

Yasinskaya 2015 — M. V. Yasinskaya. Predstavleniya o glazakh i zrenii v yazyke i traditsionnoi kul'ture slavyan. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2015. {M. V. Yasinskaya. Concepts of eyes and vision in the language and traditional culture of the Slavs. PhD diss. Moscow, 2015.}

**Ударение и его возможное влияние на развитие гласных первого слога
в словаре «Tatarica Casanensium» Иоганна Эберхарда Фишера (1768)**

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН,
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); julianor@mail.ru
Нуриева Фануза Шакуровна, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); fanuzanurieva@yandex.ru
Галиуллина Гульшат Раисовна, Казанский (Приволжский) федеральный университет; caliullina@list.ru
Юсупов Айрат Фаикович, Казанский (Приволжский) федеральный университет; faikovich@mail.ru

В статье рассматривается система ударения в казанском словнике словаря Й. Э. Фишера «Tatarica casanensium» (1768) в сопоставлении с ударением в татарском словнике Г. Ф. Миллера и мишарском словаре епископа Дамаскина, а также ее возможное влияние на развитие гласных первого слога в татарском языке XVIII в. Впервые показано, что в трех словарях зафиксировано разноместное ударение, не характерное для современного татарского языка, причем ударение систематически отмечается не только на последнем, но и на первом слоге в непроемной исконно тюркской лексике. Оказалось, что в большинстве случаев место ударения в казанском татарском и мишарском совпадает, но есть ряд позиций, где оно различается. Далее с использованием инструментов лингвистической платформы LingvoDoc проведен сопоставительный анализ данных словаря Фишера с материалами современного татарского литературного языка и пратюркской реконструкцией. Установлено, что в некоторых позициях сохранение или изменение пратюркских гласных первого слога коррелирует с местом ударения: в ударной позиции чаще сохраняются пратюркские вокалические характеристики, тогда как в безударной наблюдаются регулярные фонетические переломы. Показано, что процесс поволжского перелома (**o* > *u*, **e* > *i*), как правило, реализуется именно в безударной позиции. Полученные результаты свидетельствуют о неслучайном характере фиксации ударения у Фишера и позволяют рассматривать его словарь как важный источник для реконструкции фонетических процессов в татарском языке XVIII в.

Ключевые слова: лингвистическая платформа, LingvoDoc, Й. Э. Фишер, Г. Ф. Миллер, ударение, фонетика, словарь, диалект, татарский язык

**STRESS AND ITS POSSIBLE INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF FIRST-SYLLABLE VOWELS
IN THE DICTIONARY TATARICA CASANENSIIUM BY JOHANN EBERHARD FISCHER (1768)**

Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the RAS, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); julianor@mail.ru
Fanuza Sh. Nurieva, Kazan (Volga Region) Federal University,
Ivannikov Institute of System Programming of the RAS (Moscow); fanuzanurieva@yandex.ru
Gulshat R. Galiullina, Kazan (Volga Region) Federal University; caliullina@list.ru
Ayrat F. Yusupov, Kazan (Volga Region) Federal University; faikovich@mail.ru

The article examines the stress system in the Kazan word list of the dictionary *Tatarica casanensium* (1768) by Johann Eberhard Fischer in comparison with the stress patterns found in the Tatar word list of Gerhard Friedrich Müller and in the Mishar dictionary of Bishop Damaskin, as well as its possible influence on the development of first-syllable vowels in the 18th-century Tatar language. For the first time, it is demonstrated that all three dictionaries record variable stress placement not characteristic of modern Tatar, with stress systematically marked not only on the final but also on the first syllable in non-derived native Turkic vocabulary. In most cases, the stress position in Kazan Tatar and Mishar coincides, though there are a number of positions where it differs. Using the tools of the linguistic platform LingvoDoc, a comparative analysis was conducted between Fischer's dictionary data and materials from modern Standard Tatar and Proto-Turkic reconstruction. It was established that in a number of environments the preservation or change of Proto-Turkic first-syllable vowels correlates with stress placement: Proto-Turkic vocalic features are more often preserved in stressed position, whereas regular phonetic shifts occur in unstressed position. It is shown that the Volga vowel shift (**o* > *u*, **e* > *i*) is realized in most cases precisely in unstressed position. The results indicate that Fischer's marking of stress is systematic rather than accidental and allow his dictionary to be regarded as an important source for reconstructing phonetic processes in the 18th-century Tatar language.

Keywords: linguistic platform, LingvoDoc, Johann Eberhard Fischer, Gerhard Friedrich Müller, Bishop Damaskin, stress, phonetics, dictionary, dialect, Tatar language

Работа выполнена за счет 1) предоставленного в 2025 г. Фондом науки и технологий Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и поисковых исследований в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан (роспись материала) и 2) проекта FMNE-2025-0003, поддержанного Министерством образования и науки РФ (анализ материала). Результаты получены на базе Центра коллективного пользования Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН — ЦКП ИСП РАН.

0. Введение

Изучение истории татарского языка имеет давнюю традицию. Исследование ранних татарских арабографических памятников занимает важное место в отечественной тюркологии, поскольку именно на материале текстов XIV—XV вв. фиксируются первые устойчивые образцы старотатарского письменного языка и закладываются основы его дальнейшего развития. Но в арабской графике зачастую не отражены все особенности реального произношения татарского языка, поэтому в последние годы наше внимание привлекли первые кириллические словари татарского языка.

В XVIII в. был опубликован труд «Сравнительные словари всех языков и наречий...» (лат. «Linguarum totius orbis vocabularia comparativa»), подготовленный под руководством Петра Симона Палласа [Паллас 1787—1789]. Этот словарь содержит сведения о большом числе языков и обширный лексический материал по двадцати тюркским наречиям и диалектам, а также по другим языкам и говорам. Ряд татарских лексем был впервые зафиксирован именно в этом издании. Лингвистические данные, представленные у П. С. Палласа, не утратили своей научной ценности и сегодня.

В последние годы нами были исследованы рукописные словари по татарскому языку, ранее не введенные в научный оборот. Особый интерес в этом отношении представляет словарь Г. Ф. Миллера «Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков: с показанием их жительства, политического учреждения...» (СПб., 1756, 1759, 1791), см. [Miller 1759]. В него включены материалы академической экспедиции, организованной с целью всестороннего изучения территорий и языков Российского государства. В состав этой экспедиции входил также Иоганн Эберхард Фишер.

Иоганн Эберхард Фишер (1697, Эслинген, Германия — 1771, Санкт-Петербург) прибыл в Россию в 1730 г., уже имея ученую степень магистра. В Санкт-Петербургской академической гимназии он сначала занимал должность проректора, а два года спустя — ректора, с правом участия в академических собраниях. В 1739—1747 гг. И. Э. Фишер предпринял поездку в Сибирь, где собрал значительное количество языковых материалов, часть из которых была включена в его последующие работы (см. подробнее [Половцов 2024]). Рукопись «Сибирского словаря» И. Э. Фишера передал в дар библиотеке Гёттингена. Собранный лексика (объемом четыре листа и 143 страницы формата 31 × 20 см) позднее была издана в монографиях [Dörfer 1965; Gulya 1995]. В словаре И. Э. Фишера (1768) содержится информация по семи тюркским языкам; в заголовках столбцов указаны их наименования: бухарский; татарский чулымский; татарский чатский; татарский казанский; татарский тобольский; татарский кузнецкий; татарский качинский (см. фрагмент этого словаря на рис. 1).

Fischer (vor 1725?)

8	Latine	Chalmyceire	Bucharice	Tatarum q. Segunt S. Chum et T. Chum	Tatarum T. Chum et T. Chum
757	puer	757) K'abün	balah oqul balah	balah oqul balah	757) K'abün
758	puella	758) K'abün	Kyly-balah bafin	Kyly-balah bafin	758) K'abün
759	dominus	759) noimenc	balah	balah	759) K'abün
760	seruus	760) bol	qol'am, bai	qol'am, bai	760) K'abün
761	anella	761) m'ichulai, K'itel-	K'ul	K'ul	761) K'abün
		m'ichulai	K'ul	K'ul	761) K'abün
80	caput	80) tologi	bafch	bafch	80) K'abün
81	capillus	81) u'uln	ischat'ich	ischat'ich	81) K'abün
82	pilus	82) noolun	ich	ich	82) K'abün
83	barba	83) fashal	fashal	fashal	83) K'abün
84	oculi	84) n'ulun	K'ul	K'ul	84) K'abün
85	auris	85) f'ichkin	K'ul	K'ul	85) K'abün
86	naſus	86) chatat	butun	butun	86) K'abün
87	os	87) anan	agfu	agfu	87) K'abün
88	labia	88) utub	lech (labi) T'at'ich	lech (labi) T'at'ich	88) K'abün

Fischer (vor 1725?)

Tatarorum Casanensium	Moruanice	Самоедская Мордовия	Чуваш	Hungarice
35) dſcher	35) mofa	35) я	35) miza	35) föld
36) ita	36) mofa (mofa)	36) mofa (mofa)	36) miza	36) hegy (mofa)
37) K'f-ata	37) mofa (mofa)	37) mofa (mofa)	37) miza	37) mofa (mofa)
38) bafu	38) mofa (mofa)	38) mofa (mofa)	38) miza	38) mofa (mofa)
39) kurr	39) mofa (mofa)	39) mofa (mofa)	39) miza	39) mofa (mofa)
40) ſchekel	40) mofa (mofa)	40) mofa (mofa)	40) miza	40) mofa (mofa)
41) urman	41) mofa (mofa)	41) mofa (mofa)	41) miza	41) mofa (mofa)
42) agaf	42) mofa (mofa)	42) mofa (mofa)	42) miza	42) mofa (mofa)
43) etaa	43) mofa (mofa)	43) mofa (mofa)	43) miza	43) mofa (mofa)
44) ſengitſſig	44) mofa (mofa)	44) mofa (mofa)	44) miza	44) mofa (mofa)
45) kul	45) mofa (mofa)	45) mofa (mofa)	45) miza	45) mofa (mofa)
46) iſel, ſfu	46) mofa (mofa)	46) mofa (mofa)	46) miza	46) mofa (mofa)

Рис. 1. Фрагмент словаря татарского языка И. Э. Фишера «Tatarorum Casanensium» (1768)

Материалы Й. Э. Фишера ценны также тем, что в заголовках словников указаны регионы, в которых были собраны данные. В каждом столбце зафиксировано по 317 лексем. Г. Дёрфер, опубликовавший рукопись словаря Й. Э. Фишера в своем труде, высказывает предположение о коллективном характере работы над словарем. По его мнению, первоначально Г. Ф. Миллером был разработан метод анкетирования для сбора языковых материалов и предложен список слов в качестве модели для лингвистических полевых записей. В дальнейшем этот массив был переработан и дополнен Й. Э. Фишером [Dörfer 1965: 11—12].

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что словарь Й. Э. Фишера является важным источником сведений по истории и, в частности, по исторической диалектологии татарского языка. Особую ценность представляет указание в словаре мест записи языкового материала, в том числе «Tatarorum Casanensium» («татарский казанский») [ibid.: 72—91].

Следует отметить, что этот словник по казанскому татарскому языку был опубликован также Г. Ф. Миллером в 1759 г. в [Miller 1759]. В статье Э. Винклера (см. [Винклер 2004]) автор приходит к выводу, что казанские татарские материалы были изначально собраны Г. Ф. Миллером и затем просто переписаны Й. Э. Фишером. Однако некоторые исследователи, в частности Л. М. Ившин (см. [Ившин 2010]), считают, что словарные списки были собраны Й. Э. Фишером лично, поскольку они имеют ряд значимых отличий от списков Г. Ф. Миллера.

В 2010 г. Ю. В. Норманская провела тщательный сопоставительный анализ удмуртских списков Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера с целью выявления полного перечня различий, не опубликованного предшествующими исследователями. В результате было установлено, что в буквенной записи удмуртских слов в этих списках имеется 22 различия; некоторые из них носят системный характер. Однако наиболее интересным оказалось то, что в коми и удмуртском языках XVIII в. ударение совпадало с современным коми-язьвинским.

При этом была обнаружена группа слов, в которых ударение в списке Миллера отсутствовало, тогда как в списке Фишера оно фиксировалось — причем в точном соответствии с современным коми-язьвинским языком (см. подробнее [Норманская 2010]). Оказалось, что и в случае татарского словаря в монографии Г. Ф. Миллера значительно меньше слов имеют помету об ударении, в то время как в записях Й. Э. Фишера такие пометы присутствуют у большинства двусложных слов. Поэтому для настоящего исследования мы остановились именно на этом списке.

В рамках настоящей работы были обработаны и транскрибированы лексемы словника «Tatarorum Casanensium», а также с использованием инструментария платформы LingvoDoc, в частности программы «Анализ когнатов», выполнен сравнительный анализ с данными современного татарского литературного языка. Этот инструмент осуществляет сопоставление материала по ряду параметров: начальный гласный, начальный согласный, гласный первого слога, согласный после гласного первого слога, гласный второго слога. В результате формируются надежные и сомнительные ряды соответствий, которые представляются в виде таблиц со списками обнаруженных корреляций. На основе полученных рядов описываются рефлексии гласных и согласных в словнике Й. Э. Фишера и в современном татарском языке.

Сопоставление исторических материалов с современными данными позволяет выявить как архаичные явления в истории татарского языка, так и датировать отдельные фонетические процессы, происходившие в XVIII в.

Все лексические единицы из словника Й. Э. Фишера «Tatarorum Casanensium» были загружены на LingvoDoc с сохранением графики источника¹. Следует отметить, что для транскрипции Й. Э. Фишер использовал латинские графемы.

Согласные графемы						Гласные графемы			
	m		n			i	î	ü	u
p	b	t	d	k	g	e		ö	o
		tʃch				a	ä		
	s	f	sch						
	v			ch	h				
	w			j					
		r							
		l							

Рис. 2. Графический анализ системы гласных и согласных

¹ См.: <https://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/10954/1/perspective/10954/2/view>.

1. Ударение

Как было сказано выше, одной из наиболее интересных особенностей казанской части словаря Й. Э. Фишера, которая не отмечалась ранее для других татарских словарей и книг, является наличие разноместного ударения. В словаре есть 182 слова, имеющие два и более слога, и в них проставлено ударение. Из них в 97 словоформах ударение зафиксировано на последнем слоге, а в 85 случаях — не на последнем слоге. Представляется, что на постановку ударения не на последнем слоге влияли разные факторы. Рассмотрим их последовательно для 1) глаголов со словоизменительными аффиксами, 2) числительных, 3) слов с застывшими падежными и наречными аффиксами, 4) словоформ со словообразовательными аффиксами, 5) начальных форм непроизводных слов, 6) заимствований.

1.1. Глаголы со словоизменительными аффиксами, место ударения совпадает с современным литературным татарским языком

Татарский, Й. Э. Фишер	Значение
<i>aŋchásfe</i>	‘есть’
<i>dŋchatáman</i>	‘лежу’
<i>dŋchuklamáman</i>	‘не сплю’
<i>dŋchuklásfe</i>	‘спать’
<i>dŋchuklíman</i>	‘сплю’
<i>dŋchuríman</i>	‘иду, хожу’
<i>büs olturábes</i>	‘сидим мы’
<i>allar olturáder</i>	‘сидят они’
<i>olturámen / olturáman</i>	‘сиджу я’
<i>ŋin olturásŋan</i>	‘сидишь ты’
<i>ol olturáder</i>	‘сидит он’
<i>büs turábes</i>	‘стоим мы’
<i>ol turáder</i>	‘стоит он’
<i>allâr turáder</i>	‘стоят они’
<i>men turáman</i>	‘стою я’
<i>ŋin túrasan</i>	‘стоишь ты’
<i>iŋjásfe</i>	‘пить’
<i>jaŋjásfe</i>	‘писать’
<i>kurmíman</i>	‘не вижу’
<i>kuljáman</i>	‘смеюсь, хохочу’
<i>dŋchíllimen</i>	‘плачу’
<i>kuijámen</i>	‘жажду’
<i>dschuríman</i>	‘езжу, еду’
<i>suileŋchásfe</i>	‘говорить’

Ударение на последнем слоге в словаре отмечено только для двух неначальных форм глаголов во 2-м лице множественного числа: *ŋis olturásŋis* ‘сидите вы’, *ŋis turásŋis* ‘стоите вы’. Это связано с тем, что в соответствующем аффиксе (лит. тат. -сыз) отсутствует гласный, а ударение в памятнике, так же как и в литературном языке, падает на последний слог основы.

1.2. Числительные

Литературный татарский	Татарский, Й. Э. Фишер	Значение
<i>алты</i>	<i>álta</i>	‘шесть’
<i>алтмыш</i>	<i>áltmysch</i>	‘шестьдесят’
<i>егерме</i>	<i>dfchiggermi</i>	‘двадцать’
<i>егерме бер</i>	<i>dfchiggermi-bärr</i>	‘двадцать один’
<i>ике</i>	<i>ika</i>	‘два, две, два’
<i>илле</i>	<i>illi</i>	‘пятьдесят’
<i>унике</i>	<i>on-ika</i>	‘двенадцать’
<i>сиксән</i>	<i>fégfan</i>	‘восемьдесят’
<i>сигез</i>	<i>fégüs</i>	‘восемь’
<i>туксан</i>	<i>tógfan</i>	‘девяносто’
<i>тугыз</i>	<i>tógus</i>	‘девять’
<i>өченче көн</i>	<i>usfünfchakun</i>	‘третьего дня’

Числительных с ударением на последнем слоге в казанском словаре Й. Э. Фишера не зафиксировано.

1.3. Слова с застывшими падежными, глагольными и наречными аффиксами в татарском языке

Литературный татарский	Татарский, Й. Э. Фишер	Значение
<i>таң-да</i> ‘утром, на рассвете’	<i>tánde</i>	‘завтра’
<i>эл-гәре</i>	<i>illgäre</i>	‘перед собой’
<i>бер-се-көн-гә</i>	<i>bérsakun</i>	‘послезавтра’
<i>кир-е</i>	<i>kére</i>	‘за собой’

1.4. Заимствования

Литературный татарский	Татарский, Й. Э. Фишер	Значение
<i>дүшәмбе</i>	<i>díchánbe</i>	‘понедельник’
<i>шимбә</i>	<i>šcánba</i>	‘суббота’
	<i>achánbe</i>	‘воскресенье’
<i>сишәмбе</i>	<i>sefchánbe</i>	‘вторник’
<i>чишмә</i>	<i>tfchifchma</i>	‘источник, ключ’

1.5. Исконная тюркская лексика

Наиболее интересную группу составляет тюркская лексика без словоизменительных аффиксов, где иногда фиксируется ударение на первом слоге; ниже приводятся примеры слов с пратюркской этимологией по [EDAL 2003]; реконструкция тюркских праформ в ряде случаев уточнена по сравнению с [EDAL 2003] по рекомендациям А. В. Дыбо. Учитывая значимость этой группы, мы сочли необходимым сопоставить рассматриваемые лексемы с материалами еще двух татарских словарей, где отмечено разноместное ударение в непроемной исконной лексике: 1) упомянутого выше словаря Г. Ф. Миллера и 2) рукописи мишарского словаря, составленной в XVIII в. священником и студентами Нижегородской епархии под руководством епископа Дамаскина. Оригинал рукописи хранится в Санкт-Петербурге, в библиотеке Эрмитажа, и насчитывает 477 листов.

Сравнительный анализ систем ударения в этих трех словарях показал следующее. У Г. Ф. Миллера и Й. Э. Фишера место ударения, если оно указано, всегда совпадает. Вместе с тем отмечается значительное число словоформ, в которых ударение фиксируется только у Й. Э. Фишера, и сравнительно небольшое

количество лексем, где оно отмечено лишь в списке Г. Ф. Миллера. В словаре епископа Дамаскина ударение обозначено почти во всех словах, содержащих два и более слога. Поскольку этот словарь включает более 7500 лексем, он представляет собой исключительно ценный источник по мишарскому диалекту и его акцентной системе и требует дальнейшего специального исследования. В настоящей работе анализировались только те слова, в когнатах которых у Фишера или Миллера зафиксировано ударение. Установлено, что основное различие в распределении ударения между тремя источниками касается слов, чьи соответствия в современном татарском литературном языке содержат гласный *ы* во втором слоге.

Исходя из этого, были выделены четыре группы слов в зависимости от положения ударения в словаре Фишера и наличия гласного *ы* во втором слоге в современном татарском языке; их характеристика приводится ниже.

1.5.1. Слова с ударением на **первом** слоге в словаре Фишера и с *ы* во втором слоге в современном татарском языке

	Литературный татарский	Казанский татарский, Й. Э. Фишер	Значение	Казанский татарский, Г. Ф. Миллер	Мишарский татарский, еп. Дамаскин	Пратюркский
1.	<i>балчык</i>	<i>bältŋchik</i> ²	‘глина’	<i>bältŋchik</i>	<i>бáлчакъ</i>	<i>*bql-</i>
2.	<i>кашык</i>	<i>kášchuk</i>	‘ложка’	<i>kášchik</i>	<i>кáшекъ</i>	<i>*Káluk</i>
3.	<i>борын</i>	<i>búron</i>	‘нос’	<i>búron</i>	<i>брúнь</i>	<i>*burun (*burin)</i>
4.	<i>дуңгыз</i>	<i>dóngus</i>	‘свинья’	<i>dóngus</i>	<i>дóнгудъ</i>	<i>*doŋur</i>
5.	<i>жылы</i>	<i>dŋchila</i>	‘теплый’	<i>dŋchila</i>	<i>íла</i>	<i>*jili-g</i>
6.	<i>яңгыр</i>	<i>jángur</i>	‘дождь’	<i>jángur</i>	<i>янгаръ</i>	<i>*jag-mur</i>
7.	<i>койрык</i>	<i>kúiruk</i>	‘хвост’	<i>kúiruk</i>	<i>кыйрóкъ</i> ³	<i>*Kudruk</i>
8.	<i>коры</i>	<i>kúrru</i>	‘сухой’	<i>kurru</i>	<i>курó</i>	<i>*Küri-g</i>
9.	<i>сары</i>	<i>sŋara</i>	‘желтый’	<i>sŋara</i>	<i>сáра</i>	<i>*siārig</i>
10.	<i>тамыр</i>	<i>támar</i>	‘корень’	<i>támar</i>	<i>тáмаръ</i>	<i>*damor</i>
11.	<i>ачкыч</i>	<i>áŋkis</i>	‘ключ’	<i>askis</i>	<i>áчкась</i>	<i>*ač-kič</i>
12.	<i>утын</i>	<i>ótan</i>	‘дрова’	<i>ótan</i>	<i>úтан</i>	

В этой группе в трех словарях совпадает ударение (за исключением слова *кыйрóкъ* ‘хвост’ у еп. Дамаскина); оно всегда на корне.

1.5.2. Слова с ударением на **первом** слоге в словаре Фишера и **без** *ы* во втором слоге в современном татарском языке

	Литературный татарский	Казанский татарский, Й. Э. Фишер	Значение	Казанский татарский, Г. Ф. Миллер	Мишарский татарский, еп. Дамаскин	Пратюркский
1.	<i>аяк</i>	<i>áijak</i>	‘нога, ноги’	<i>aijak</i>	<i>аякъ</i>	<i>*adak</i>
2.	<i>арка</i>	<i>árka</i>	‘спина’	<i>arka</i>	<i>аркá</i>	<i>*ārka</i>
3.	<i>басу</i>	<i>básfu</i>	‘поле’	<i>báŋfu</i>	<i>басу</i>	<i>*bas-igu</i>
4.	<i>бүре</i>	<i>büre</i>	‘волк’	<i>büre</i>	<i>бурè</i>	<i>*börü</i>
5.	<i>баласы</i>	<i>bállas</i>	‘ребенок’ (про поросенка)	<i>bállas</i>	<i>балáсе</i>	<i>*bāla-sl</i>
6.	<i>жәя</i>	<i>dscháiä</i>	‘лук’	<i>dfchaia</i>	<i>гәя</i>	<i>*jā(j)</i>
7.	<i>итек</i>	<i>ítuk</i>	‘сапог’	<i>itak</i>	<i>итекъ</i>	<i>*ētük</i>

² В этой словоформе у Фишера и Миллера записано два ударения.

³ Здесь и далее в словаре еп. Дамаскина полужирным шрифтом отмечены словоформы, в которых место ударения отличается от Фишера и Миллера.

Литературный татарский	Казанский татарский, Й. Э. Фишер	Значение	Казанский татарский, Г. Ф. Миллер	Мишарский татарский, еп. Дамаскин	Пратюрковский
8. <i>йөзек</i>	<i>júsok</i>	‘кольцо, перстень’	<i>júffok</i>		* <i>jür-</i>
9. <i>кое</i>	<i>kúiu</i>	‘колодец’	<i>kúju</i>	<i>кью</i>	* <i>Kud-Vg</i>
10. <i>сеңлем</i>	<i>šinlem</i>	‘младшая сестра’	<i>šinlem</i>		* <i>sinil</i>
11. <i>тиен</i>	<i>tien</i>	‘белка’	<i>tien</i>		* <i>dEjiñ</i>
12. <i>тере</i>	<i>tírrä</i>	‘живой’	<i>tírrä</i>	<i>тпè</i>	* <i>díri-g</i>
13. <i>үгез</i>	<i>úggus</i>	‘бык’	<i>uggus</i>	<i>угюсь</i>	* <i>höküř</i>
14. <i>кугарчен</i>	<i>gogárt/chin</i>	‘голубь’	<i>gogárt/chin</i>	<i>кугарчинъ</i>	* <i>gōk-Ar-čIn</i>
15. <i>бүрек</i>	<i>büreč</i>	‘шапка’	<i>büreč</i>	<i>бүрюкъ</i>	* <i>bōrk</i>
16. <i>тимер</i>	<i>témir</i>	‘железо’	<i>témir</i>	<i>тимёръ</i>	* <i>demür</i>

Таких слов в словаре Фишера — 15, из них у Миллера ударение отмечено только в 7 лексемах, и оно совпадает с ударением у Фишера. Зато в словаре еп. Дамаскина в этой группе только в двух лексемах: *бүрюкъ* ‘шапка’ и *итекъ* ‘сапог’ — ударение совпадает со словарем Фишера, а во всех остальных случаях оно отличается (10 лексем) либо не проставлено (одна лексема). Можно предположить, что *-ы* во втором слоге и *-ек* удлинляли гласный в мишарском татарском, что обозначалось знаком акута.

1.5.3. Слова с ударением на **последнем** слоге в словаре Фишера и с *ы* во втором слоге в современном татарском языке

Литературный татарский	Казанский татарский, Й. Э. Фишер	Значение	Казанский татарский, Г. Ф. Миллер	Мишарский татарский, еп. Дамаскин	Пратюрковский
1. <i>балык</i>	<i>balik</i>	‘рыба’	<i>balik</i>	<i>балакъ</i>	* <i>bālik</i>
2. <i>йолдыз</i>	<i>jüldüs</i>	‘звезда’	<i>jüldüs</i>	<i>йодусъ</i> ‘звезда’, <i>дюдлудзла</i> ‘звездный’	* <i>jul-dur</i>
3. <i>кызыл</i>	<i>küsfill</i>	‘красный’	<i>küffill</i>	<i>кызыль</i>	* <i>Kir-</i>
4. <i>уылдык</i>	<i>wuldük</i>	‘икра’	<i>wuldük</i>		* <i>o(bi)l-duruk</i>
5. <i>хатын</i>	<i>katın</i>	‘жена’	<i>katın</i>	<i>хатанъ</i> ‘женщина’	
6. <i>сарык</i>	<i>saràk</i>	‘баран, овца’	<i>saràk</i>		
7. <i>солы</i>	<i>sfulù</i>	‘овес’	<i>sfulù</i>	<i>сулұ</i>	
8. <i>сарымсак</i>	<i>farmšak</i>	‘чеснок’	<i>farmšak</i>	<i>сарамсакъ</i>	
9. <i>бакыр</i>	<i>bakir</i>	‘медь (красная)’	<i>bakir</i>	<i>бакаръ</i>	* <i>bakir</i>

В этой группе из девяти лексем практически во всех словах, кроме одного, ударение в словарях Фишера и Миллера совпадает. В словаре еп. Дамаскина, напротив, в четырех лексемах оно падает на первый слог, в двух словах (*кызыль* ‘красный’ и *сарамсакъ* ‘чеснок’) — на последний, в остальных не отмечено. Для дополнительной проверки влияния *-ы* во втором слоге на перенос ударения в материалах еп. Дамаскина были также проанализированы двусложные слова, в которых у Фишера ударение не проставлено, но во втором слоге в современном татарском есть *-ы*.

Литературный татарский	Казанский татарский, Й. Э. Фишер	Значение	Казанский татарский, Г. Ф. Миллер	Мишарский татарский, еп. Дамаскин	Пратюрковский
10. <i>алтын</i>	<i>altin</i>	‘золото’	<i>altin</i>	<i>алтанъ</i>	
11. <i>арыш</i>	<i>aršč</i>	‘рожь’	<i>arřch</i>	<i>арашь</i>	

Как видно, в этих словах ударение также ставится на первом слоге у еп. Дамаскина.

1.5.4. Слова с ударением **не** на первом слоге в словаре Фишера и **без ы** во втором слоге в современном татарском языке

	Литературный татарский	Казанский татарский, Й. Э. Фишер	Значение	Казанский татарский, Г. Ф. Миллер	Мишарский татарский, еп. Дамаскин	Пратюркский
1.	<i>анам</i>	<i>annâm</i>	‘мать’	<i>annâ</i>	<i>aná</i>	* <i>ana</i>
2.	<i>арна</i>	<i>arpâh</i>	‘ячмень’	<i>arpâh</i>	<i>АРПА</i>	* <i>arpa</i>
3.	<i>ата</i>	<i>attâm</i>	‘отец’	<i>attâ</i>	<i>atâ</i>	* <i>Ata</i>
4.	<i>авыз</i>	<i>auûs</i>	‘рот’	<i>auûs</i>	<i>аузь</i>	* <i>Agir</i>
5.	<i>балта</i>	<i>baltâh</i>	‘топор’	<i>baltâh</i>	<i>балта</i>	* <i>baltu</i>
6.	<i>бармак</i>	<i>barmâk</i>	‘персть, палец’	<i>barmâk</i>	<i>барнакъ</i>	* <i>biarṇak</i>
7.	<i>болан</i>	<i>bulân</i>	‘лось’	<i>bulân</i>		* <i>bulan</i>
8.	<i>бозау</i>	<i>buḡaù</i>	‘теленки’	<i>buḡaù</i>	<i>бзавъ</i>	* <i>buṛa-gu</i>
9.	<i>йөрәк</i>	<i>ḡchurâk</i>	‘сердце’	<i>ḡchurâk</i>	<i>гърянъ</i>	* <i>jürek</i>
10.	<i>дөя</i>	<i>düâ</i>	‘верблюды’	<i>düâ</i>	<i>тава</i>	* <i>debe</i>
11.	<i>энем</i>	<i>inim</i>	‘младший брат’	<i>inim</i>		* <i>ini</i>
12.	<i>иртәгә</i>	<i>irtâh</i>	‘рано’	<i>irtâh</i>	<i>иртэ</i>	* <i>ēr</i>
13.	<i>эчәк</i>	<i>isḡâk</i>	‘внутренности, кишка’	<i>isḡâk</i>	<i>ысъ</i>	* <i>ič</i>
14.	<i>икмәк</i>	<i>itmjâk</i>	‘хлеб’	<i>itmjak</i>	<i>иимянъ</i>	* <i>et-mek</i>
15.	<i>яфрак</i>	<i>japrâk</i>	‘лист’	<i>japrâk</i>	<i>япракъ</i>	* <i>japur-gak</i>
16.	<i>йомырка</i>	<i>jimurtkāh</i>	‘яйцо’	<i>jimurtkāh</i>	<i>юмурка</i>	* <i>jumurtga</i>
17.	<i>караңгы</i>	<i>karânga</i>	‘темный’	<i>karânga</i>	<i>каранза</i>	* <i>Kara</i>
18.	<i>куян</i>	<i>koiân</i>	‘заяц’	<i>koiân</i>	<i>куянъ</i>	* <i>Kodan</i>
19.	<i>көймә</i>	<i>kimâ</i>	‘судно, корабль, лодка’	<i>kimâ</i>		* <i>gējmö</i>
20.	<i>кечкенә</i>	<i>kskennâ</i>	‘малый’	<i>kskennâ</i>	<i>кычкына</i>	* <i>kičük /-g</i>
21.	<i>күкрәк</i>	<i>kukrjâk</i>	‘грудь’	<i>kukrjak</i>	<i>кукракъ</i>	* <i>Kökrek</i>
22.	<i>колак</i>	<i>kulâ</i>	‘ухо’	<i>kullâk</i>	<i>клáкъ</i>	* <i>Kul-kak</i>
23.	<i>канат</i>	<i>kunât</i>	‘крыло’		<i>канáтъ</i>	* <i>Kājnat</i>
24.	<i>корсак</i>	<i>kurḡâk</i>	‘брюхо’	<i>kurḡak</i>	<i>куръ сáкъ</i>	* <i>Kurg-sak</i>
25.	<i>төтен</i>	<i>tütün</i>	‘дым’	<i>tütün</i>	<i>тутунъ</i>	* <i>tüt-ün, *tüt-süg</i>
26.	<i>үле, үлгән</i>	<i>ulgân</i>	‘мертвый’	<i>ulgân</i>	<i>улъ</i>	* <i>öl-</i>
27.	<i>ул</i>	<i>ulüm</i>	‘сын’	<i>ul</i>	<i>уль</i>	* <i>ogul</i>
28.	<i>агач</i>	<i>agâḡs</i>	‘дерево’	<i>agâḡḡ</i>	<i>агáчь</i>	* <i>i-(ñ)gač</i>
29.	<i>урман</i>	<i>urmân</i>	‘лес’	<i>urmân</i>	<i>урмáнь</i>	* <i>orman</i>

В этой группе во всех словарях в лексемах, которые имеют более одного слога, ударение не ставится на первый слог.

Итак, мы рассмотрели 66 тюркских слов, которые в словаре Фишера имеют два и более слога; у 64 из них отмечено ударение. При этом место ударения у Фишера и Миллера, когда оно проставлено, совпадает во всех случаях. Графически слова могут различаться, ср.: Фишер тат. *itmjâk* — Миллер тат. *itmjak* ‘хлеб’, Фишер тат. *jüldüs* — Миллер тат. *jüldüs* ‘звезда’, Фишер тат. *ituk* — Миллер тат. *itak* ‘сапог’, Фишер тат. *káḡchuk* — Миллер тат. *káḡchik* ‘ложка’ и т. д.

У Фишера и еп. Дамаскина место ударения различается в 15 случаях, у Миллера и еп. Дамаскина — в 8 лексемах. При этом в рассмотренных примерах акцентуация у епископа Дамаскина достаточно последовательно подчиняется правилу: если у когнатов в современном татарском литературном языке во втором слоге присутствует *ы*, то ударение падает на первый слог. В словарях Фишера и Миллера столь четкой закономерности не наблюдается.

Вместе с тем уже на материале приведенных выше таблиц можно выявить определенную зависимость в действии поволжского перелома гласных. В тех случаях, когда место ударения совпадает во всех словарях, наличие или отсутствие перелома в гласных первого слога, подверженных этому процессу в рассматриваемый период (см. подробнее раздел 2), также коррелирует во всех трех источниках: в первой группе слов, где ударение падает на первый слог, перелома нет, тогда как в четвертой группе, где во всех словарях ударение стоит на последнем слоге, перелом фиксируется. Расхождение в наличии или отсутствии перелома гласных в казанском и мишарском материалах наблюдается во второй группе, где место ударения различается (в третьей группе отсутствуют примеры слов с гласными первого слога, которые могли бы подвергаться перелому).

Далее последовательно рассмотрим, какие регулярные фонетические рефлексы пратюркских гласных первого слога представлены в материалах Фишера и каким образом они связаны с местом ударения.

2. Гласные первого слога

Лексемы из словаря Й. Э. Фишера были связаны этимологическими связями с татарскими литературными словами. Затем была проведена обработка этого материала с помощью программы «Анализ когнатов». В результате выявлены следующие ряды соответствий гласных первого слога:

Таблица 1. Ряды соответствий гласных первого слога между словарем Фишера, современным татарским и пратюркским по реконструкции [EDAL 2003]

Татарский по Фишеру	Современный татарский	Пратюркский
<i>i</i>	<i>i</i>	*e, *ē, *ė, *ē̇
<i>e</i> под ударением		
<i>i</i>	<i>e</i>	*i, *i в позиции после *j-
<i>a</i>	ə [ä]	*ia, *e
	<i>a</i>	*a, *ā, iā, *i
<i>o</i>	<i>i</i>	*i, *ī
<i>i</i>		
<i>ü</i> (k_)		
<i>o</i> под ударением	<i>u</i>	*o, *ō
<i>u</i> без ударения		
<i>u</i>	u	*ō, *ö
<i>u</i>	<i>o</i>	*u, *ū
<i>u</i> без ударения	<i>ö</i>	*ü, *ū̇
<i>ü</i>		

2.1. Соответствия современного татарского *i*

Татарский Фишер *i* — татарский литературный *i* < ПТю *e, *ē, *ė, *ē̇

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>irä</i> 'утро'	<i>иртә</i> 'утро'	*ēr
<i>ir</i> 'муж'	<i>ир</i> 'муж'	*er-kek
<i>ir</i> 'губа, губы'	<i>ирен</i> 'губа, губы'	*Erin
<i>ituk</i> 'сапог'	<i>итек</i> 'сапог'	*ētük
<i>ifchek</i> 'дверь'	<i>ишек</i> 'дверь'	*ēlü-
<i>itmjäk</i> 'хлеб'	<i>икмәк, ипи</i> 'хлеб'	*et-mek

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюрковский
<i>imjăn</i> ‘дуб’	<i>имән</i> ‘дуб’	* <i>imen</i>
<i>it</i> ‘мясо’	<i>ит</i> ‘мясо’	* <i>et</i>
<i>isärek</i> ‘пьян’	<i>исерек</i> ‘пьян’	* <i>ēsür-</i>
<i>irtäh</i> ‘рано’	<i>иртәгә</i> ‘рано’	* <i>ēr</i>
<i>ika</i> ‘два, две, два’	<i>ике</i> ‘два, две, два’	* <i>ek(k)i</i>
<i>illi</i> ‘пятьдесят’	<i>илле</i> ‘пятьдесят’	
<i>dʃil</i> ‘ветер’	<i>жчил</i> ‘ветер’	* <i>jel</i>
<i>kifs</i> ‘вечер’	<i>кич</i> ‘вечер’	* <i>gēc (-e)</i>
<i>dʃchidmyfch</i> ‘семьдесят’	<i>жчитмеш</i> ‘семь’	* <i>jet(i)i</i>

Татарский Фишер *e* — татарский литературный *i*

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюрковский
<i>djcher</i> ‘земля’	<i>жир</i> ‘земля’	* <i>jēr</i>
<i>dengis</i> ‘море’	<i>диңгез</i> ‘море’	
<i>témir</i> ‘железо’	<i>тимер</i> ‘железо’	
<i>kére</i> ‘за собой’	<i>кире</i> ‘за собой’	
<i>fěgʃan</i> ‘восемьдесят’	<i>сиксән</i> ‘восемьдесят’	
<i>fěgüſ</i> ‘восемь’	<i>сигез</i> ‘восемь’	

Как видно из приведенных форм, в материалах Фишера *e* на месте лит. тат. *i* встречается только в позиции под ударением.

2.2. Соответствия современного татарского *e*

Татарский Фишер *i* — татарский литературный *e* < ПТю **i*, **ı* в позиции после **j*-

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюрковский
<i>inim</i> ‘младший брат’	<i>энем, энекәш</i> ‘младший брат’	* <i>ini</i>
<i>isfäk</i> ‘внутренности, кишка’	<i>эчәк, эчәге</i> ‘внутренности, кишка’	* <i>ič</i>
<i>it</i> ‘собака’	<i>эт</i> ‘собака’	* <i>it</i>
<i>isjäsfe</i> ‘пить’	<i>эчү</i> ‘пить’	* <i>ič-</i>
<i>djhill</i> ‘год’	<i>ел</i> ‘год’	* <i>jil</i>
<i>finlem</i> ‘младшая сестра’	<i>сеңлем</i> ‘младшая сестра’	* <i>siñil</i>
<i>dʃchillimen</i> ‘плачу’	<i>ельым</i> ‘плачу’	* <i>jīg-(la-)</i>
<i>illgäre</i> ‘перед собой’	<i>элгәре</i> ‘перед собой’	* <i>ilk</i>
<i>dʃchib</i> ‘веревка’	<i>жчен</i> ‘веревка’	

Только в двух лексемах лит. тат. *e* соответствует *e* в материалах Фишера: *tell* ‘язык’ — лит. тат. *тел* < ПТю **dil*, *bérsakun* ‘послезавтра’ — лит. тат. *берсекөнгә*. На основании этого можно сказать, что переход ПТю **i* > *e* в казанском диалекте в XVIII в. только начался.

Соответствия современного татарского ә [ä]

Татарский Фишер *a* — татарский литературный ә [ä] < ПТю **ia*, **ā*, **e*

Татарский по Фишеру		Татарский литературный		Пратюркский
<i>ndaŋchma</i>	‘молчать’	<i>дашма-</i>	‘молчать’	* <i>dē-</i> ‘говорить’
<i>dschāiä</i>	‘лук’	<i>жәя</i>	‘лук’	* <i>jā(j)</i>
<i>tabannāk</i>	‘низкий’	<i>тәбәнәк</i>	‘низкий’	
<i>takāh</i>	‘козел’	<i>тәкәсе</i>	‘козел’	* <i>teke</i>
<i>tŋchafs</i>	‘волосы’	<i>чәч</i>	‘волосы’	* <i>s(i)ač</i>

После губной согласной *m*- зафиксировано огубленное соответствие лит. тат. ә: *mütŋch* ‘кошка’ — лит. тат. *мәче* < ПТю **biñl(ik)*.

2.3. Соответствия современного татарского а

Татарский Фишер *a* — татарский литературный *a* < ПТю **a*, **ā*, *iā*, **i*

Таких примеров в словаре более 50, хотя лит. тат. *a* имеет в словаре Й. Э. Фишера только одно соответствие; для экономии места мы приведем здесь пять примеров. Остальные можно посмотреть в онлайн-словаре.

Татарский по Фишеру		Татарский литературный		Пратюркский
<i>jānur</i>	‘дождь’	<i>яңыр</i>	‘дождь’	* <i>jag-</i>
<i>kar</i>	‘снег’	<i>кар</i>	‘снег’	* <i>Kiār</i>
<i>tafch</i>	‘камень’	<i>таш</i>	‘камень’	* <i>diāl</i>
<i>agàfs</i>	‘дерево’	<i>агач</i>	‘дерево’	* <i>i(n)gač</i>
<i>ārka</i>	‘спина’	<i>арка</i>	‘спина’	* <i>arka</i>

2.4. Соответствия современного татарского і

Татарский Фишер *o* — татарский литературный *i* < ПТю **i*

Татарский по Фишеру		Татарский литературный		Пратюркский
<i>psjāk</i>	‘нож, ножи’	<i>пычак</i>	‘нож, ножи’	
<i>tŋkan</i>	‘мышь’	<i>тычкан</i>	‘мышь’	* <i>sičgan</i>

Татарский Фишер *i* — татарский литературный *i* < ПТю **i*

Татарский по Фишеру		Татарский литературный		Пратюркский
<i>ŋirrāh</i>	‘пиво’	<i>сыра</i>	‘пиво’	
<i>dŋchila</i>	‘теплый’	<i>жылы</i>	‘теплый’	* <i>jilī-g</i>

Татарский Фишер *ü* — татарский литературный *i* < ПТю **i*

Татарский по Фишеру		Татарский литературный		Пратюркский
<i>küŋs</i>	‘дочка’	<i>кыз</i>	‘дочь’	* <i>Kiŋ’</i>
<i>kürr</i>	‘степь’	<i>кыр</i>	‘степь’	* <i>Kir</i>
<i>küŋŋill</i>	‘красный’	<i>кызыл</i>	‘красный’	* <i>Kiŋ’-</i>

На основании этих примеров можно предположить, что в материалах Й. Э. Фишера $*i > \ddot{u}$ в позиции после k -.

2.5. Соответствия современного татарского u

Татарский Фишер u — татарский литературный $u < \text{ПТю } *o, *\bar{o}, *ib$

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>urmàn</i> ‘лес’	<i>урман</i> ‘лес’	$*orman$
<i>ulùm</i> ‘сын’	<i>ул, угыл</i> ‘сын’	$*ogul$
<i>su</i> ‘вода’	<i>су</i> ‘вода’	$*sib$
<i>kutak</i> ‘мужской орган’	<i>кутак</i> ‘мужской орган’	
<i>muntfchàh</i> ‘баня’	<i>мунча</i> ‘баня’	
<i>fusàr</i> ‘куница’	<i>сусар</i> ‘куница’	
<i>fuchài</i> ‘лук’	<i>суган</i> ‘лук’	$*sōkan$
<i>fuwok</i> ‘холодный’	<i>суык</i> ‘холодный’	
<i>jusch</i> ‘мокрый, сырой’	<i>юеш</i> ‘мокрый, сырый’	

Татарский Фишер o — татарский литературный $u < \text{ПТю } *o, *\bar{o}$

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>o</i> ‘огонь’	<i>ут</i> ‘огонь’	$*hōt$
<i>ótan</i> ‘дрова’	<i>утын</i> ‘дрова’	
<i>ok</i> ‘стрела’	<i>ук</i> ‘стрела’	$*ol(u)-tur-$
<i>olturáman</i> ‘сизу’	<i>утырам</i> ‘сизу’	$*ōn$
<i>on</i> ‘десять’	<i>ун</i> ‘десять’	$*otur'$
<i>kol</i> ‘рука’	<i>кул</i> ‘рука’	$*Kol$
<i>dfchol</i> ‘дорога’	<i>юл</i> ‘дорога’	$*jōl$
<i>fom</i> ‘рубль’	<i>сум</i> ‘рубль’	
<i>ton</i> ‘шуба’	<i>тун</i> ‘шуба’	
<i>tógus</i> ‘девять’	<i>тугыз</i> ‘девять’	
<i>tóghan</i> ‘девяносто’	<i>туксан</i> ‘девяносто’	
<i>kol-barfch</i> ‘локоть’	<i>кулбаиш</i> ‘локоть’	
<i>tok</i> ‘сыт’	<i>тук</i> ‘сыт’	
<i>dóngus</i> ‘свинья’	<i>дуңгыз</i> ‘свинья’	$*doñur'$

В одном случае наблюдается соответствие тат. Фиш. $\ddot{u}$ — лит. тат. u в начале слова: *ürátjün* ‘полночь’ — лит. тат. *уртасы* (в сочетании *tən urtасы*).

Отметим, что статистически сохранение $*o$ в словаре Фишера представлено чаще, чем переход $*o > u$. При переходе во всех словах ударение проставлено не на первом слоге, тогда как при сохранении пратюркского $*o$ ударение, как правило, падает на первый слог, за исключением глагольной формы *olturáman* ‘сизу’. Таким образом, можно сформулировать правило: переход $*o > u$ происходит в безударной позиции, а сохранение o — в ударной.

2.6. Соответствия современного татарского у [и]

Татарский Фишер *и* — татарский литературный *ү* < ПТю **ō*, **ö*

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>ıggus</i> ‘бык’	<i>үгез</i> ‘бык’	* <i>ökür</i>
<i>uljân</i> ‘трава’	<i>үлән</i> ‘трава’	
<i>ulgân</i> ‘мертвый’	<i>үлгән</i> ‘мертвый’	* <i>öl-</i>
<i>kükukrâ</i> ‘гром’	<i>күк күкрәү</i> ‘гром’	* <i>gōk</i> ‘небо’
<i>kul</i> ‘озеро’	<i>күл</i> ‘озеро’	*[<i>k</i>] <i>öl</i>
<i>kufs</i> ‘глаз’	<i>күз</i> ‘глаз’	* <i>gōr</i>
<i>kukrjâk</i> ‘грудь’	<i>күкрәк</i> ‘грудь’	* <i>Kökrek</i>
<i>kurmıman</i> ‘не вижу’	<i>күрмим</i> ‘не вижу’	* <i>gōr</i>
<i>kurâman</i> ‘вижу’	<i>күрәм</i> ‘вижу’	* <i>gōr</i>
<i>bugün</i> ‘сегодня’	<i>бүген</i> ‘сегодня’	
<i>kuk</i> ‘синий’	<i>күк</i> ‘синий’	* <i>gōk</i>

В лексемах *ürdâk* ‘утка’, *büre* ‘волк’ гласный совпадает с татарскими аналогами *үрдәк*, *бүре*. В одном исконно тюркском слове зафиксирован переход в *i* в материалах Фишера (ср. *kik* ‘небо’ — лит. тат. *Күк*), в другом случае отмечено выпадение: *kmer* ‘уголь’ — лит. тат. *күмер*, а в третьем — сохранение пратюркского **ö*: *dört* ‘четыре’ — лит. тат. *дүрт* < ПТю **dört*. Это свидетельствует о том, что переход ПТю **ō*, **ö* в *и* по словарю Фишера произошел практически в полном объеме.

2.7. Соответствия современного татарского о

Татарский Фишер *и* — татарский литературный *о* < ПТю **u*, **ü*

Здесь для экономии места приводятся не все примеры, которых насчитывается более 30, поскольку сохранение ПТю **u* в материалах Фишера является единственным регулярным рефлексом.

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>ulu</i> ‘великий’	<i>олы</i> ‘великий’	* <i>ulug</i>
<i>kum</i> ‘песок’	<i>ком</i> ‘песок’	* <i>Kum</i>
<i>dfchun</i> ‘шерсть’	<i>йон</i> ‘шерсть’	* <i>juŋ</i>
<i>kulâ</i> ‘ухо’	<i>колак</i> ‘ухо’	* <i>Kul-kak</i>
<i>búron</i> ‘нос’	<i>борын</i> ‘нос’	* <i>burun</i> (* <i>burin</i>)
<i>bufaü</i> ‘теленок’	<i>бозау</i> ‘теленок’	* <i>buʾa-gu</i>
<i>bulân</i> ‘лось’	<i>болан</i> ‘лось’	* <i>bulan</i>
<i>kufch</i> ‘птица’	<i>кош</i> ‘птица’	* <i>Kul</i>
<i>sfulü</i> ‘овес’	<i>солы</i> ‘овес’	* <i>suli</i>
<i>tufs</i> ‘соль’	<i>тоз</i> ‘соль’	* <i>dūr</i>
<i>dfchuklásfe</i> ‘спать’	<i>йоклау</i> ‘спать’	* <i>udu-</i>
<i>dfchuklamıman</i> ‘не сплю’	<i>йоклым</i> ‘сплю’	* <i>udu-</i>
<i>dfchuklıman</i> ‘сплю’	<i>йокламыйм</i> ‘не сплю’	* <i>udu-</i>
<i>kürü</i> ‘сухой’	<i>коры</i> ‘сухой’	* <i>Kür-i-k</i>

2.8. Соответствия современного татарского *ө*

Татарский Фишер *u* — татарский литературный *ө* < ПТю **ü*, **ĩ*

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>u/s</i> ‘три’	<i>өч</i> ‘три’	
<i>kumu/sch</i> ‘серебро’	<i>көмеш</i> ‘серебро’	
<i>d/schuràk</i> ‘сердце’	<i>йөрәк</i> ‘сердце’	* <i>jürek</i>
<i>d/schugàn</i> ‘узда’	<i>йөгән</i> ‘узда’	
<i>t/schugah</i> ‘стерлядь’	<i>чөгә</i> ‘стерлядь’	
<i>kuljãman</i> ‘смеюсь’	<i>көләм</i> ‘смеюсь’	
<i>d/sjus</i> ‘сто’	<i>йөз</i> ‘сто’	* <i>jür</i>

Татарский Фишер *ĩ* — татарский литературный *ө* < ПТю **ü*, **ĩ*

Татарский по Фишеру	Татарский литературный	Пратюркский
<i>s/ĩud</i> ‘молоко’	<i>сөт</i> ‘молоко’	* <i>sĩt</i>
<i>tũtũn</i> ‘дым’	<i>төтен</i> ‘дым’	* <i>tũt-ũn</i>
<i>jũsfok</i> ‘кольцо’	<i>йөзек</i> ‘кольцо’	* <i>jür-</i>

В двух случаях в материалах Фишера наблюдается переход ПТю **ü* в *i, j*, ср.: *kin* ‘день’ — лит. тат. *көн* < ПТю **gün(eł)*, *tjn* ‘ночь’ — лит. тат. *төн* < ПТю **tũn*. Интересно отметить, что аналогичное развитие фиксируется и для *u* (< ПТю **ö*), см. *kik* ‘небо’ — лит. тат. *Күк*.

Выводы

Итак, оказалось, что в словаре Й. Э. Фишера есть ряд четких позиций, в которых ударение ставится на первом слоге: во всех словоизменительных формах (за исключением глагольной формы *olturãman* ‘сiju’), во всех числительных, послелогох, застывших падежных формах, а также в некоторых заимствованиях. При этом есть 25 исконно тюркских слов, в которых ударение не объясняется этими позициями. Чтобы понять, являются ли эти слова случайными неточностями, мы проверили их акцентуацию по другим словарям XVIII в. — словарю Г. Ф. Миллера и мишарскому татарскому словарю, составленному под руководством епископа Дамаскина. Мы рассмотрели 66 тюркских слов, имеющих два и более слога в словаре Фишера, причем у 64 из них было отмечено ударение. В тех случаях, когда ударение проставлено, его позиция у Фишера и Миллера полностью совпадает. У Фишера и еп. Дамаскина место ударения различается в 15 случаях, а у Миллера и еп. Дамаскина — в 8 лексемах. При этом в рассмотренных примерах акцентуация у епископа Дамаскина достаточно последовательно подчиняется правилу: если у когнатов в современном татарском литературном языке во втором слоге присутствует *ы*, то ударение падает на первый слог. В словарях Фишера и Миллера столь четкой закономерности не наблюдается. В результате анализа мы также выявили зависимость рефлексии пратюркских гласных от места ударения во всех трех словарях.

Последовательный анализ всех регулярных рефлексов пратюркских гласных в материалах Фишера показал: пратюркское **ö* практически всегда, а **ü* в большинстве позиций переходят в *u* вне зависимости от места ударения. Поволжский перелом пратюркских гласных **i* и **u* в заказанском диалекте в XVIII в. почти отсутствовал. Перелом **e*, **o* и **ü* уже частично произошел, причем пратюркские варианты сохранялись в первом слоге преимущественно в тех позициях, где Й. Э. Фишер отмечает ударение на первом гласном корня. Факт того, что перелом гласных был связан с местом ударения, весьма примечателен и косвенно подтверждает, что ударение было поставлено неслучайным образом. В дальнейшем планируется полный анализ мишарского татарского словаря епископа Дамаскина, который насчитывает около 7,5 тысяч татарских слов, и для значительной части из них указано ударение.

Для татарского языка ранее М. Ряснен со ссылкой на В. Радлова (см. подробнее [Räsänen 1949: 33]) указывал, что в тюркских языках, носители которых живут на Волге, дополнительное ударение может приходиться на основу слова в том случае, если она содержит гласные *a, i, u, ü, y*. При этом М. Ряснен отмечает, что это касается *i, u, ü*, произошедших из открытых гласных **ä, *o, *a*. А *y < *i* не может принимать ударение. Но в рассмотренных словарях эта закономерность, по которой наличие ударения на первом слоге зависит от синхронного качества гласных первого слога, не подтверждается.

Представляется, что фонетическое ударение, зафиксированное в трех татарских словарях XVIII в., более близко к ранее описанному удлинению широких гласных открытого слога перед узким гласным следующего слога, которое присутствует в ряде тюркских языков. Удлинение гласного слога в зависимости от качества гласного второго слога неоднократно рассматривалось исследователями современных тюркских языков. В хакасском языке удлинение гласного первого слога происходит перед узкими гласными второго слога — *ы, и*, но не перед узкими гласными *у и ү* (см. [Боргояков 1966]). Это явление также было описано Н. К. Дмитриевым для туркменского языка [Дмитриев 1955], В. И. Филоненко для балкарского [Филоненко 1940: 12—13], Л. П. Покровской для гагаузского [Покровская 1964: 37—38], Р. М. Бирюкович для чулымско-тюркского [Бирюкович 1975: 55—67]. В шорском языке на него обратили внимание Н. П. Дыренкова [Дыренкова 1941: 22—23], а затем Н. В. Шавлова (ср. [Шавлова 1983: 9—10]). И. Я. Селютина отмечает процесс удлинения широких гласных перед узким гласным в кумандинском языке, причем не только перед *и* и *ы*, но и перед узкими гласными *у и ү* [Селютина 1986: 27]. Позиционная долгота широких гласных открытого слога перед слогом с узким гласным в тубинском диалекте алтайского языка фиксируется также в [Сарбашева 2004: 84]. В работе [Федина, Широбокова 2019] это явление представлено и для двусложных слов с открытым первым слогом в чалканском языке.

Как показано в [Норманская 2013], данное явление зафиксировано и в койбальских (хакасских) записях М. А. Кастрена (начало XIX в.). Однако во времена М. А. Кастрена удлинение охватывало значительно больше слов, чем в настоящее время. «В XIX в., в отличие от современных языков, в нескольких случаях удлинение затронуло не только широкие гласные первого слога, но и узкие, например: *lizerek < ПТю *ešür-* (> хак. *izâr-*), *lirkín < ПТю *erge* ‘часть юрты рядом с дверью, порог, лестница’ (> хак. *irkân* ‘порог’). Оно действовало не только в открытом слоге, но и перед сочетанием с сонантами, например: *Oortē* ‘место’ < ПТю **or-* ‘место, дворец, берлога, логово, середина’ (> хак. *ortī* ‘место’))» (см. подробнее [там же: 89]).

В статье [Норманская 2022] отмечается, что явление удлинения гласных возникло и в камасинском (самодийском) языке под влиянием хакасского в тех же позициях; авторами камасинских словарей это удлинение обозначалось знаком ударения, как и в татарских словарях.

Таким образом, анализ татарских словарей XVIII в. подтверждает гипотезу о том, что удлинение гласных происходило не только в позиции открытого слога, а также демонстрирует, что оно влияло на развитие вокализма — процесс, ранее для тюркских языков не описанный.

Сокращения

лит. — литературный
ПТю — пратюркский

тат. — татарский
хак. — хакасский

Литература

- Бирюкович 1975 — Р. М. Бирюкович. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология. 1975, 6. С. 55—67.
- Боргояков 1966 — М. И. Боргояков. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. 1966. Вып. 12. С. 81—98.
- Винклер 2004 — Э. Винклер. О роли Иоганна Эберхарда Фишера в работе по сбору языкового материала в Волго-Камском ареале (XVIII в.) // *Linguistica Uralica*. 2004, 1 (2). С. 95—104.
- Дмитриев 1955 — Н. К. Дмитриев. Долгие гласные в туркменском языке // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Фонетика. 1955. Т. 1. С. 182—191.
- Дыренкова 1941 — Н. П. Дыренкова. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- Ившин 2010 — Л. М. Ившин. Материалы Й. Э. Фишера по удмуртскому языку: лингвистическая характеристика // Урало-алтайские исследования. 2010, 1. С. 86—94.
- Норманская 2010 — Ю. В. Норманская, при участии А. В. Дыбо Место ударения и диалектные особенности в удмуртских материалах XVIII в., собранных Г. Ф. Миллером и Й. Э. Фишером // Урало-алтайские исследования. 2010, 1 (2). С. 95—104.

Норманская 2013 — Ю. В. Норманская. К 200-летию со дня рождения Матиаса Александра Кастрена (1813—1852). Новые данные из архива М. А. Кастрена и их сопоставление с материалом современных языков // Урало-алтайские исследования. 2013, 3 (10). С. 76—91.

Норманская 2022 — Ю. В. Норманская. Ударение в камасинском языке и его ареальные параллели // Studia Uralo-Altaica. 2022. Vol. 56. P. 229—242.

Паллас 1787—1789 — П. С. Паллас. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей Особы: В 2 т. СПб.: Тип. Шнора, 1787—1789.

Покровская 1964 — Л. П. Покровская. Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1964.

Половцов 2024 — А. А. Половцов. Фишер, Йоганн Эбергард // Русский биографический словарь. Т. 21. <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-21/> (дата обращения: 20.11.2024).

Сарбашева 2004 — С. Б. Сарбашева. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.

Селютина 1986 — И. Я. Селютина. Квантитативность кумандинских гласных // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск: Наука, 1986. С. 23—26.

Федина, Широбокова 2019 — Н. А. Федина, С. В. Широбокова. Вокализм чалканского языка // Сибирский филологический журнал. 2019, 3. С. 244—258.

Филоненко 1940 — В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик: Каббалкгосиздат, 1940.

Шавлова 1983 — Н. В. Шавлова. Словесное ударение в нижнеирасском говоре шорского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1983.

EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003.

Dörfer 1965 — G. Dörfer. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.

Gulya 1995 — J. Gulya. Vocabularium Sibiricum (1747) — Der etymologisch-vergleichende Anteil. Bristol: Peter Lang, 1995.

Miller 1759 — G. F. Miller. Sammlung Russischer Geschichte. Bd. III, Stück IV. СПб., 1759.

Räsänen 1949 — M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki: Societas orientalis Fennica, 1949.

References

Biryukovich 1975 — R. M. Biryukovich. O pervichnykh dolgikh glasnykh v chulymsko-tyurkskom yazyke. In: Sovetskaya tyurkologiya. 1975, 6. S. 55—67. {R. M. Biryukovich. On primary long vowels in the Chulym Turkic language. In: Soviet Turkology. 1975, 6. P. 55—67.}

Borgoyakov 1966 — M. I. Borgoyakov. Ob obrazovanii i razvitiі nekotorykh dolgikh glasnykh v khakasskom yazyke. In: Uchenye zapiski Khakasskogo NII YALI. 1966. Vyp. 12. S. 81—98. {M. I. Borgoyakov. On the formation and development of some long vowels in the Khakas language. In: Proceedings of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History. 1966. Issue 12. P. 81—98.}

Dmitriev 1955 — N. K. Dmitriev. Dolgie glasnye v turkmenskome yazyke. In: Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov. Fonetika. 1955. T. 1. S. 182—191. {N. K. Dmitriev. Long vowels in the Turkmen language. In: Studies in comparative grammar of Turkic languages. Phonetics. 1955. Vol. 1. P. 182—191.}

Dörfer 1965 — G. Dörfer. Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1965.

Dyrenkova 1941 — N. P. Dyrenkova. Grammatika shorskogo yazyka. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. {N. P. Dyrenkova. Grammar of the Shor language. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941.}

EDAL 2003 — S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003.

Fedina, Shirobokova 2019 — N. A. Fedina, S. V. Shirobokova. Vokalizm chalkanskogo yazyka. In: Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2019, 3. S. 244—258. {N. A. Fedina, S. V. Shirobokova. Vocalism of the Chalkan language. In: Siberian Journal of Philology. 2019, 3. P. 244—258.}

Filonenko 1940 — V. I. Filonenko. Grammatika balkarskogo yazyka. Nal'chik: Kalbbalkgosizdat, 1940. {V. I. Filonenko. Grammar of the Balkar language. Nalchik: Kalbbalkgosizdat, 1940.}

Gulya 1995 — J. Gulya. Vocabularium Sibiricum (1747) — Der etymologisch-vergleichende Anteil. Bristol: Peter Lang, 1995.

Ivshin 2010 — L. M. Ivshin. Materialy I. E. Fishera po udmurtskomu yazyku: lingvisticheskaya kharakteristika. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2010. No. 1. S. 86—94. {L. M. Ivshin. Materials of J. E. Fischer on the Udmurt language: a linguistic description. In: Ural-Altaic Studies. 2010. No. 1. P. 86—94.}

Miller 1759 — G. F. Miller. Sammlung Russischer Geschichte. Bd. III, Stück IV. Sankt-Peterburg, 1759.

Normanskaja 2010 — Ju. V. Normanskaja, pri uchastii A. V. Dybo. Mesto udareniya i dialektnye osobennosti v udmurtskikh materialakh XVIII v., sobrannykh G. F. Millerom i I. E. Fisherom. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2010, 1 (2). P. 95—104. {Ju. V. Normanskaya, with the participation of A. V. Dybo. Stress position and dialectal features in 18th-century Udmurt materials collected by G. F. Miller and J. E. Fischer. In: Ural-Altaic Studies. 2010, 1 (2). P. 95—104.}

Normanskaja 2013 — Ju. V. Normanskaja. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya Matiasa Aleksandra Kastrena (1813—1852). Novye dannye iz arkhiva M. A. Kastrena i ikh sopostavlenie s materialom sovremennykh yazykov. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2013, 3 (10). S. 76—91. {Ju. V. Normanskaya On the 200th anniversary of Matthias Alexander Castren (1813—1852): new data from his archive and their comparison with modern language material. In: Ural-Altaic Studies. 2013, 3 (10). P. 76—91.}

Normanskaja 2022 — Ju. V. Normanskaja. Udarenie v kamasinskom yazyke i ego areal'nye paralleli. In: Studia Uralo-Altaica. 2022. Vol. 56. S. 229—242. {Ju. V. Normanskaya. Stress in the Kamas language and its areal parallels. In: Studia Uralo-Altaica. 2022. Vol. 56. P. 229—242.}

Pallas 1787—1789 — P. S. Pallas. Sravnitel'nye slovari vsekh yazykov i narechii, sobrannye desnitsei Vsevysochaisheĭ Osoby: V 2 t. Sankt-Peterburg: Tip. Shnora, 1787—1789. {P. S. Pallas. Comparative dictionaries of all languages and dialects collected by the highest authority. In 2 vols. St. Petersburg: Shnor Printing House, 1787—1789.}

Pokrovskaya 1964 — L. P. Pokrovskaya. Grammatika gagauzskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. Moskva: Nauka, 1964. {L. P. Pokrovskaya. Grammar of the Gagauz language. Phonetics and morphology. Moscow: Nauka, 1964.}

Polovtsov 2024 — A. A. Polovtsov. Fisher, Iogann Ebergard. In: Russkii biograficheskii slovar'. T. 21. {A. A. Polovtsov. Fischer, Johann Eberhard. In: Russian Biographical Dictionary. Vol. 21.} <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-21/> (accessed: 20.11.2024).}

Räsänen 1949 — M. Räsänen. Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. Helsinki: Societas orientalis Fennica, 1949.

Sarbasheva 2004 — S. B. Sarbasheva. Fonologicheskaya sistema tuba-dialekta altaiskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004. {S. B. Sarbasheva. Phonological system of the Tuba dialect of the Altai language (in a comparative perspective). Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2004.}

Selyutina 1986 — I. Ya. Selyutina. Kvantitativnost' kumandinskikh glasnykh. In: Fonetika yazykov Sibiri i sopredel'nykh regionov. Novosibirsk: Nauka, 1986. S. 23—26. {I. Ya. Selyutina. Quantity in Kumandin vowels. In: Phonetics of the languages of Siberia and adjacent regions. Novosibirsk: Nauka, 1986. P. 23—26.}

Shavlova 1983 — N. V. Shavlova. Slovesnoe udarenie v nizhnerasskom govore shorskogo yazyka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Alma-Ata, 1983. {N. V. Shavlova. Word stress in the Nizhnerass dialect of the Shor language. PhD thesis abstract. Alma-Ata, 1983.}

Winkler 2004 — E. Winkler. O roli Ioganna Eberkharda Fishera v rabote po sboru yazykovogo materiala v Volgo-kamskom areale (XVIII v.). In: Linguistica Uralica. 2004, 1 (2). S. 95—104. {E. Winkler. On the role of Johann Eberhard Fischer in collecting linguistic material in the Volga-Kama area (18th century). In: Linguistica Uralica. 2004, 1 (2). P. 95—104.}

Универсальный заместитель *marêṁ* в татышлинском говоре удмуртского языка: корпусный анализ

Подгорная Анастасия Дмитриевна, Институт языкознания РАН (Москва); podganastas@gmail.com

Крюкова Анастасия Игоревна, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва); nastyakryukova0077@gmail.com

В статье рассмотрены функции слова-заместителя *marêṁ* в татышлинском говоре удмуртского языка (периферийно-южный диалект, Башкортостан) на материале корпуса устных текстов, записанных в 2019—2025 гг. Проанализировав 556 вхождений этой единицы, мы показываем, что *marêṁ* совмещает функции препаративной подстановки (вставка на место составляющей, реализация которой отложена), хезитации (сигнализирование общего речевого затруднения), а также неточной номинации ('что-то такое'). Употребления *marêṁ* в качестве маркера препаративной подстановки, преобладающие в корпусе, размечались по признакам морфологического оформления, синтаксической позиции, наличия отложенной составляющей и ее позиции относительно *marêṁ*. Заместитель присоединяет именные показатели (падежные, числовые, посессивные) и транскатегориальный компаративный показатель *-ges*, частично или полностью копируя оформление отложенных составляющих. При замещении составляющих с вершиной-глаголом *marêṁ* используется совместно со спрягаемым легким глаголом *karêṇê* 'делать'. Обсуждается проблема отличия употреблений *marêṁ* в функции препаративной подстановки: с одной стороны — от хезитативных (при отсутствии морфологического оформления единицы), с другой — от использования для неточной номинации (при отсутствии отложенной составляющей в правом контексте). Наблюдаемое совмещение функций позволяет охарактеризовать *marêṁ* как универсальный заместитель. Такое развитие зафиксировано для заместителей, восходящих к вопросительным местоимениям. Материал татышлинского удмуртского дополняет типологические наблюдения об этой группе единиц.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, заместитель, корпус устной речи, удмуртский язык, филлер

THE VERSATILE FILLER *MARÊṂ* IN TATYSHLY UDMURT: A CORPUS STUDY

Anastasiia D. Podgorina, Institute of Linguistics RAS (Moscow); podganastas@gmail.com

Anastasiia I. Kriukova, Vinogradov Russian Language Institute RAS (Moscow); nastyakryukova0077@gmail.com

The article considers the functional range of the filler *marêṁ* in the Tatyshly subdialect of Udmurt (Peripheral Southern dialect, Bashkortostan) based on data from a corpus of oral texts recorded in 2019—2025. After analyzing 556 instances of this item, we show that it functions as a placeholder (substituting for a delayed constituent) and a hesitator (signaling general issues with speech production), and can introduce arbitrary reference ('something like that'). The placeholder uses of *marêṁ* were tagged according to the morphological markers it attaches, its syntactic position, and the presence and position of the delayed constituent. The most common use of *marêṁ* is as a placeholder (291 cases). The filler attaches nominal markers (case, number, possessivity) and the transcategorical comparative marker *-ges*, fully or partially copying the morphology of the delayed constituent. When replacing constituents headed by a verb, *marêṁ* is accompanied by the conjugated light verb *karêṇê* 'to do'. In the corpus, 130 instances can be clearly classified as hesitatives, while 109 examples can be characterised both as morphologically bare placeholder uses and as hesitators. In this article, we discuss the potential distinguishing criteria for such contexts, as well as contexts in which *marêṁ* can be interpreted as a placeholder or as a marker of arbitrary reference in the absence of a delayed constituent. The polyfunctionality of *marêṁ* makes it possible to classify it as a versatile filler. Such development is characteristic of fillers with diachronic sources in question words. The data from Tatyshly Udmurt add to the growing body of cross-linguistic observations on this type of unit.

Keywords: corpus of oral speech, discourse marker, filler, placeholder, Udmurt

Всего из КТУ было выписано 556 вхождений леммы *marâm*. Они были размечены по функции, морфологическому оформлению, синтаксической роли заместителя и соответствующим характеристикам отложенной составляющей (при ее наличии) согласно типологическим обобщениям, изложенным в разделе 2. Обсуждение употреблений заместителя *marâm* в связи с его функциями представлено в разделе 3. В разделе 4 обобщаются наблюдения о функциях *marâm*; удмуртская единица характеризуется на фоне слов-заместителей в языках мира. Раздел 5 содержит заключение.

2. Слова-заместители в языках мира

Типология заместителей основана на широкой языковой выборке и обобщена в трудах [Hayashi, Yoon 2006; Amiridze et al. (eds.) 2010; Seraku 2024; Pakendorf, Rose (eds.) 2025].

В рамках наиболее проработанного на данный момент подхода [Pakendorf, Rose 2025], развивающего наблюдения [Podlesskaya 2010], заместители (в терминологии авторов англ. *filler*) в языках мира подразделяются на показатели **препаративной подстановки**⁶ (англ. *placeholders*) и показатели **хезитации**, или хезитаторы (англ. *hesitatives*, *hesitators*). Первая группа включает единицы, используемые для предварительной замены составляющей, выражение которой отложено, в случае если говорящий не может вспомнить нужную номинацию, как при употреблении рус. *это самое, этот ... как его* (см. [Подлесская, Кибрик 2009: 185—186; Подлесская, Коротаев 2022]). Такие единицы характеризуются референциальностью и морфосинтаксической интегрированностью в структуру клаузы, занимая линейную и структурную позицию составляющей, которую они замещают. Эти свойства отличают их от показателей хезитации, не соответствующих никакой структурной позиции в клаузе, как, например, рус. *э-э, значит* (см. [Подлесская, Кибрик 2009: 186—187]). Показатели препаративной подстановки разделяются в зависимости от того, какие части речи они могут замещать, на **ограниченные определенной частью речи** (а также, возможно, семантическими признаками замещаемой единицы; англ. *specific placeholders*) и **общие показатели препаративной подстановки** (англ. *general placeholders*)⁷. Показатели, совмещающие функции хезитатора и общего показателя препаративной подстановки, могут быть охарактеризованы как **универсальные заместители** (англ. *versatile fillers*).

Употребление заместителей может отражать как когнитивное затруднение (при возникновении трудностей в порождении речи), так и намерение говорящего, когда он по тем или иным причинам выбирает именно такую номинацию (см. различие этих вариантов в [Hayashi, Yoon 2006; Seraku 2024; Pakendorf, Rose 2025: 14—18]). В последнем случае использование заместителей (в основном показателей препаративной подстановки) может быть мотивировано соображениями неуместности, например при **эвфемистическом** употреблении, если названия определенной сущности принято избегать. Кроме того, говорящий может специально скрыть точную номинацию, употребив заместитель, или же использовать его для выражения **неопределенной референции** ('что-то такое'). Еще одной функцией заместителей является их применение в качестве **универсальных распространителей** (англ. *general extenders*), часто в составе особой конструкции ('X и другие элементы, входящие с X в одно множество'; см., например, [Подлесская, Стародубцева 2011; Overstreet, Yule 2021; Подлесская 2025]). Полный набор функций, связанных с намерениями говорящего, диахронические отношения между употреблениями в функции заместителей и перечисленными дополнительными функциями, а также источники последних (в том числе часто вопросительные и указательные местоимения) остаются открытыми исследовательскими вопросами [Pakendorf, Rose 2025: 17—19].

3. Единица *marâm* в устном корпусе

3.1. Препаративная подстановка

3.1.1. Вводные замечания

Функция препаративной подстановки предполагает, что заместитель используется для предварительной замены конкретной лексической единицы (*я купил эту... как ее... перепелку*). Поскольку показатели препаративной подстановки вставляются на место составляющей, реализацию которой говорящий откладывает, — **отложенной составляющей** (в нашем примере — *перепелку*; термин вслед за

⁶ Русский терминологический эквивалент используется вслед за [Подлесская, Кибрик 2009: 185].

⁷ Показатели хезитации не отвечают критерию морфосинтаксической неинтегрированности, однако существование хезитаторов, ограниченных определенной частью речи и синтаксической ролью, постулируется для ряда австронезийских языков [Pakendorf, Rose 2025: 11—13].

[Подлесская, Хуршудян 2006], далее — ОС), — они оказываются интегрированы в клаузу синтаксически, занимая синтаксическую позицию соответствующей составляющей, и морфологически, принимая ее морфологические показатели (в примере выше — прямое дополнение, форма аккузатива женского рода).

Иллюстрация такого употребления *marâm* приведена в (3), где заместитель присоединяет окончание локатива и предшествует имени ‘Кордон’ с тем же оформлением и синтаксической ролью:

- (3) *marâm-ân = kârdon-ân nunal kino lû-e.*

РН-LOC Кордон-LOC день кино быть-PRS.3SG

‘(Но у нас в деревне редко кино было.) В этом самом= в Кордоне кино каждый день было’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_2deti].

Пример (3) представляет собой канонический случай препаративной подстановки, когда трудности с порождением касаются одной лексемы, которую говорящий вспоминает сразу после использования заместителя. Однако в нашей выборке встречаются примеры, в которых ОС или не реализуется в правом контексте (4), или значительно отдалена от заместителя, как в (5), где носительница сначала завершает клаузу, не восстанавливая отложенную послеложную группу, а затем повторяет ее, добавляя новые детали. Кроме того, морфологическое оформление единицы *marâm* может отличаться от формы ОС. Так, в (6) ОС включает показатель множественного числа *-jos*, отсутствующий при заместителе.

- (4) *ten'i marâm-les' jar-ze= van' val, so-in krasnojar.*

вот РН-GEN2 берег-ACC.POSS.3SG имеется быть-PST тот-INS Краснояр

‘Вот этого самого яр... был, поэтому Краснояр. (Поэтому ли его Кызыл-Яр называли. Этого вот подробно не знаю)’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_4_kyzyljar].

- (5) *mil'am šur= marâm-ân ik= šur val, mil'am bakč'a ber-ân ik ba'ž'ân šur val.*

мы.GEN река РН-LOC EMPH= река быть-PST мы.GEN огород зад-LOC EMPH большой река быть-PST

‘У нас река= в этом самом же= река была, у нас прямо за огородом большая река была’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_6razvlechenija].

- (6) *ž'âr-a-zâ iz'a-n-zâ marâm-en u'ua. tãnkä-jos-ân.*

голова-LOC/ILL-POSS.3PL надевать_на_голову-VN-POSS.3PL РН-INS PTCL монета-PL-INS

‘У них головной убор, на головах головной убор с этим самым ведь. С монетами’ [КТУ: GRG-072019_VI_moscow].

В разделах 3.1.2—3.1.4 мы рассмотрим, какие части речи и составляющие может замещать *marâm*, ориентируясь на морфологическое оформление и синтаксическую роль заместителя и отложенной составляющей (при ее наличии). Мы будем учитывать также такие параметры, как контактность расположения этих элементов, степень их формального сходства и объем замещаемой группы (ср. параметры коррекции при самоисправлении в [Подлесская, Кибрик 2009: 187—201] и типологию заместителей в [Podlesskaya 2010: 18—25]). Сначала мы проанализируем случаи употребления *marâm* с выраженными морфологическими показателями (раздел 3.1.2), затем перейдем к неоформленным употреблением (раздел 3.1.3) и отдельно обсудим конструкцию *marâm karânâ* (раздел 3.1.4).

3.1.2. Оформленные употребления

Всего в КТУ обнаружено 157 случаев (28 % от объема выборки), в которых к *marâm* присоединяются морфологические показатели. В большинстве контекстов представлены показатели существительного (152 примера), несколько вхождений содержат другие маркеры: компаратива *-ges* (5 примеров⁸) и множественного числа прилагательного *-es'* (1 пример⁹). Чаще всего оформленные употребления сопровождаются восстановлением ОС в правом контексте (110 примеров), см. таблицу 1, и оформление заместителя и ОС совпадает¹⁰ (87 примеров).

Рассмотрим эти группы подробнее. Показатели **существительного** включают падежные (см. распределение в таблице 2), числовой *-jos* ‘PL’ и посессивные (1—3-го лица), (примеры (3), (7)—(8)). В 83 случаях оформление заместителя и отложенного существительного совпадает, причем в 54 контекстах, как в приведенных примерах, существительное располагается непосредственно за заместителем (т. е. **контактно**).

⁸ В одном контексте присоединяется после показателя локатива, см. пример (20) ниже.

⁹ Обсуждается в разделе 3.3, см. пример (74).

¹⁰ Имеется в виду совпадение грамматического набора маркеров, а не конкретных морфов, ср., например, алломорфы *-jos* и *-n'os* (с отражением ассимиляции) показателя множественного числа в (7).

Таблица 1. Наличие и позиция ОС
при морфологически оформленных употреблениях *marâm* в КТУ¹¹

Наличие и позиция ОС	Кол-во вхождений
выражена <u>контактная</u>	70
<u>дистантная</u>	40
отсутствует	45

- (7) *marâm-n'os, kâj-jos ŋan' kâzâr.*
 PH-PL змея-PL имеется сейчас
 'Эти самые, змеи есть сейчас' [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_10trava].
- (8) *no so-len sâše sladkij marâm-ez, šôm-ăz*
 но тот-GEN такой сладкий PH-POSS.3SG вкус-POSS.3SG
 '...Но у него такой сладкий этот самый, привкус, (вкусный какой-то)' [КТУ: ATN-29072021_VI_9_rastenija].

Таблица 2. Падежные формы *marâm* в КТУ¹²

Падеж	Кол-во вхождений
аккузатив	34
локатив	27
иллатив	19
инструменталис	11
второй генитив	7
датив	3
генитив	3
элатив	2
пролатив	1

Дистантное расположение заместителя и отложенного существительного с одинаковым морфологическим оформлением наблюдается в остальных 29 случаях. Можно выделить несколько групп таких употреблений. Во-первых, говорящий может выразить ОС, повторив составляющую, включающую заместитель: финитную клаузу (5), послеложную группу с номинализацией (9) или именную группу с атрибутивным зависимым (10). Такое **повторение** (англ. *recycling*) характерно для самоисправлений и обсуждается в связи с заместителями в [Podlesskaya 2010: 23—25].

- (9) *marâm-ze bâdt-em ber-a-z,*
 PH-ACC.POSS.3SG заканчивать-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3SG
služba-ze bâdt-em ber-a-z.
 служба-ACC.POSS.3SG заканчивать-NMLZ зад-LOC/ILL-POSS.3SG
 'После окончания этого самого, после окончания службы... (здесь стал было обосновываться)' [КТУ: BHM-01082023_VI_1_narody].

¹¹ В таблице не учтены два случая, в которых ОС вспоминает не сам говорящий, а его собеседник, ср.:

- (i) [ShKI] *marâm-ze... tatč'â pon-em-de vunet-i-Ø.* [GRG] *a, kašpu.*
 PH-ACC.POSS.3SG туда класть-NMLZ-ACC.POSS.2SG забывать-PST-1SG а кашпу
 '[ShKI] Это самое... То, что ты туда положила, я забыла. [GRG] А, кашпу [бесермянский женский головной убор]' [КТУ: GRG_ShKI_072019_VI_7_odezhda].

¹² В таблице учтены также случаи совместного выражения с числовыми и посессивными показателями. Такое распределение форм может быть связано как с общей частотностью соответствующих падежных форм в КТУ (при аккузативе), так и с тем, что многие ОС, встретившиеся в этих формах, относятся к лексике, трудной для вспоминания. Обратим внимание, что при локативном оформлении заместителя из 24 контекстов, в которых восстанавливается ОС, он используется на месте трех заимствований (например, *marâmân, obš'ežit'ijân* 'в этом самом... в общепитии') и шести имен собственных (*marâmân, gazpromân* 'в этом самом... в «Газпроме»'); при иллативном оформлении насчитывается пять таких примеров из 11 контекстов (*marâme, klube* 'в этот самый... в клуб'; *marâme, kazanč'ije* 'в эти самые... в Казанчи').

- (10) *muzon marâm-en, muzon kart-en ul-e.*

другой PH-INS другой муж-INS жить-PRS.3SG

‘С другим этим, с другим мужем живет’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_1osebe].

Во-вторых, один из элементов пары «заместитель — ОС» может находиться на периферии клаузы, в которой употреблен другой элемент. К примеру, в (6) и (11) *marâm* занимает синтаксическую позицию подлежащего в клаузе, а ОС следует за ней в качестве **постпозитивного уточнения** (о заместителях в этой позиции см. [Подлесская, Хуршудян 2006: 433]). Возможна, по-видимому, и обратная структура — заместитель предшествует клаузе как **препозитивный элемент**, а ОС реализуется в следующей за ним клаузе (12).

- (11) *so pi-jen marâm-n'os vetl-i-zâ inde vnu²-ž'os u'ya.*

тот сын-INS PH-PL ходить-PST-3PL уж внук-PL PTCL

‘С сыном эти самые ездили уже, внуки’ [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_5poran].

- (12) *marâm-ez... четвёртый klas-ân prirodoved'en'i-jez ni-is'ko-Ø no.*

PH-ACC класс-LOC природоведение-ACC нести-PRS-1SG ADD

‘Этот самый... еще в четвертом классе провожу урок природоведения’ [КТУ: AZA-01082023_VI_5_rabota_na_uroke].

Кроме того, дистантность может задаваться чередой **попыток** говорящего подобрать нужную ОС, как, например, в (13), где рассказчица сначала корректирует проблемную составляющую, добавляя прилагательное, а затем повторяет клаузу, в которой заменяет *marâm* на ОС, предварив ее пояснением.

- (13) *tin'i oz'â, vnuk, marâm-ân, doro= dorožnâj marâm-ân uža-Ø.*

вот так внук PH-LOC дорожный PH-LOC работать-PRS.3SG

in ta s'üres les't-on, s'üres-ân uža-Ø.

уж этот дорога делать-VN дорога-LOC работать-PRS.3SG

‘Вот так, внук в этом самом, в дорожном этом самом работает. Вот эта стройка дороги, на дороге работает’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_1osebe].

Замена *marâm*, оформленного грамматическими показателями существительного, на **группы большего объема** редка. В 12 контекстах существительное сопровождается зависимым: прилагательным, как в (14), аппозитивным определением-существительным (например, *marâm-ân ž'anaul rajon-ân* (PH-LOC Янаул район-LOC) ‘в этом самом... в Янаульском районе’ — и еще в трех случаях) или местоимением (ср. (15) и (18) ниже). В двух случаях отложенная составляющая реализуется послеложной группой (см. (5) и (16)); в трех — русской предложной группой (например, в (20)).

- (14) *xot'a mânam so-len daže marâm-ez, anaj ki-is' šed't-i-Ø*

хотя я.GEN тот-GEN даже PH-POSS.3SG мать рука-EL найти-PST-1SG

mon, vojennâj bil'et-ez no kâl'-em.

я военный билет-POSS.3SG ADD оставаться-PST2

‘Хотя у меня даже его это самое, у матери нашла я, военный билет сохранился’ [КТУ: ATN-29072021_VI_15_veterany].

- (15) *sâše marâm-ez ôj val, so oš-on-ez.*

такой PH-POSS.3SG NEG.PST быть.PST тот висеть-VN-POSS.3SG

‘Такой-то вещи не было, этой подвески’ [КТУ: НАК_Aribash2-07082023_VI_7sabantuj-odezhda].

- (16) *vü tulkâm gäne pe kâl'-i-z na tanâp= marâm-e. vü vâl'-e.*

вода волна только CIT оставаться-PST-3SG еще Танып PH-ILL вода верх-ILL

‘(Нырнула туда.) Только волны остались Танып= {на этой самой...} на воде’ [КТУ: AZA-09072024_TD_rusalki].

Приведенные выше примеры демонстрируют «близкий» поиск [Подлесская, Кибрик 2009: 185], при котором говорящий уже выбрал форму, но колеблется относительно выбора лексемы. Тем не менее при планировании дальнейшего отрезка говорящий может заменить и форму ОС. В корпусе зафиксирован 21 случай **несовпадения в именном оформлении** заместителя и ОС (из 109 контекстов; см. об этом явлении [Podlesskaya 2010: 18—23]), затрагивающих показатели трех именных категорий (падежа, числа и посессивности). Наши данные не позволяют сделать обобщений о закономерностях таких замен. Например, показатель множественного числа может либо добавляться (6), либо исчезать (17)—(18). В послед-

нем случае можно предположить, что, хотя говорящие имеют в виду множественные референты, употребление ОС в единственном числе вызвано особенностями лексем: в (17) выражена гомогенная совокупность, в (18) используется русское существительное, заимствованное в форме множественного числа и сопровождаемое универсальным квантором (см. о выражении именного числа в татышлинском удмуртском [Крюкова 2023a]).

- (17) *marâm-n'os-âz č'o'la-tek... uzi. bori.*
 PH-PL-ACC считать-CAR земляника клубника
 'Этих самых не считая... земляника, клубника' [КТУ: ANF-072019_VI_xozvo].
- (18) *ten' ta marâm-n'os-âz ves' nagotki-jez ten' bič'ä-s'ko-m u'ua.*
 вот этот PH-PL-ACC весь ноготки-ACC вот собирать-PRS-1PL PTCL
 'Вот эти самые все ноготки вот собираем' [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_10trava].

Остальные случаи оформленного использования *marâm* включают компаративный показатель *-ges*. Он является транскатегориальным, т. е. может присоединяться к различным частям речи, выражая сравнение или аттенуативность (см. [Синицына 2022]). В нашей выборке есть четыре примера его употребления при замене на **прилагательное** (ср. (19) с ОС в позиции постпозитивного уточнения) и один пример присоединения *-ges* к заместителю, оформленному локативным показателем и замещающему русскую предложную составляющую (20)¹³.

- (19) *rim agaj kad' marâm-ges ôz lü getiz-ges*
 Рим старший брат как PH-CMPR NEG.PST.3 быть бойкий-CMPR
 '(Кайранов Алик начинал с нами, и в Бирск с ним пять ездили. Но... это самое...) Как брат Рим этим самым не стал, шустрым...' [КТУ: ATN-29072021_VI_14_ensemble].
- (20) *uže marâm-ân-ges... в возрасте-ges val inde.*
 уже PH-LOC-CMPR в_возрасте-CMPR быть.PST уже
 'Уже это самое... уже в возрасте была' [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

В 45 контекстах с *marâm* с именными показателями или *-ges* ОС **не восстанавливается** в правом контексте (21) в какой-либо форме — говорящий планирует дальнейший отрезок речи, не встраивая в него элемент, который может быть проанализирован как ОС. Часть таких употреблений рассмотрена как выражающие неточную номинацию в разделе 3.3.

- (21) *marâm-len šur šü-sa n'im-ä-s'k-e. utar-jel= utar-jelga pala-n van' šur.*
 PH-GEN река говорить-CVB имя-VBLZ-DETR-PRS.3SG Утар-Елга сторона-LOC имеется река
 'У этого самого река называется. Около деревни Утар-Елга есть река' [КТУ: AZA-07082023_TD_marijcy].

3.1.3. Неоформленные употребления *marâm*

Как показано в разделе 3.1.2, *marâm* может замещать именные части речи, принимая их морфологическое оформление. Однако прилагательные и существительные во многих контекстах не имеют выраженного показателя. Существительное без падежного окончания встречается в том числе в позициях подлежащего, именного сказуемого, аппозитивного зависимого, зависимого послелога и неоформленного прямого дополнения (см. о явлении ДОМ в татышлинском удмуртском [Крюкова 2023б]). Замещая такие составляющие, *marâm* также не оформляется показателями. Например, можно предположить, что в (22) эта единица замещает именную группу в позиции сказуемого:

- (22) *vot, so tože dok= doktor sâše marâm... znamen'itij äd'ämi eston'i-is'.*
 вот тот тоже доктор такой PH знаменитый человек Эстония-EL
 'Вот, она тоже доктор, такой этот самый... знаменитый человек из Эстонии' [КТУ: ANF-072019_VI_sijon].

В наших данных *marâm* не присоединяет выраженных показателей в 400 контекстах. Разграничение морфосинтаксически интегрированных употреблений неоформленного заместителя и его использования

¹³ Особенности использования заместителя в контексте переключения кодов не обсуждаются в рамках данной статьи. Отметим, что в нашем материале выявлено 24 случая, в которых *marâm* либо употребляется в русской составляющей, либо замещает ее.

в функции хезитатора, не встроенного в структуру клаузы (см. раздел 3.2), представляет собой аналитическую проблему. Поскольку морфологическое оформление в таких случаях отсутствует, для определения функции неоформленного *marâm* можно опираться на критерий **синтаксической неполноты** — если извлечь эту единицу из составляющей, она станет неполной (например, будет отсутствовать вершина при наличии зависимого). Кроме того, можно предположить, что неоформленный заместитель *marâm* имеет дистрибуцию, сходную с дистрибуцией оформленных вариантов, в частности 1) позиция ОС относительно него может быть как контактной, так и дистантной; 2) ОС может иметь различную частеречную принадлежность и размер. Не считая употреблений с глаголом *karânâ* (см. раздел 3.1.4), к препаративной подстановке относятся 99 вхождений¹⁴, а 104 являются неоднозначными между подстановкой и хезитатором.

Применимость критерия синтаксической неполноты варьирует в зависимости от взаимного расположения заместителя и ОС и от типа последней. При дистантном расположении элементов наиболее показательны случаи повторения составляющей со вставкой ОС в ту же позицию, которую занимает заместитель, ср. частичный повтор клауз с восстановленной именной частью сказуемого (23) и неоформленным прямым объектом (24).

- (23) *ob= e= obkom-ân jevâl, tatâšti rajon-ân*
 обком-LOC быть.NEG Татышлы район-LOC
mon marâm val. ě'len val u'ua marâm-ân.
 я PH быть.PST член быть.PST PTCL PH-LOC
 'Об... не в обкоме, в Татышлинском районе я это самое была. Членом была в этом самом' [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

- (24) *“ojdo pe marâm bas't-o-mâ, anaj, [ataj-en], mašina pe bas't-ome”, šü-e in'i.*
 давай CIT PH брать-FUT-1PL мать отец-INS машина CIT брать-NORT говорить-PRS.3SG уже
 '«А давай эту самую купим, мама [и папа], давай машину купим», — говорит' [КТУ: RVV-10072024_IKh_foto-podarok].

Как и оформленные, неоформленные ОС могут встречаться в позиции постпозитивного уточнения (25)—(26). Хотя в этих примерах нет повторения структуры, а в (26), кроме того, ОС, в отличие от *marâm*, имеет показатели лица и числа, критерий синтаксической неполноты указывает на то, что *marâm* используется в функции подстановки.

- (25) *kârdon-ân ž'üs'= ž'üs' marâm val škola.*
 Кордон-LOC русский PH быть.PST школа
 'В Кордоне русская эта самая была, школа' [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_1osebe].
- (26) *so-os-len no starinnij marâm es' inde, mon'eta-jos-sâ otân.*
 тот-PL-GEN ADD старинный PH PTCL PTCL монета-PL-POSS.3PL там
 'У них старинные эти самые ведь, монеты там' [КТУ: GRG-072019_VI_moscow].

Помимо существительных, такие конфигурации доступны для ОС, выраженных именными группами с зависимым (27) и прилагательным (28), как и в случае оформленных употреблений *marâm*:

- (27) *nu nâr-o mil'am, marâm inde so... ž'arat-on s'ij-on, pôr inde.*
 ну нос-PROP мы.GEN PH уже тот любить-VN есть-VN стряпня уже
 'Ну «ныро» у нас, это самое это уж... любимое блюдо, выпечка' [КТУ: ATN-29072021_VI_11_bljuda].
- (28) *kâše marâm val, šuldâr, šuldâr val.*
 какой PH быть.PST веселый веселый быть.PST
 'Как же было, это самое, весело, весело' [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_9letom].

Кроме того, в некоторых контекстах можно предположить замещение целых глагольных групп и больших составляющих. Например, в (29) на месте *marâm* восстанавливается сериальная конструкция, в (30) — модальный глагол с инфинитивным компонентом, в (31) — глагольная группа с зависимым, в (32) — клаузалый компонент глагола речи, в (33) — целая клауза. Всего выявлено 34 случая, в которых *marâm* занимает предикативную позицию и замещается на составляющие разного объема. Использование неоформленной единицы для замещения таких составляющих отмечается в других языках

¹⁴ Из них 10 могут демонстрировать неточную номинацию (см. раздел 3.3).

(см. о несогласованном *это* для замены глагольных групп в русском языке [Подлеская, Кибрик 2009: 186] и понятии «дефолтного заместителя» (англ. *default placeholder*) в [Podlesskaya 2010: 18—19]).

- (29) *uže naverno marâm dâr inde, najaltâ-sa kâl'l'-em dâr in[de]*,
уже нав.рн нав.р.т.сл. CVV лежать-р.ст.2 нав.р.т.сл.
'Уже, нав.р., это самое, нав.р., сл.дл., нав.р. (за тем, как я кошу)' [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_9letom].
- (30) *nu vala-nâ vala-lo u'ua, no marâm inde... vera-nâ ug bôgat-o inde*.
ну понимать-INF понимать-р.ст.3рл. т.сл. но рн уже говорить-INF н.г.р.ст.3 мочь-3рл. уже
'Ну, понимать понимают, но это самое {уже}... Разговаривать уже не могут' [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_4jazyki].
- (31) *ari... marâm inde u'ua. u'mor'-lâ-ges kâst-is'k-e inde*.
Ари рн уже т.сл. удмурт-DAT-CMPR тянуть-DETR-р.ст.3сг. уже
'(Арибаш, Арибаш-то...) Ари, Ари... Это самое, да ведь. Ближе к удмуртскому [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_3Aribash].
- (32) *i marâm šû-i-z. vot tatân, šû-e gid...*
и рн говорить-р.ст-3сг. вот здесь говорить-р.ст.3сг. гид
'И это самое сказал. «Вот здесь», — говорит гид...' [КТУ: BFI_ShTT-02082023_EK_razgovory-abkhazia].
- (33) *no marâm es'. pens'i vozrast-ez bud-et-i-zâ*.
но рн т.сл. пенсия возраст-ACC расти-CAUS-р.ст-3рл.
'(Ну, до пенсии недалеко оставалось,) но это ведь. Пенсионный возраст подняли' [КТУ: FVV_RFG_05072019_IKh_VD_dialog].

Наконец, неоформленные употребления *marâm* могут не сопровождаться восстановлением ОС, если, столкнувшись с речевым затруднением и уже произнеся составляющую, включающую заместитель, говорящий полностью меняет свое коммуникативное намерение. Например, в (34) рассказчица отказывается от коррекции проблемной клаузы, признавая речевое затруднение, в (35) отсутствующий предикат восстановлен переводчиком, исходя из общего контекста.

- (34) *koč'âš bâž jevâl, mi marâm šû-is'ko-m val,*
кошка хвост быть.NEG мы рн говорить-р.ст-1рл. быть.р.ст.
mon so-in ž'ûs' s'ain n'im-ze no ug tod-is'kâ.
я тот-INS русский по имя-ACC.POSS.3сг. ADD н.г.р.ст.1 знать-р.ст.
'Не кошачий хвост, мы это самое говорим, я даже не знаю, как по-русски будет' [КТУ: ATN-29072021_VI_9_rastenija].
- (35) *mi peres'-en ul-em ber-e tem бо́лее marâm inde so peres' marâm-jos-âz uže.*
мы старый-INS жить-NMLZ зад-ILL рн уже тот старый рн-рл-ACC уже
'(Вот с давних пор передается это,) мы жили с родителями и тем более [знаем] эти традиции уже' [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_3bakcha].

Тем не менее многие употребления неоформленной единицы *marâm* не интерпретируются однозначно как демонстрирующие препаративную подстановку или хезитацию (см. обсуждение этой проблемы в [McDonnell, Billings 2025; Billings, McDonnell 2025]). Если рядом с *marâm* **контактно** расположен элемент, который не оформлен морфологическим показателем и может считаться ОС, как в (36)—(38), эти элементы конкурируют за одну синтаксическую позицию, и критерий синтаксической неполноты оказывается неприменимым: в таком случае *marâm* может выполнять функцию показателя препаративной подстановки неоформленного имени или хезитатора (см. обсуждение контекстов этого типа также в [McDonnell, Billings 2025: 184—185])¹⁵. К неоднозначным мы относили употребления *marâm*, которые

¹⁵ Дополнительным критерием разграничения могут быть просодические характеристики употреблений. Хезитаторы составляют отдельные просодические единицы, в то время как подстановки интегрированы в клаузу и могут копировать просодическое оформление ОС [Pakendorf, Rose 2025: 24—25; Подлеская, Коротаев 2022]. Анализ просодических свойств — в том числе для разрешения проблемных случаев — мы оставляем для будущих исследований. Отметим, что в [Pakendorf, Rose 2025: 27—28] указывается, что анализ просодических данных также не всегда дает однозначный результат.

соседствуют как с неоформленными ОС (36), так и с ОС, имеющими показатели числа и посессивности (37)—(38).

- (36) *piz' pâr-t-is'ko-∅, marâm, kistäbej pôra-s'ko-∅.*
 мука входить-CAUS-PRS-1SG PH кыстыбый стряпать-PRS-1SG
 ‘Заношу муку, готовлю {этот самый} кыстыбый’ [КТУ: NSSh-01082022_TD_kystybyj2].
- (37) *udmurtskij marâm dis'-s'os dis'-a-t-i-zâ, šäl'-l'os.*
 удмуртский PH одежда-PL одежда-VBLZ-CAUS-PST-3PL шаль-PL
 ‘Удмуртский, этот самый, костюм надели, шали [накинули]’ [КТУ: NAM-30072022_AB_svadba2].
- (38) [*mânam marâm svekpo= sv'okr-e*] {...} *pe šû-e.*
 я.GEN PH свекр-POSS.1SG CIT говорить-PRS.3SG
 ‘И мой свекор говорит, (что сноха, оказывается, хорошо косит траву)’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_9letom].

Синтаксические позиции, в которых находятся неоформленные употребления *marâm*, связанные с подстановкой, приведены в таблице 3. В большинстве примеров подстановка затрагивает позицию либо подлежащего (см. (25)—(26), (38)), либо сказуемого (см. (22)—(23), (27)—(31), (35)), реже — прямых дополнений (см. (24), (34), (36)—(37)), а также случаев, где можно предположить замену клаузы (см. (32)—(33)), неоформленного зависимого имени или комплемента послелога (как в (39)¹⁶), либо обстоятельства (как в (40)), где *marâm* может заменять наречие.

- (39) *č'ukaz'-a-z op'ät' marâm agajmurt pala mâ-s'ko-m salam-en.*
 утро-LOC/ILL-POSS.3SG опять PH мужчина сторона.ILL идти-PRS-1PL гостинец-INS
 ‘На завтрашний день опять едем домой к жениху (букв. ‘на мужскую сторону’) с гостинцами’ [КТУ: NAM-30072022_AB_svadba2].
- (40) *obš'ij pitan'i gine, tuž marâm, ber-ges lü-i-z,*
 общий питание только очень PH поздно-CMPR быть-PST-3SG
 ‘Общее питание только, {очень} это самое, позже появилось, (в наших краях, да ведь)’ [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

Таблица 3. Синтаксические позиции неоформленных употреблений *marâm* в КТУ

Позиция	Кол-во вхождений
подлежащее	73
сказуемое	84
прямой объект	28
клауза ¹⁷	8
атрибутив	4
обстоятельство	4
комплемента послелога	2

Таким образом, если *marâm* употребляется без выраженного морфологического показателя, установить его функцию помогает синтаксическая позиция. Легче всего ее определить, если говорящий сначала завершает клаузу с заместителем, а затем повторяет ее, подставляя ОС, использует ее в качестве постпозитивного уточнения или вообще не восстанавливает. Случаи контактного расположения заместителя и ОС осложняют применение синтаксического критерия, из-за чего мы классифицируем их как неоднозначные.

3.1.4. Конструкция *marâm karânâ*

Заместитель *marâm* не присоединяет напрямую глагольные показатели. Как видно из примеров (29)—(31), при замене составляющих, возглавляемых глаголом, используется неоформленный замести-

¹⁶ Это пример неоднозначен между хезитатором и подстановкой. Кроме того, если *marâm* употребляется в функции подстановки, встает вопрос, заменяет ли он комплемент предлога или всю послеложную группу. Второй пример с послелогом обсуждается в разделе 3.3, см. (78).

¹⁷ Учтена также позиция сентенциального актанта.

тель, однако чаще применяется особая конструкция — сочетание *marâm* со спрягаемым глаголом *karânâ* ‘делать’, копирующим морфологическое оформление ОС. В нашей выборке насчитывается 82 подобных примера (см. (41)).

- (41) *az'lo aribaş gâne şü-o-zâ val, sebre*
раньше Арибаш только говорить-FUT-3PL быть.PST затем
aribaşevo... marâm kar-i-zâ u'ça... kôç'âr-i-zâ.
Арибашево РН делать-PST-3PL PTCL переписать-PST-3PL
‘Раньше просто Арибаш называли, потом в Арибашево... Это самое, да ведь... Переименовали’
[КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_3Aribash].

В описаниях литературного удмуртского сочетание *марым карыны* фиксируется со значением ‘делать что-то’ [Борисов (ред.) 1932: 178; Вахрушев и др. (ред.) 1983: 276], см. также перевод в примере (42).

- (42) *тон марым кар-Ø ветлы-Ø отчы*
ты РН делать-IMP ходить-IMP туда
‘ты вот что сделай: сходи-ка туда’ [Вахрушев и др. (ред.) 1983: 276].

В КТУ сочетание *marâm karânâ* в 26 примерах выполняет функцию препаративной подстановки с последующим восстановлением ОС, еще в 40 случаях она засвидетельствована без восстановления ОС. Глагол *karânâ* при подстановке принимает ту же форму, что и отложенная составляющая, заменяя как непереходные (43), так и переходные предикаты (44)—(45). Примеры (44)—(45) показывают, что *marâm karânâ* может заменять не только глаголы, но и целые глагольные группы с зависимыми. Возможность заменять составляющие разного объема с глагольной вершиной и отсутствие ограничений на переходность отмечается и в других языках со сходной конструкцией (см. об удинском и агульском языках [Ganenkova et al. 2010: 104—107]).

- (43) *mil'am so ansambl' kal'll'en-kal'll'en... marâm kar-i-z, jevâl-e pot-i-z.*
мы.GEN тот ансамбль тихо-тихо РН делать-PST-3SG быть.NEG-ILL выходить-PST-3SG
‘(Когда он перестал работать в школе,) у нас этот ансамбль потихоньку... это самое, исчез’ [КТУ: ATN-29072021_VI_14_ensemble].

- (44) *i marâm kar-i-zâ. avtobus-ez vaj-i-zâ no,*
и РН делать-PST-3PL автобус-ACC привозить-PST-3SG ADD
sultâ-t-i-zâ nрямо= пропастъ.
вставлять-CAUS-PST-3PL
‘И что еще делали. Автобус привезли, поставили прямо в пропасть’ [КТУ: BFI_ShTT-02082023_EK_razgovory-abkhazia].

- (45) *vü-e taz'â l'uka-sa marâm kar-o-zâ val no... žug-is'k-on... kâtân*
вода-ILL так собирать-CVB РН делать-FUT-3PL быть.PST ADD бить-DETR-VN где
žug-is'k-on lü-em, otč'â lez'-o-zâ val vü-eti.
бить-DETR-VN быть-PST2 туда отправлять-FUT-3PL быть.PST вода-PROL
‘[Эти бревна] На воду так складывали и это самое... Война... Где была война, туда отправляли по воде’ [КТУ: ShMM-12082022_TD_pro_zhizn].

Помимо темпоральных и лично-числовых показателей, в двух случаях *karânâ* оформляется маркером глагольной множественности:

- (46) *raznâj trad'ici-jos tože marâm karâ-l-o.*
разный традиция-PL тоже РН делать-ITER-PRS.3PL
‘...Разные традиции тоже это самое [соблюдают]’ [КТУ: ATN-29072021_VI_2_udmurt_slova].

Конструкция *marâm karânâ* может замещать нефинитные формы. В нашей выборке встретились инфинитив (47), номинализация (48) и деепричастие на *-sa* (49). Некоторые случаи употребления последней формы близки к хезитативным и обсуждаются в разделе 3.2.

- (47) *gorodskoj ulos-ez... gu= ž'e= marâm gurt ulos-en*
городской жизнь-ACC РН деревня жизнь-INS
даже... близко marâm karâ-nâ, voštâ-nâ riza jevâl.
РН делать-INF менять-INF согласный быть.NEG
‘Городскую жизнь... На сельскую жизнь даже... Близко поменять не согласна’ [КТУ: ATN-09082022_TD_o-prirode-i-derevne].

- (48) *ves' ž'uč' s'äin marâm kar-em ber-e so u'ua.*
 весь русский по РН делать-NMLZ зад-ILL тот PTCL
 'Всё по-русски понимая, это самое...' [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].
- (49) *so-iz marâm karâ-sa vü-i-zâ bas'tâ-sa.*
 тот-POSS.3SG РН делать-CVB приходить-PST-3PL брать-CVB
 '(Потом льняное семья.) Его тоже {это самое делаю} приезжали, забирая' [КТУ: ShMM-12082022_TD_pro_zhizn].

Девять контекстов содержат отрицание: в двух показатель отрицания выражен в глагольной словоформе (50), в шести — отрицательным глаголом, предшествующим как *marâm*, так и форме коннегativa (см., например, (51)).

- (50) *so-os so mon'eta-zes marâm kar-il'l'a-m-te es' in'i.*
 тот-PL тот монета-ACC.POSS.3PL РН делать-2/3PL-PST2-NEG PTCL уже
uks'o-lâ berâkt-il'l'a-m-te.
 деньги-DAT возвращать-2/3PL-PST2-NEG
 '(Если так посмотреть, ведь эти старики, какие бы ни были тяжелые годы,) они эти монеты не это самое ведь. На деньги не меняли' [КТУ: ATN-29072021_VI_5_kostum].
- (51) *so tin'i u'mort s'äin vera-nâ ug marâm karâ inde.*
 тот вот удмуртский по говорить-INF NEG.PRS/FUT.3 РН делать уже
ž'üs' s'äin vera-Ø.
 русский по говорить-PRS.3SG
 'Она вот по-удмуртски говорить не это самое. По-русски говорит' [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_4jazyki].

Среди всех примеров с *marâm karânâ* в нашей выборке зафиксирован только один случай разрывного использования частей конструкции (52), где компоненты разделены отрицательным глаголом. Можно предположить, что такое расположение связано с тем, что в (52) представлена не конструкция *marâm karânâ*, а сочетание *karânâ* с русским инфинитивом *вникать*, который и заменяет *marâm* (русские глаголы заимствуются в удмуртский в форме инфинитива и употребляются с глаголом 'делать' [Arkhangelskiy 2019; Белова рук.]). Сходный анализ возможен еще для одного случая (53). Инфинитив в таких конструкциях располагается перед отрицательной частицей (как в (52)), что отличает конструкцию с *marâm* от конструкций с русским инфинитивом (см. о татышлинском говоре [Белова рук.]; это различие отмечено в бесермянской грамматике [Arkhangelskiy et al. 2026: 295]).

- (52) *mon marâm ug kar-is'kâ val,*
 я РН NEG.PRS/FUT.1SG делать-PRS быть.PST
вникать ug kar-is'kâ val дальше.
 NEG.PRS/FUT.1SG делать-PRS быть.PST
 'Я не это самое, не вникала дальше' [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].
- (53) *so dâr-oz', видимо, vič' ares dâr-oz'-az,*
 тот время-TERM пять возраст время-TERM-POSS.3SG
marâm karâ-m-te vâl-em, замечать karâ-m-te vâl-em.
 РН делать-PST2-NEG быть-PST2 делать-PST2-NEG быть-PST2
 'До этого, видимо, до пяти лет, она не это самое, не замечала' [КТУ: ATN-29072021_VI_7_govor].

В некоторых случаях использование *marâm karânâ* в функции препаративной подстановки можно анализировать как имеющее дополнительную функцию. Так, в примере (54) употребление *marâm karânâ* предваряет новый фрагмент дискурса: после клаузы с ним начинается рассказ о том, что делают на Пасху ('вот что делаем'). О других возможных функциях см. раздел 3.3.

- (54) *min'= sperva mi marâm kar-is'ko-mâ büž'inal-e. palez' pü va-is'ko-m.*
 сперва мы РН делать-PRS-1PL Пасха-ILL рябина дерево принести-PRS-1PL
 'Сперва мы делаем следующее на Пасху. Приносим ветки рябины. (Топим баню. Ломаем эти ветки рябины)' [КТУ: NAM-04082022_VO_pasxa].

Таким образом, сочетание *marâm karânâ* используется в татышлинском удмуртском для замещения составляющих с глагольной вершиной: заместитель в ней является неоформленным, различные глаголь-

ные показатели принимает глагол ‘делать’. Позиция отрицания показывает, что конструкция *marâm karânâ* отличается по структуре от другой конструкции с глаголом *karânâ*, включающей заимствованный русский инфинитив.

3.2. Хезитация

Определяющей чертой показателя хезитации является его неинтегрированность в структуру клаузы, поэтому при разметке конкретных употреблений *marâm* в этой функции применялись отрицательные критерии: отсутствие у этой единицы морфологического оформления и синтаксической роли (см. [Hayashi, Yoon 2006: 512—513; Pakendorf, Rose 2025: 2, 11—13] и др.). С этим связана аналитическая трудность отличия неоформленных препаративных подстановок от хезитаторов. Мы размечали как хезитаторы такие случаи использования *marâm* без морфологически выраженных показателей, которые при их извлечении из клаузы не создают синтаксической неполноты и которые не находятся контактно с составляющей, претендующей на роль ОС (см. раздел 3.1.3). Эти критерии соблюдаются в 114 контекстах в нашей выборке, неопределенный статус между подстановкой и хезитатором имеют 104 употребления.

Остановимся на наиболее частых позициях *marâm* в функции хезитатора. Одна из них — **внутриклаузная** (58 контекстов), как в (55)—(56)¹⁸.

- (55) *mon tožâ n'il' ar ċ'ože xor-e ve'l-i-Ø, marâm, peduč'il'iš'e-jân no.*
я тоже четыре год в_течение хор-ILL ходить-PST-1SG PH педучилище-LOC ADD
‘Я тоже четыре года ходила на хор, это самое, и в педучилище’ [КТУ: ATN-29072021_VI_14_ensemble].
- (56) *turâm ke pâr-t-is'ko-Ø, kûn'an'-n'os-lâ u'ua, skal'-l'os-lâ,*
трава если входить-CAUS-PRS-1SG теленок-PL-DAT PTCL корова-PL-DAT
marâm, bert-onti-ja-zâ, ač'-iz äjbât.
PH возвращаться-NMLZ.PLACE-LOC/ILL-POSS.3PL REFL-POSS.3SG хорошо
‘Если сено заносу телятам, коровам, это самое, к их приходу, это уже хорошо’ [КТУ: SMA-12082022_NK_4_semja].

В [Подлесская, Кибрик 2009: 178—179] противопоставляются две причины речевых сбоя. В первом случае затруднение возникает, когда один речевой отрезок завершен, а планирование следующего еще не закончено (как в обсуждаемых выше примерах с препаративной подстановкой в разделе 3.1). Во втором — говорящий оценивает уже произнесенный отрезок как не соответствующий его намерениям и исправляет его: повторяет «**забракованный**» фрагмент в скорректированном виде или полностью заменяет. Такие **самоисправления** часто сопровождаются хезитативными явлениями — паузами и использованием единиц-хезитаторов. Единица *marâm*, оформленная или нет, встречается в нашем материале в 23 контекстах после забракованного фрагмента (ср. примеры с обрывом слова и повторением (57), перестройкой (58) и полной отменой предыдущего фрагмента (59)). В 17 из них можно говорить о наличии препаративной подстановки (в том числе в 12-ти с неоформленным *marâm*), однако можно предположить, что *marâm* возникает и как хезитатор при обнаружении говорящим проблемы с уже произнесенным речевым сегментом по крайней мере в семи примерах, подобных (57)—(59).

- (57) *udmurt k= marâm, u'mort kal-en dašet-is'-les' ž'ua-lo-Ø aj.*
удмурт PH удмурт язык-INS учить-PTCP.ACT-GEN2 спрашивать-FUT-1SG PTCL
‘(Даже хотела уже позвонить, но потом думаю: остановись-ка,) спрошу-ка я лучше у учителя удмуртского языка’ [КТУ: ATN-29072021_VI_6_jazyk].
- (58) *daže n'= marâm âšan-is'= âšanâ-te' no mân-i-m ej.*
даже PH верить-PTCP.ACT верить-CVB.NEG ADD идти-PST-1PL PTCL
‘(Первый раз) мы даже не поверили, (что мы в Москву едем)’ [КТУ: GRG-072019_VI_moscow].
- (59) *in'i oz'â kûn', marâm, kâk pič'i bakč'a.*
уже так три PH два маленький огород
‘(Три... у нас два маленьких сада-огорода и один большой огород. ...) И так три, ну, два маленьких сада-огорода’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_3bakcha].

¹⁸ Обратим внимание, что в таких случаях *marâm* часто реализуется кратко, не интегрирован просодически и окружен паузами, что в (55)—(56) отражается выделением этой единицы запятыми. Такие же проявления хезитативной функции отмечены на материале других языков (см. сн. 9), однако полноценное исследование фонетических характеристик в данной работе мы не предпринимаем.

В исследованиях отмечается, что заместители могут приобретать дополнительные функции структурирования дискурса. Так, заместитель может сигнализировать о **начале реплики** (ср. «to signal the beginning of a turn of talk» [Podlesskaya 2010: 20]; см. также [Pakendorf, Rose 2025: 17]). На возможность такого предваряющего употребления заместителя в удмуртском языке указывает пример (60), а также семь контекстов в КТУ. В (61)–(62) приведены примеры из одного диалога, где собеседники используют *marâm* в начале своих реплик, как можно предположить, обозначая свое намерение продолжить диалог и получая время для планирования реплики.

(60) *Марым -а, Олёш.*

РН =Q Алёша

‘Вот чего, Алёша’ (Багай Аркаш. Перепеч. Перевод [Борисов 1937: 179]).

(61) *marâm... nuriman rajon-ân no kâzâl'l'ar gurt.*

РН Нуримановский район-LOC ADD Кызыл-Яр деревня

‘([GRG] Кизляр. Кизляр ведь еще говорят. [ShKI]) Это самое... В Нуримановском районе тоже село Кызыл-Яр’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_4_kyzyljar].

(62) *marâm... ki-jen ara-lo.*

РН рука-INS жать-PRS.3PL

‘([ShKI] Денег не давали, что это за трудодни, так говорили. [GRG]) Это самое... Руками жнут, (за ручную жатву ложку муки давали раньше)’ [КТУ: GRG_ShKI-072019_VI_4_kyzyljar].

В 42 случаях можно предположить, что говорящий использует *marâm*, завершив один речевой отрезок и указывая на то, что он намерен продолжить свою реплику, однако еще не запланировал составляющую с конкретными характеристиками, ср.:

(63) *m'ata pa= so pala, mân-ono val= mân-ono*

мята тот сторона.ILL идти-DEB быть.PST идти-DEB

val tân'i, marâm. kù vaxât šod'tă-sa mânâ-nâ kule.

быть.PST вот РН когда время найти-CVB идти-INF нужно

‘За мятой в ту сторону надо пойти вот, это самое. Надо найти время, чтобы туда пойти’ [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_10trava].

Отдельный вопрос связан с тем, носят ли хезитативный характер некоторые из **употреблений конструкции *marâm karâsa***. 16 из 26 примеров, содержащих конструкцию *marâm karânâ* (см. раздел 3.1.4) в форме деепричастия на *-sa* (см. о его свойствах [Danilova 2026: 10–17]), можно однозначно отнести к хезитативным, еще два контекста могут интерпретироваться как включающие либо хезитацию, либо подстановку. Выполняя разметку, мы руководствовались правилами, сформулированными выше для неформальных употреблений *marâm*: контексты, где *marâm karâsa* выполняет хезитативную функцию, синтаксически не интегрированы в структуру клаузы (часто располагаясь на ее периферии), могут быть удалены без появления синтаксической неполноты и не сопровождаются контактным или дистантным восстановлением ОС в правом контексте (см. (64)–(66)). Отметим, что 13 из 16 однозначно хезитативных и оба неоднозначных употребления принадлежат одному носителю.

(64) *so-os ved' ba'ž'ân-es' nač'al'stvo val sokâ. marâm karâ-sa...*

тот-PL ведь большой-PL начальство быть.PST тогда РН делать-CVB

tatân, šü-is'ko-Ø mon... zajdul'in val mil'am partorg.

здесь говорить-PRS-1SG я Зайдуллин быть.PST мы.GEN парторг

‘Они ведь большие начальники были тогда. Это самое делали... Здесь, говорю я... Зайдуллин был у нас парторг’ [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

(65) *kâtiki-jos ba'ž'âm klas-e, č'amâs-e lâkt-o-zâ val, s'iz'âm-e lâkt-o-zâ*

Кытка-Елга-PL большой класс-ILL восемь-ILL прийти-FUT-3PL быть.PST семь-ILL прийти-FUT-3PL

val u'ua, tin' soz'â... marâm karâ-sa, kompakt ūan' val ôžât

быть.PST PTCL вот так РН делать-CVB компактный имеется быть.PST немного

‘И кытки-елгинские в старшие классы, в восьмой приходили, в седьмой приходили, вот так вот... Это самое, компактно было немножко’ [КТУ: SMA_SIN-12082022_NK_1_detstvo].

(66) *uk-i-Ø русский яз= е, удмуртский язык, литература ūan val'*

учить-PST-1SG INTJ

имеется быть.PST

uʔua. so-os-âz äjbât uk-i-Ø mon, marâm karâ-sa.

PTCL тот-PL-ACC хорошо учить-PST-1SG я PH делать-CVB

‘Учила русский... э, удмуртский язык, и литература была. Их хорошо учила я, это самое’ [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_4jazyki].

К неоднозначным примерам стоит отнести (67), где *marâm karâ-sa* может интерпретироваться как показатель хезитации или препаративной подстановки для глагольной формы *šüâ-sa* и ее комплементов:

(67) *aʔa, so-os ved' mil'-es't-âm... na každyd šaɣu, na každyd marâm-ez č'otla-sa kâl'l'-o-zâ*
INTJ тот-PL ведь мы-GEN2-POSS.1 PH-ACC считать-CVB лежать-FUT-3PL

val, marâm karâ-sa. ton kâtân val aj, ma-lâ oz'â ôd les't =ej, ma-lâ oz'â
быть.PST PH делать-CVB ты где быть.PST PTCL что-DAT так NEG.PST.2 делать =PTCL что-DAT так

ôd kar-e šüâ-sa, so-os ž'ua-l'l'a-lo val ättä srazu, šü-is'ko-Ø mon.
NEG.PST.2 делать-PL говорить-CVB тот-PL спросить-ITER-PRS.3PL быть.PST часто сразу говорить-PRS-1SG я

‘Ага, они ведь у нас... На каждом шагу, на каждом это самое считали, это самое. Где ты был, почему так не сделал, почему так не сделали, они спрашивали всё время сразу, я говорю’ [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

Использование *marâm karâ-sa* в примерах (68)–(69) может быть проинтерпретировано как хезитация или как препаративная подстановка, которая не была затем завершена вследствие изменения коммуникативного намерения говорящего:

(68) *tünne ke ôz lû, šukaje lu-o-z, šu-o val dâšet-is'-jos*
сегодня если NEG.PST.3 быть завтра быть-FUT-3SG говорить-PRS.3PL быть.PST учить-PTCP.ACT-PL

marâm karâ-sa uʔua. i oz'â ik lû-e val, šü-is'ko-Ø mon.

PH делать-CVB PTCL и так EMPH быть-PRS.3SG быть.PST говорить-PRS-1SG я

‘(Тетради давали, ручки давали, и если мы не находили, «Не плачьте, не плачьте»), если сегодня не будет, завтра будет, говорили учителя и это самое делали. И так же случилось, говорю я’ [КТУ: SMA-SIN-12082022_NK_1_detstvo].

(69) *âʔ, tolalte ke lû-i-z= so ž'ar-ân ântâg-is'ko-m val, mi marâm karâ-sa. uʔu.*
INTJ зима если быть-PST-3SG тот гора-LOC мучиться-PRS-1PL быть.PST мы PH делать-CVB угу

‘Угу, если зима настанет, на этой горе мучаемся, мы, это самое. Угу’ [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

3.3. Неточная номинация и другие случаи отсутствия ОС

В нашем материале часто встречаются ситуации, в которых говорящий, употребив маркер *marâm* (в том числе оформленный морфологическими показателями), продолжает речь, не встраивая в нее единицу, которая может быть проанализирована как ОС. Так, из 256 контекстов, классифицируемых нами как включающие препаративную подстановку (без учета случаев, неоднозначных между хезитатором и подстановкой), 78 не содержат ОС (около 30,5 %). Как показывает обсуждение примеров (4), (21), (34)–(35), а также (46), (48), (51) и др. с конструкцией *marâm karânâ*, такие употребления по свойствам сходны с каноническими примерами препаративной подстановки и возникают, если говорящий перестраивает дальнейший речевой отрезок.

Кроме того, можно отметить четыре случая, в которых заместитель не сопровождается восстановлением ОС в правом контексте, однако ему предшествует составляющая, оформленная теми же морфологическими показателями (см. (70)–(72)). Подобные примеры могут рассматриваться как препаративная подстановка (если предположить, что рассказчицы хотели добавить уточнение), но возможно и их употребление в качестве хезитатора **по инерции** (см. [Багирова и др. 2024: 232]), когда говорящий автоматически дублирует морфологическое оформление предыдущей составляющей.

(70) *muket rajon-jos-ân, oz'â, tăn'i tanâp... agro-tanâp-ân, marâm-ân...*

другой район-PL-LOC так вот Танып Агро-Танып-LOC PH-LOC

‘В других районах, да, вот Танып... В «Агро-Таныпе», в этом самом... (Оттуда из соседней деревни многие замуж вышли [сюда])’ [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_2narody].

(71) *furaž-ez ves'... nuld-is'ko-m tin'i kujadi-je marâm-e.*

фураж-ACC весь возить-PRS-1PL вот Куета-ILL PH-ILL

‘Отвозили вот в Куету, в это самое. (Тяжело было, тяжело)’ [КТУ: ShMM-12082022_TD_pro_zhizn].

- (72) *vošja-sa, marâm karâ-sa, mâ-s'ko-m val.*
 менять-CVB PH делать-CVB идти-PRS-1PL быть.PST
 ‘Менялись, это самое, ездили’ [КТУ: SMA-12082022_NK_3_sport]¹⁹.

Такие катафорические отношения, по-видимому, возможны и при дистантном расположении элементов. В примере (73) говорящий использует форму 1-го л. ед. ч. настоящего времени *marâm karis'ko*, возвращаясь к ранее обсуждавшейся теме после небольшого отступления (носитель объясняет, что зять по-татышлински *kijoŋ*).

- (73) *šii-is'ko-Ø kijoŋ-lâ, zять kijoŋ po-našemu, oz'â ved' inde. marâm kar-is'ko-Ø.*
 говорить-PRS-1SG зять-DAT зять так ведь уже PH делать-PRS-1SG
 ‘(Катя, говорю, зять поздравь с Днем рождения.) Говорю зятю, зять — *kijoŋ* по-нашему, так ведь, да. Это самое делаю. (Я в Токио, говорит, приехали справить День рождения Алеши, говорит, в Японию)’ [КТУ: AZA-01082023_VI_3_plemannik].

В предыдущих исследованиях заместителей отмечено, что употребления без ОС могут быть связаны не только с речевым затруднением, но и с выбором говорящего (см. раздел 2). В таких контекстах заместители могут развивать референциальные функции, в том числе использоваться в значении неопределенной референции (англ. *arbitrary reference*) [Pakendorf, Rose 2025: 26]. В [Подлеская, Хуршудян 2006: 437—439] подобные случаи, когда говорящий намеренно не подбирает альтернативное лексическое средство, называются **неточной номинацией**. Разграничение препаративной подстановки без восстановления ОС и неточной номинации затруднительно, однако можно предположить, что первая скорее будет сопровождаться дополнительными маркерами речевых сбоев, чем намеренное употребление заместителя.

Мы разметили 29 вхождений *marâm* как потенциально выражающих неточную номинацию (из них 9 — в составе конструкции *marâm karânâ*; см. ниже). Например, в (74) заместитель с показателем множественного числа прилагательного *-es'* встречается в обсуждении растения «манжетка»: рассказчица объясняет его удмуртское название, указывая на необычную форму листьев. Наличие перед *marâm* местоименного прилагательного *sâše* ‘такой’ и отсутствие сопровождающих показателей речевого сбоя позволяют предположить, что использование *marâm* вызвано неточной номинацией в условиях, когда подбор точного обозначения принципиально затруднен. Сходную мотивацию можно допустить и для примеров (75)—(76).

- (74) *koč'âš-len pâd-âz tože sâše marâm-es', so-in koč'âš pâd.*
 кошка-GEN нога-POSS.3SG тоже такой PH-PL тот-INS кошка нога
 ‘([Интервьюер] Кошачья лапа, угу. [ATN] Ага, вот.) У кошки лапы тоже такие, поэтому кошачья лапа. (Или, например, мать-и-мачеха у нас «жабий лист»)’ [КТУ: ATN-29072021_VI_9_rastenija].
- (75) *â'â, sâše marâm-n'os ôj val.*
 INTJ такой PH-PL NEG.PST.3SG быть.PST
 ‘(Вот так жили. И никто никого не обижал.) Угу, ничего такого не было’ [КТУ: SMA-12082022_NK_2_rabota].

- (76) *vs'o, ŋan' marâm-jos-âz, les'tâ-nâ možno kâzâr.*
 всё все PH-PL-ACC делать-INF можно сейчас
 ‘(Солянку делать можно.) Всё, все эти самые сейчас можно делать. (В интернете смотрим и делаем всё сейчас)’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_4zagotovki].

Кроме того, намеренное употребление возможно в (77)—(78), где также вряд ли удастся восстановить точное обозначение.

- (77) *no so ber-e katâ tros marâm a'ž'â-l-i-Ø mon, ôj.*
 но тот зад-ILL сильно много PH видеть-ITER-PST-1SG я INTJ
 ‘(Вот так вот. Жили.) Но потом много чего повидала я, ой. (За 40—45 лет)’ [КТУ: ADZ_Urazgildy2-06072024_VI_1osebe].
- (78) *marâm s'aris' [vera-lo-d a], č'užaj?*
 PH о говорить-FUT-2SG Q бабушка_по_матери
 ‘Поговоришь о чем-нибудь, бабушка?’ [КТУ: ShMSh_ShAA-30072023_MW_o_zhizni].

¹⁹ Отметим, что этот пример зафиксирован в речи рассказчицы, регулярно использующей сочетание *marâm karâsa* в функции, близкой к хезитативной (см. примеры (64)—(65)), что делает инерционную интерпретацию менее вероятной.

Употребление *marâm* в функции распространителя ('X и подобные', маркер используется вместе с одной из попыток вербализации некоторого смысла [Podlesskaya 2010: 26; Подлеская, Стародубцева 2013: 30]) ограничено контекстами с указательным местоимением *sâše*, например, в (75) и (79), где *marâm* может служить для неточной номинации и распространять существительное 'фотографии и такое что-то'. Продуктивная симилиативная конструкция в татышлинском удмуртском включает использование вопросительного местоимения *mar* 'что' в сочетании *X (no) mar* с дублированием морфологического оформления (см., например, (80)). Свойства этой конструкции в данном идиоме не изучены (см. о бесермянской симилиативной конструкции [Arkhangelskiy et al. 2026: 217—219]).

- (79) *kärtäs'kă kule a, sâše marâm?*

карточка нужно Q такой PH

'Фотографии, такое что-то надо?' [КТУ: MVS-02082023_MW_belogvard_vojna].

- (80) *ĉ'ibin'-jos mar-jos og-ez no jevâl.*

муха-PL что-PL один-POSS.3SG ADD быть.NEG

'(Там никаких, э-э-э, как сказать, э-э-э,) ни мух, ничего такого нет' [КТУ: BHM-05082023_AZh_seychelles].

Из 82 контекстов с *marâm karânâ* 9 можно отнести к случаям неточной номинации. Они включают 4 контекста, где *marâm karânâ* указывает на неопределенное действие, соответствуя по смыслу словосочетанию 'что-то делать' (81), и 6 примеров, где действие, которое имеется в виду, можно примерно восстановить из контекста (82)—(83).

- (81) *karate. vначале marâm karâ-l-i-z. aзы знает уже.*

PH делать-ITER-PST-3SG

'Карате. Вначале делала что-то. Азы знает уже' [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].

- (82) *al'i NAME mânâm maska les't-i-z u'ua: so s'ôd*

сейчас я.DAT маска сделать-PST-3SG PTCL тот черный

marâm kar-i-z no, i davaj mi so-je, marâm, kâska-nâ.

PH делать-PST-3SG ADD и давай мы тот-ACC PH тянуть-INF

'Недавно <ИМЯ> мне сделала [косметическую] маску: она черную сделала, и давай мы ее, это, протягивать' [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].

- (83) *is'ke kâk ar or'ĉ'â-sa ton marâm kar-i-d dâr in'i. nu so ar-ân tros val.*

значит два год пройти-CVB ты PH делать-PST-2SG наверное уже ну тот год-LOC много быть.PST

'Тогда ты после двух лет, наверное, это самое {опять начала играть в волейбол}. Ну в том году много было' [КТУ: ATN_GAG-010822_MW_dialog-o-zhizni].

В татышлинском удмуртском в функции глагольного распространителя используется особый глагол *maranâ*, образованный от вопросительного местоимения *mar* 'что' (84) (см. [ГСУЯ 1962: 250; Arkhangelskiy et al. 2026: 661]). Примеров с *marâm karânâ* в этой функции не встретилось, как и употреблений *maranâ* в качестве заместителя (6 вхождений в КТУ).

- (84) *ogšorâ ž'û-sa mar-a-sa óm ve'l-is'k-e mi u'ua taz'â.*

просто пить-CVB что-VBLZ-CVB NEG.PST.1PL ходить-PRS-PL мы PTCL так

'Просто так, выпивая и подобное делая, не ходим мы {так}' [КТУ: BTS_Aribash1-08072023_VI_4jazyki].

4. Обобщение

Заместитель *marâm* является полифункциональным и может использоваться и как хезитатор, и как показатель препаративной подстановки, замещая различные составляющие, что позволяет охарактеризовать его как **универсальный заместитель**. Функции *marâm* обобщены в таблице 4. Наблюдаемое распределение показывает, что *marâm* тяготеет к употреблению в функции препаративной подстановки, а не хезитатора (ср. типологический обзор соотношений этих функций универсальных заместителей в [Pakendorf, Rose 2025: 25]).

Считается, что *marâm* представляет собой застывшую аккузативную форму **вопросительного местоимения** *mar* 'что' (см. раздел 1). Такой тип заместителей распространен в языках мира и встречается в том числе среди единиц, восходящих к вопросительным местоимениям [Pakendorf, Rose 2025: 7, 13—14].

Таблица 4. Функции слова-заместителя *marâm* в КТУ

Функция	Кол-во употреблений
препаративная подстановка	291
хезитатор	130
хезитатор / препаративная подстановка	106
препаративная подстановка / неточная номинация	29
Всего	556

Многие описанные в литературе случаи предполагают сохранение синхронной связи между вопросительным местоимением и заместителем (см., например, об удинских и агульских [Ganekov et al. 2010], эвенкийских единицах [Klyachko 2022]), что ставит вопрос о различении этих функций как источников производных употреблений. На синхронном уровне *marâm* функционирует как специализированный заместитель, не связанный с вопросительным местоимением, аккузативная форма которого имеет вид *mar-e* ‘что-ACC’, и выступает как цельная основа, присоединяющая также различные падежные показатели²⁰. Исходя из этого, можно заключить, что использование *marâm* для неточной номинации — функция, развившаяся на основе его употребления в качестве заместителя (ср. [Pakendorf, Rose 2025: 18]).

Выступая в функции препаративной подстановки, *marâm* копирует морфологическое оформление отложенной составляющей и присоединяет именные показатели: числовые (существительного *-jos* или прилагательного *-es'*), падежные и посессивные, а также транскатегориальный показатель компаратива *-ges* (раздел 3.1.1), однако эта единица не может напрямую присоединять глагольные показатели. Замена глагольной составляющей возможна с помощью или неоформленного употребления *marâm*, или конструкции с глаголом *karânâ* ‘делать’, в которой последний изменяется по глагольным категориям. Типологически засвидетельствованы различные стратегии образования **глагольных заместителей**: присоединение глагольных морфем к той же основе, что и у именных заместителей; присоединение глагольных морфем к основе с показателем глагольной деривации; сочетание основы-заместителя с семантически «пустым» / легким глаголом [Podlesskaya 2010: 14—16; Pakendorf, Rose 2025: 10, 13—14]. В татышлинском удмуртском реализуется последняя стратегия. Ее выбор в различных языках связывают с тем, что в них продуктивна модель глагольного словообразования: «именная составляющая + легкий глагол». Однако и в этих случаях конструкции с заместителем могут иметь отличия от остальных «сложных глаголов» (см. [Подлесская, Хуршудян 2006: 435—437; Ganekov et al. 2010: 108—109; Беляев 2024: 250—252] и др.). В удмуртском языке явной взаимосвязи между сочетанием с заместителем и формированием глагольных лексем не прослеживается: легкий глагол ‘делать’ активно задействуется только при образовании предикатов с заимствованными русскими инфинитивами [Arkhangelskiy 2019; Белова рук.], однако такие предикаты отличаются от сочетания *marâm karânâ* (см. раздел 3.1.4). Свойства этого сочетания требуют дальнейшего изучения.

При корпусном исследовании полифункциональных единиц **определение мотивации конкретного употребления** нередко затруднено, поскольку в отсутствие прямого доступа к намерениям говорящего оно основывается на интерпретациях исследователя, ограниченных формальными критериями [Pakendorf, Rose 2025: 24—26]. Наиболее однозначно к случаям препаративной подстановки могут быть отнесены те вхождения единицы *marâm*, которые копируют морфологические показатели отложенной составляющей, восстанавливаемой в правом контексте. Отступления от этой конфигурации сопряжены с двумя проблемными вопросами разметки, оба из которых затрагивались в предыдущей литературе: 1) различение неоформленных употреблений *marâm*, выполняющих функцию препаративной подстановки или хезитатора; 2) различение употреблений *marâm* без отложенной составляющей как вызванных ее отменой или намеренным выбором неточной номинации.

При решении первого вопроса мы опирались на критерий синтаксической неполноты, однако он обладает различной применимостью в зависимости от особенностей контекста (см. раздел 3.1.2). Таким образом, многие вхождения *marâm* были классифицированы как неоднозначные между препаративной

²⁰ Примечательно закрепление в удмуртском языке аккузативной формы. Косвеннопадежные формы в качестве заместителей фиксируются в языках мира (рус. *того* в генитиве [Podlesskaya 2010: 19], финск. *tuota* в партитиве [Priiki 2021]). В некоторых случаях предполагается эллипсис глагольной вершины, как в рус. *как его* [зовут] [Podlesskaya 2010: 21], ср. с закреплением целой группы англ. *whatchamacallit*. Мотивация такого выбора в удмуртском языке неясна.

подстановкой и хезитатором. Дальнейшее исследование (в том числе с опорой на просодические характеристики обеих групп) необходимо для уточнения разметки, однако возможно, что употребления *marâm* не распадаются на две четко различимые группы, образуя континуум, как предполагается для других универсальных заместителей в языках мира [Pakendorf, Rose 2025: 26].

Разграничение употреблений заместителей как вызванных речевым затруднением или запланированным выбором говорящего, избегающего точной номинации, представляет собой аналитическую трудность. Она наиболее заметна при разметке контекстов, в которых не находится составляющей, претендующей на роль отложенной. Обилие таких случаев в наших данных согласуется с типологическими наблюдениями [Pakendorf, Rose 2025: 26]. Из функций, связанных с намеренным использованием заместителя (см. раздел 2), в нашей выборке не встретилось примеров, в которых употребление *marâm* можно было бы считать вызванным эвфемистической заменой. Однако некоторые из них оказываются близки к неточной номинации (раздел 3.3). Для разграничения препаративной подстановки и последней группы мы опирались на наличие в контексте указаний на возникновение речевого сбоя, однако этот критерий также не позволяет надежно различить группы.

Кроме того, проблемным является вопрос о выделении дополнительных функций *marâm*, связанных с организацией дискурса. В разделах 3.1—3.3 мы отметили контексты, где выбор *marâm* можно мотивировать не только речевым затруднением: использование в качестве обобщающего слова (раздел 3.1.4), для маркирования самоисправления, начала реплики при смене ролей (раздел 3.2), инерционное (раздел 3.3). Хотя сходные наблюдения встречаются на материале других языков, рассмотренный корпусный материал не позволяет оценить степень независимости и конвенционализированности предполагаемых мотиваций.

5. Заключение

Слова-заместители в удмуртской речи почти не получили освещения в предыдущих исследованиях. Данные татышлинского говора удмуртского языка показывают, что единица *marâm* является полифункциональным заместителем: она может как сигнализировать об общем затруднении говорящего в планировании дальнейшего речевого отрезка (в хезитативной функции), так и замещать составляющие, морфосинтаксические характеристики которых говорящий уже определил (в функции препаративной подстановки). Кроме того, отдельную группу вхождений *marâm* можно связать с выражением неточной номинации, когда единица выбирается намеренно. Сочетание *marâm* с глаголом *karânâ* используется в тех же случаях: когда необходимо заменить глагольную составляющую (наряду с неоформленным *marâm*), реже — в функции хезитатора (в форме деепричастия *marâm karâsa*, притом 13 из них — у одной рассказчицы) и неточной номинации. Разметка функций опиралась в первую очередь на морфосинтаксические характеристики употреблений. Такие аспекты, как просодическое оформление, вариативность в использовании *marâm* между носителями, связь с явлением переключения кодов и альтернативными средствами маркирования речевых сбоя, требуют дальнейшего изучения.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ACC — аккузатив

ADD — аддитивная частица

CAUS — каузатив

CAR — каритив

CIT — цитатив

CMPR — компаратив

CVB — полифункциональное деепричастие

DAT — датив

DEB — дебитив

DETR — детранзитив

EL — элатив

EMPH — выделительная частица

FUT — будущее время

GEN, GEN2 — генитив

HORT — гортатив

ILL — иллатив

INF — инфинитив

INS — инструменталис

INTJ — междометие

ITER — итератив

LOC — локатив

NEG — отрицание

NMLZ — номинализация

NMLZ.PLACE — номинализация со значением места

PH — заместитель

PL — множественное число

POSS — посессив

PROL — пролатив

PROP — проприетив

PRS — настоящее время

PST, PST2 — прошедшее время

PTCL — частица

PTCP.ACT — активное причастие

IMP — императив
REFL — рефлексив
SG — единственное число

Q — вопросительная частица
TERM — терминатив
VBLZ — вербализатор
VN — отглагольное имя

Литература

- Багирокова и др. 2024 — И. Г. Багирокова, Ю. А. Ландер, Я. Г. Тестелец. *Мыст...* (универсальный филлер в адыгейском языке) // Н. А. Коротаев, Н. Р. Сумбатова (ред.). Состав науки: Сборник статей к юбилею Веры Исааковны Подлесской. М.: Буки Веди, 2024. С. 227—234.
- Белова рук. — Д. Д. Белова. Структурная автономность русских глагольных заимствований в татышлинском говоре удмуртского языка // Вестник угроведения. На рецензировании. Рук.
- Беляев 2024 — О. И. Беляев. Слова-«заменители» *йед/иди* в осетинском языке // Н. А. Коротаев, Н. Р. Сумбатова (ред.). Состав науки: Сборник статей к юбилею Веры Исааковны Подлесской. М.: Буки Веди, 2024. С. 235—262.
- Борисов 1932 — Т. К. Борисов. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск: Удгиз, 1932.
- Вахрушев (ред.) 1983 — В. М. Вахрушев (ред.). Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983.
- ГСУЯ 1962 — П. Н. Перевоицков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1962.
- ГСУЯ 1970 — В. И. Алатырев (ред.). Грамматика современного удмуртского языка: синтаксис простого предложения. Ижевск: Удмуртия, 1970.
- Гуляева 2023 — Н. И. Гуляева. Хезитационные явления в коми спонтанной речи // Вестник угроведения. 2023, 54 (3). С. 416—424.
- Гуляева 2024 — Н. И. Гуляева. Вербальные хезитативы с функцией поиска в коми спонтанной речи // Вестник угроведения. 2024, 4 (59). С. 638—645.
- Душенкова 2012 — Т. Р. Душенкова. Вербальные стереотипы поведения и коммуникации удмуртов: *каллен* и *марым* // Н. А. Мальцева (отв. за вып.), В. К. Кельмаков, А. Е. Коньшин, А. С. Лобанова [и др.] (ред.). Пермистика XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Кудымкар: ОТ и ДО, 2012. С. 28—33.
- Емельянов 1927 — А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. восточн. ин-та, 1927.
- Кашкин, Винклер 2024 — Е. В. Кашкин, М.-Э. А. Винклер. Языковая ситуация у татышлинских удмуртов: наблюдения экспедиций ОТИПЛА МГУ // Родной язык. 2024, 1. С. 16—43.
- Крюкова 2023а — А. И. Крюкова. Рекатегоризация форм множественного числа существительных в татышлинском удмуртском // И. А. Хомченкова (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Вып. 5. М.: Буки Веди, 2023. С. 94—105.
- Крюкова 2023б — А. И. Крюкова. Вариативное оформление прямого дополнения в татышлинском удмуртском: типологический взгляд // XXX международная конференция «Дульзовские чтения» (Томск, 21—24 сентября 2023 г.). (Электронная публикация: <https://cloud.ruslang.ru/s/pXYsSTzWorA6nbQ?dir=/&editing=false&openfile=true>.)
- Некрасова 2023 — Г. А. Некрасова. Самоисправления в спонтанной речи носителей коми языка // Вестник угроведения. 2023, 13 (3). С. 452—460.
- Некрасова 2024 — Г. А. Некрасова. Местоимение *мыйкӧ* ‘что-то’ как дискурсивный маркер в коми языке // *Linguistica Uralica*. 2024, 60 (3). Р. 215—228.
- Некрасова 2025 — Г. А. Некрасова. Дискурсивное слово *тайми* в спонтанной коми речи // Вестник угроведения. 2025, 15 (60). С. 59—67.
- Подлеская 2025 — В. И. Подлеская. *И всё такое прочее*: внеграмматические способы выражения репрезентативной множественности в русском языке // Вопросы языкознания. 2025, 5. С. 174—188.
- Подлеская, Кибрик 2009 — В. И. Подлеская, А. А. Кибрик. Речевые сбои и затруднения // А. А. Кибрик, В. И. Подлеская (ред.). Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 177—218.
- Подлеская, Коротаев 2022 — В. И. Подлеская, Н. А. Коротаев. «Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским» — об одном маркере речевого затруднения в русском языке // *Русская речь*. 2022, 5. С. 64—78.
- Подлеская, Стародубцева 2013 — В. И. Подлеская, А. В. Стародубцева. О грамматике средств выражения нечеткой номинации в живой речи // Вопросы языкознания. 2013, 3. С. 25—41.
- Подлеская, Хуршудян 2006 — В. И. Подлеская, В. Г. Хуршудян. О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегей (ред.). Труды международной конференции «Диалог 2006». М.: РГГУ, 2006. С. 429—439.

Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Синицына 2022 — Ю. В. Синицына. Компаративный суффикс *-ges* в татышлинском удмуртском: употребление в сравнительных конструкциях и не только // Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (Москва, 30 сентября — 1 октября 2022 г.). (Электронная публикация: <https://cloud.ruslang.ru/s/y2Kan8FPGorH7yr?dir=/&editing=false&openfile=true>.)

Amiridze et al. (eds.) 2010 — N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.). Fillers, pauses, and placeholders. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010.

Arkhangelskiy 2019 — T. Arkhangelskiy. Russian verbal borrowings in Udmurt // Folia Linguistica. 2019, 53 (2). P. 519—552.

Arkhangelskiy et al. 2017 — T. Arkhangelskiy, N. Serdobolskaya, M. Usacheva. Corpus-oriented lexicographic database for Beserman Udmurt // Acta Linguistica Academica. 2017, 64 (3). P. 397—415.

Arkhangelskiy et al. 2026 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva, M. Cheremisinova. A grammar of Beserman. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2026.

Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология. Магистерская диссертация. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.

Billings, McDonnell 2025 — B. Billings, B. McDonnell. Fillers in the gray: Indeterminacy in their use in everyday conversation // B. Pakendorf, F. Rose (eds.). Fillers: Hesitatives and placeholders. Berlin: Language Science Press, 2025. P. 211—250.

Danilova 2026 — A. Danilova. Converbs in Tatyshly Udmurt // Ural-Altaic Studies. 2026, 1 (60). P. 7—27.

Ganenkova et al. 2010 — D. Ganenkova, Yu. Lander, T. Maisak. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives // N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.). Fillers, pauses and placeholders. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 95—118.

Hayashi, Yoon 2006 — M. Hayashi, K. Yoon. A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: With particular reference to the context of word-formulation trouble // Studies in Language. 2006, 30 (3). P. 485—540.

Kazakevich 2022 — O. Kazakevich. Placeholders and other fillers in Northern Selkup // ALT 14: Conference of the Association for Linguistic Typology. University of Texas at Austin. 15—17 December 2022.

Keevallik 2010 — L. Keevallik. The interactional profile of a placeholder. The Estonian demonstrative ‘see’ // N. Amiridze, B. Davis, M. MacLagan (eds.). Fillers, pauses, and placeholders. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 139—172.

Klyachko 2022 — E. Klyachko. Functions of placeholder words in Evenki // A. Hölzl, Th. E. Payne (eds.). Tungusic languages: Past and present. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 199—225.

McDonnell, Billings 2025 — B. McDonnell, B. Billings. Choosing fillers in Besemah // B. Pakendorf, F. Rose (eds.). Fillers: hesitatives and placeholders. Berlin: Language Science Press, 2025. P. 169—209.

Overstreet, Yule 2021 — M. Overstreet, G. Yule. General extenders: The forms and functions of a new linguistic category. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

Pakendorf, Rose 2025 — B. Pakendorf, F. Rose. Fillers in the world’s languages: A refined typology // B. Pakendorf, F. Rose (eds.). Fillers: Hesitatives and placeholders. Berlin: Language Science Press, 2025. P. 1—39.

Pakendorf, Rose (eds.) 2025 — B. Pakendorf, F. Rose (eds.). Fillers: Hesitatives and placeholders. Berlin: Language Science Press, 2025.

Podlesskaya 2010 — V. I. Podlesskaya. Parameters for typological variation of placeholders // N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.). Fillers, pauses and placeholders. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 11—32.

Priiki 2021 — K. Priiki. From Pronoun to Particle: Finnish *tuota* ‘that’ and *tuota* ‘well, erm’ // Finno-Ugric Languages and Linguistics. 2021, 10. P. 3—26.

Seraku 2024 — T. Seraku. Placeholders in crosslinguistic perspective: abilities, preferences, and usage motives // Linguistics. 2024, 62 (6). P. 1473—1498.

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.

References

Amiridze et al. (eds.) 2010 — N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.). Fillers, pauses, and placeholders. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010.

Arkhangelskiy 2019 — T. Arkhangelskiy. Russian verbal borrowings in Udmurt. In: Folia Linguistica. 2019, 53 (2). P. 519—552.

Arkhangelskiy et al. 2017 — T. Arkhangelskiy, N. Serdobolskaya, M. Usacheva. Corpus-oriented lexicographic database for Beserman Udmurt. In: Acta Linguistica Academica. 2017, 64 (3). P. 397—415.

Arkhangelskiy et al. 2026 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva, M. Cheremisinova. A grammar of Beserman. Vol. 1. Leiden; Boston: Brill, 2026.

Bagirokova et al. 2024 — I. G. Bagirokova, Yu. A. Lander, Ya. G. Testeleets. *Myst...* (universalnyi filler v adygeiskom yazyke). In: N. A. Korotaev, N. R. Sumbatova (red.). *Sostav nauki: Sbornik statei k yubileyu Very Isaakovny Podlesskoi*. Moskva: Buki Vedi, 2024. S. 227—234. {I. G. Bagirokova, Yu. A. Lander, Ya. G. Testeleets. *Myst...* (the versatile filler in Adyghe). In: N. A. Korotaev, N. R. Sumbatova (eds.). *The composition of science: Collection of papers on the anniversary of Vera I. Podlesskaya*. Moscow: Buki Vedi, 2024. P. 227—234.}

Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. *Tatyshlinskii govor udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya*. Magisterskaya disseratsiya. Tartu: Tartu Ülikool, 2003. {A. Baidoullina. *The Tatyshly subdialect of Udmurt: phonetics and morphology*. Master thesis. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.}

Belova ruk. — D. D. Belova. *Strukturnaya avtonomnost' russkikh glagol'nykh zaimstvovaniy v tatyshlinskom govore udmurtskogo yazyka*. In: *Vestnik ugrovedeniya. Na retsenzirovaniy*. Ruk. {D. D. Belova. *The structural autonomy of Russian verbal borrowings in the Tatyshly subdialect of the Udmurt language*. In: *Bulletin of Ugric Studies*. Under revision. Ms.}

Belyaev 2024 — O. I. Belyaev. Slova-“zamestitely” *yed/idi* v osetinskom yazyke. In: N. A. Korotaev, N. R. Sumbatova (red.). *Sostav nauki: Sbornik statei k yubileyu Very Isaakovny Podlesskoi*. Moskva: Buki Vedi, 2024. S. 235—262. {O. I. Belyaev. The “placeholder” words *yed/idi* in the Ossetic language. In: N. A. Korotaev, N. R. Sumbatova (eds.). *The composition of science: Collection of papers on the anniversary of Vera I. Podlesskaya*. Moscow: Buki Vedi, 2024. P. 235—262.}

Billings, McDonnell 2025 — B. Billings, B. McDonnell. Fillers in the gray: Indeterminacy in their use in everyday conversation. In: B. Pakendorf, F. Rose (eds.). *Fillers: Hesitatives and placeholders*. Berlin: Language Science Press, 2025. P. 211—250.

Borisov 1932 — T. K. Borisov. *Udmurt killyukam. Tolkovy udmurtsko-russkii slovar'*. Izhevsk: Udgiz, 1932. {T. K. Borisov. *Udmurt dictionary. An explanatory Udmurt-Russian dictionary*. Izhevsk: Udgiz, 1932.}

Danilova 2026 — A. Danilova. *Converbs in Tatyshly Udmurt*. In: *Ural-Altaic Studies*. 2026, 1 (60). P. 7—27.

Dushenkova 2012 — T. R. Dushenkova. Verbal'nye stereotipy povedeniya i kommunikatsii udmurtov: *kallen* i *marym*. In: N. A. Mal'tseva, V. K. Kel'makov, A. E. Kon'shin, A. S. Lovanova [i dr.] (red.). *Permistika XIV: Dialekty i istoriya permskikh yazykov vo vzaimodeistvii s drugimi yazykami*. Kudymkar: OT i DO, 2012. S. 28—33. {T. R. Dushenkova. Verbal stereotypes of behavior and communication of the Udmurts: *kallen* and *marym*. In: N. A. Mal'tseva, V. K. Kel'makov, A. E. Kon'shin, A. S. Lovanova [et al.] (eds.). *Permic Studies XIV: Dialects and history of Permic in contact with other languages*. Kudymkar: OT i DO, 2012. P. 28—33.}

Emel'yanov 1927 — A. I. Emel'yanov. *Grammatika votytskogo yazyka*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo vostochnogo instituta, 1927. {A. I. Emel'yanov. *Grammar of Votyak*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo vostochnogo instituta, 1927.}

Ganenkova et al. 2010 — D. Ganenkova, Yu. Lander, T. Maisak. From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.). *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 95—118.

GSUYa 1962 — P. N. Perevoshchikov (otv. red.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: fonetika i morfologiya*. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962. {P. N. Perevoshchikov (ed.). *Grammar of modern Udmurt: phonetics and morphology*. Izhevsk: Udmurtskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.}

GSUYa 1970 — V. I. Alatyrev (red.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: sintaksis prostogo predlozheniya*. Izhevsk: Udmurtiya, 1970. {V. I. Alatyrev (ed.). *Grammar of modern Udmurt: syntax of the simple clause*. Izhevsk: Udmurtiya, 1970.}

Gulyaeva 2023 — N. I. Gulyaeva. Khezitatsionnye yavleniya v komi spontannoi rechi. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2023, 54 (3). S. 416—424. {N. I. Gulyaeva. Hesitation phenomena in Komi spontaneous speech. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2023, 54 (3). P. 416—424.}

Gulyaeva 2024 — N. I. Gulyaeva. Verbal'nye khezitativy s funktsiei poiska v komi spontannoi rechi. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2024, 59 (4). S. 638—645. {N. I. Gulyaeva. Verbal hesitatives as search markers in Komi spontaneous speech. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2024, 59 (4). P. 638—645.}

Hayashi, Yoon 2006 — M. Hayashi, K. Yoon. A cross-linguistic exploration of demonstratives in interaction: With particular reference to the context of word-formulation trouble. In: *Studies in Language*. 2006, 30 (3). P. 485—540.

Kazakevich 2022 — O. Kazakevich. Placeholders and other fillers in Northern Selkup. In: *ALT 14: Conference of the Association for Linguistic Typology*. University of Texas at Austin. 15—17 December 2022.

Kashkin, Winkler 2024 — E. V. Kashkin, M.-E. A. Winkler. Yazykovaya situatsiya u tatyshlinskikh udmurtov: nablyudeniya ekspeditsii OTiPLa MGU. In: *Rodnoi yazyk*. 2024, 1. S. 16—43. {E. V. Kashkin, M. E. A. Winkler. The Tatyshly Udmurt language situation: Evidence from recent fieldwork. In: *Mother Tongue*. 2024, 1. P. 16—43.}

Keevallik 2010 — L. Keevallik. The interactional profile of a placeholder. The Estonian demonstrative ‘see’. In: N. Amiridze, B. Davis, M. MacLagan (eds.). *Fillers, pauses, and placeholders*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 139—172.

Klyachko 2022 — E. Klyachko. Functions of placeholder words in Evenki. In: A. Hözl, Th. E. Payne (eds.). *Tungusic languages: Past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 199—225.

Kriukova 2023a — A. I. Kriukova. Rekategorizatsiya form mnozhestvennogo chisla sushchestvitel'nykh v tatyshlinkom udmurtskom. In: I. A. Khomchenkova (red.). *Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*. Vypusk 5. Moskva: Buki Vedi, 2023. P. 94—105. {A. I. Kriukova. Noun plural form recategorization in Tatyshly Udmurt. In: I. A. Khomchenkova (ed.). *Minor languages in general linguistics*. Issue 5. Moscow: Buki Vedi, 2023. P. 94—105.}

Kriukova 2023b — A. I. Kriukova. Variativnoe oformlenie pryamogo dopolneniya v tatyshlinkom udmurtskom: tipologicheskii vzglyad. In: XXX mezhdunarodnaya konferentsiya “Dul'zonovskie chteniya” (Tomsk, 21—24 sentyabrya 2023 g.). {A. I. Kriukova. Differential object marking in Tatyshly Udmurt: a typological perspective. In: XXX International conference “Dulzon Readings” (Tomsk, 21—24 September 2023).} (Electronic resource: <https://cloud.ruslang.ru/s/pXYsTzWorA6nbQ?dir=/&editing=false&openfile=true>.)

McDonnell, Billings 2025 — B. McDonnell, B. Billings. Choosing fillers in Besemah. In: B. Pakendorf, F. Rose (eds.). *Fillers: hesitations and placeholders*. Berlin: Language Science Press, 2025. P. 169—209.

Nekrasova 2023 — G. A. Nekrasova. Samoispravleniya v spontannoi rechi nositelei komi yazyka. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2023, 13 (3). P. 452—460. {G. A. Nekrasova. Self-repairs in spontaneous speech of Komi speakers. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2023, 13 (3). P. 452—460.}

Nekrasova 2024 — G. A. Nekrasova. Mestoimenie *myikö* ‘chto-to’ kak diskursivnyi marker v komi yazyke. In: *Linguistica Uralica*. 2024, 60 (3). P. 215—228. {G. A. Nekrasova. The pronoun *myikö* ‘something’ as a discourse marker in Komi. In: *Linguistica Uralica*. 2024, 60 (3). P. 215—228.}

Nekrasova 2025 — G. A. Nekrasova. Diskursivnoe slovo *tajmi* v spontannoi komi rechi. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2025, 15 (60). S. 59—67. {G. A. Nekrasova. The discourse word *tajmi* in spontaneous Komi speech. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2025, 15 (60). P. 59—67.}

Overstreet, Yule 2021 — M. Overstreet, G. Yule. General extenders: The forms and functions of a new linguistic category. Cambridge: Cambridge University Press, 2021.

Pakendorf, Rose 2025 — B. Pakendorf, F. Rose. Fillers in the world’s languages: A refined typology. In: B. Pakendorf, F. Rose (eds.). *Fillers: Hesitations and placeholders*. Berlin: Language Science Press, 2025. P. 1—39.

Pakendorf, Rose (eds.) 2025 — B. Pakendorf, F. Rose (eds.). *Fillers: Hesitations and placeholders*. Berlin: Language Science Press, 2025.

Podlesskaya 2010 — V. I. Podlesskaya. Parameters for typological variation of placeholders. In: N. Amiridze, B. H. Davis, M. MacLagan (eds.). *Fillers, pauses and placeholders*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 11—32.

Podlesskaya 2025 — V. I. Podlesskaya. *I vsyo takoe prochee*: vnegrammaticheskie sredstva vyrazheniya reprezentativnoi mnozhestvennosti v russkom yazyke. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 2025, 5. S. 174—188. {V. I. Podlesskaya. *And all that (stuff)*: Non-grammatical means of expressing representative plurality in Russian. In: *Topics in the Study of Language*. 2025, 5. P. 174—188.}

Podlesskaya, Kibrik 2009 — V. I. Podlesskaya, A. A. Kibrik. Rechevye sboi i zatrudneniya. In: A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya (red.). *Rasskazy o snovideniyakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa*. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. S. 177—218. {V. I. Podlesskaya, A. A. Kibrik. Speech disfluences. In: A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya (eds.). *Night dream stories. A corpus study of oral Russian discourse*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2009. P. 177—218.}

Podlesskaya, Korotaev 2022 — V. I. Podlesskaya, N. A. Korotaev. “Etu... kak ee... perepisku Engel'sa s etim... kak ego, d'yavola... s Kautskim” — ob odnom markere rechevogo zatrudneniya v russkom yazyke. In: *Russkaya rech'*. 2022, 5. S. 64—78. {V. I. Podlesskaya, N. A. Korotaev. “Étu... kak ejo... perepisku Éngelsa s étim... kak ego, djavola... s Kautskim” — A case study of a placeholder in Russian. In: *Russian Speech*. 2022, 5. P. 64—78.}

Podlesskaya, Starodubtseva 2013 — V. I. Podlesskaya, A. V. Starodubtseva. O grammatike sredstv vyrazheniya nechetkoi nominatsii v zhivoi rechi. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 2013, 3. S. 25—41. {V. I. Podlesskaya, A. V. Starodubtseva. On the grammar of vague reference in colloquial speech. In: *Topics in the Study of Language*. 2013, 3. P. 25—41.}

Podlesskaya, Khurshudyan 2005 — V. I. Podlesskaya, V. G. Khurshudyan. O leksicheskikh markerakh khezitatsii v spontannoi rechi: uroki armyanskogo. In: N. I. Laufer, A. S. Narin'yani, V. P. Selegei (red.). *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog 2006”*. Moskva: RGGU, 2006. S. 429—439. {V. I. Podlesskaya, V. G. Khurshudyan. On lexical markers of hesitation in spontaneous speech: lessons from Armenian. In: N. I. Laufer, A. S. Narin'yani, V. P. Selegei (eds.). *Proceedings of the international conference “Dialogue 2006”*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2006. P. 429—439.}

Priiki 2021 — K. Priiki. From Pronoun to Particle: Finnish *tuota* ‘that’ and *tuota* ‘well, erm’. In: *Finno-Ugric Languages and Linguistics*. 2021, 10. P. 3—26.

Seraku 2024 — T. Seraku. Placeholders in crosslinguistic perspective: abilities, preferences, and usage motives. In: *Linguistics*. 2024, 62 (6). P. 1473—1498.

Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. *Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov*. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963. {B. A. Serebrennikov. *Historical morphology of Permian languages*. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1963.}

Sinitsyna 2022 — Yu. V. Sinitsyna. Komparativnyi suffiks *-ges* v tatyshlinskom udmurtskom: upotreblenie v sravnitel'nykh konstruktsiyakh i ne tol'ko. In: *Konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. I. Kuznetsovoi* (Moskva, 30 sentyabrya — 1 oktyabrya 2022 g.). {Yu. V. Sinitsyna. *Comparative suffix -ges in Tatyshly Udmurt: its use in comparative constructions and beyond*. In: *Conference in honour of the 90th anniversary of Ariadna Ivanovna Kuznetsova*, Moscow, 30 September — 1 October, 2022.} (Electronic resource: <https://cloud.ruslang.ru/s/y2Kan8FPGorH7yr?dir=/&editing=false&openfile=true>.)

Vakhrushev (ed.) 1983 — V. M. Vakhrushev (ed.). *Udmurtsko-russkii slovar'*. Moskva: Russkii yazyk, 1983. {V. M. Vakhrushev (ed.). *Udmurt-Russian dictionary*. Moscow: Russkii yazyk, 1983.}

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1987.

«Песня чатских татар» XVIII в.: опыт реконструкции текста, языка и времени возникновения сюжета

Тишин Владимир Владимирович, Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ); tihij-511@mail.ru

Статья посвящена анализу «песни чатских татар», записанной в августе 1740 г. в Красноярске И. Г. Гmeliном от его переводчика, происходившего из местных тюркских народов. На основе двух вариантов песни, известных в публикации книги И. Г. Гмелина и в бумагах Г. Ф. Миллера, предлагается реконструкция исходного варианта текста и корректировка ее перевода. Некоторые особенности лексики песни типичны не для южносибирских тюркских языков, но скорее для кыпчакских языков волжско-уральского региона, что формально подтверждает идентификацию песни с чатскими татарами. Кроме того, эта идентификация подтверждается рядом фонетических особенностей, в частности передвижением гласных, характерным для татарского языка. Эти явления, однако в песне не регулярны. Другие свойства, напротив, могут быть связаны с языками и диалектами того же типа, к которому относятся диалекты хакасского языка, зафиксированные к XVIII в.; среди них — озвончение глухих согласных в интервокальной позиции, назализация начального */j/ в позиции перед носовым согласным, развитие увулярного */q/ во фрикативный /χ/, развитие низкого неогубленного гласного /ä/ в средневысокий ненапряженный /i/ в первом слоге. На основе разбора лексики и фонетических признаков языка песни следует интерпретировать вариант песни, записанный И. Г. Гmeliном, как адаптированный с течением времени в среде, связанной с кыпчакскими языками Волго-Уральского региона, но восходящий, скорее всего, к среде «красноярских татар» (носителей языка, легшего в основу качинского диалекта хакасского языка) или носителей какого-то близкого исторического диалекта, которые могли иметь непосредственные контакты с бурятами, название которых упоминается в песне.

Ключевые слова: южно-сибирские тюркские языки, кыпчакские языки, хакасские диалекты, историческая фонетика, буряты

“A SONG OF THE CHAT TATARS” OF THE 18TH CENTURY: AN ATTEMPT OF RECONSTRUCTION OF THE TEXT, LANGUAGE AND PERIOD OF ORIGIN OF ITS PLOT

Vladimir V. Tišin, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude); tihij-511@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the “song of the Chat Tatars”, which was recorded in August 1740 in Krasnoyarsk by J. G. Gmelin from his translator of local Turkic origin. Based on two little different versions of the song, known in the book of J. G. Gmelin and recent published work of G. F. Müller, they are proposed a reconstruction of the original version of the text and its corrected translation. Some examples of lexicon allow one to consider the features of song language as most typical not for South Siberian Turkic languages, but rather of the Kipchak languages of Volga-Ural region, formally confirming the identification of the song as associated with the Chat Tatars. On the other hand, such identification is confirmed by certain phonetic characteristics, among which, in particular, is a vowel shift typical to observed in the Tatar language. This phenomena, however, is not regular in the song. Other characteristics, on the contrary, can be interpreted in connection with languages and dialects of the same type as the dialects of the Khakas language, recorded by the 18th century. Here are among them the voicing of voiceless consonants in intervocalic position, nasalization of initial */y/ in position before nasal consonant, the development of an uvular */q/ into fricative /χ/, the development of a low unrounded vowel /ä/ into near-high lax /i/ in a first syllable. An analysis of the examples of lexicon and phonetic features of the language of the song gives reasons to consider the version of the song recorded by J. G. Gmelin as result of adaptation over time in an environment associated with the Volga-Ural Turkic languages, but firstly originated among the “Krasnoyarsk Tatars” (which language formed the basis of the Kacha dialect of the Khakas language) or speakers of some kind of related dialects, who had historically directly contacted with the Buryats mentioned in the song.

Keywords: South Siberian Turkic languages, Kipchak languages, Khakas dialects, historical phonetics, Buryats

Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Археологические культуры и этнические общности в динамике социокультурных процессов Внутренней Азии», № 126020616724-3).

Автор выражает глубокую признательность двум анонимным рецензентам, компетентные замечания и комментарии которых в значительной степени способствовали поиску наиболее удачных решений при интерпретации разбираемого в статье текста. Вся ответственность за недостатки аргументации и другие упущения целиком лежит на авторе статьи.

Введение

Иоганн Георг Гмелин (1709—1755), участник так называемой Второй Камчатской экспедиции, описывая свое путешествие по Сибири, упоминает во время своего пребывания в Красноярске в феврале 1740 г. некоего переводчика-«татарина», который знал бурятские («братские»), качинские, камасинские и коттские песни [Gmelin 1752: 369]. Первую из них И. Г. Гмелин записал подробно, для остальных дал только нотную запись мелодий [ibid.: 369—374]. В дальнейшем, касаясь событий августа 1740 г., он также сообщает:

«Als ich von meiner Manischen Reise nach Krasnojarsk zurück kam, so hatte sich mein Tatarischer Dollmetscher, den ich schon oben gerühmt habe, noch mehrere Lieder der Tatarischen Völker bekannt gemacht, womit er spornstreichs zu mir kam, und sie mir vorsang. Unter diesen waren besonders zwey, die ich vor andern fassen und musicalisch auszeichnen konnte, von denen mir auch der Dollmetscher selbst sagte, daß diese Völker besonders darin verliebt wären und sie ganze Stunden singen und darnach tanzen könnten. Ich theile sie also hieben mit, um die Sammlung vollständiger zu machen. Die Melodey davon folget auf einem besonderen Kupfer-blättlein» [ibid.: 522] (ср. [Миллер 2009: 342, 346 (примеч. 10)]).

И. Г. Гмелин записал теперь еще две песни, одной из которых была песня сагайцев («сагайских татар»), другая — песня чатских татар. В немецком издании книги о путешествии И. Г. Гмелина они представлены в записи транскрипции латинским алфавитом, следуя духу времени, готическим шрифтом, с переводом на немецкий язык и комментариями самого автора¹. Как вытекает из слов И. Г. Гмелина, переводы были основаны на его собственном восприятии и понимании. Насколько нам известно, только бурятская песня подвергалась в научной литературе специальному анализу [Kara 1966; Doerfer 1991].

В 2009 г. на русском языке был опубликован труд Герхарда Фридриха Миллера (1705—1783) «Описание сибирских народов», над которым он работал в 1737—1740 гг. и, периодически возвращаясь к нему позднее, так и оставил незавершенным [Миллер 2009]. Среди ряда материалов, включенных в эту работу, содержатся и обе упомянутые песни. Издатели отмечают, что фрагмент рукописи на л. 31—31 об., где были записаны «чацкая» (так в издании) песня и «сагайская» песня, «представляет собой вставку на отдельном листе размером 21 на 17 см. Текст написан не рукой Г. Ф. Миллера» [там же: 342 (примеч. в)].

Видимо, Г. Ф. Миллер собирался привлечь в ходе подготовки работы материалы И. Г. Гмелина, бывшего его сотрудником во время упомянутой Второй Камчатской экспедиции, академический отряд которой сам Г. Ф. Миллер возглавлял в течение почти десятилетия (1733—1743).

В данной работе нас будет интересовать «песня чатских татар».

В издании труда Г. Ф. Миллера опубликован перенабранный типографский текст [Миллер 2009: 342, 344], а также приложена копия соответствующей страницы с записью песни [там же: 343 (рис. 16)], позволяющая читателю и исследователю ознакомиться с ней в оригинале.

Словам предпослана нотная запись, по поводу которой сказано: «Этот такт пропеваается только в начале песни и не повторяется при нижеследующих строфах» [там же: 342].

Далее идет написание слов песни с пометками:

1. *Ai Ösöl Ösöl Ösöl em me ösöl chari Kusime le⁺*
Ай[≠] у Осиола[♂] смотрю жестоко глазами
2. *Kusim bile⁺ an⁺ chaschem ne da⁺ ósoche ge⁺ alderden*
Глаза (и) бровы Озохе! [≡] тебе отдал
3. *Kusschün utschér usá chada torna túscher tú schaka*
ворон[⊙] (я) улечу далеко (дабы смотрит) журавль[♀] не сажались в плионке
4. *Orús borátdschjaá seda⁺ oigákire tschetsché der*
(Меж) рускими и братскими война в паде в низ колют
5. *Oi neschbol gandschjan amna da⁺ ibgaleb nán Sandak*
Играл бы (ежели б ты притом) была с сердце! (с тобою) тотчас взял бы (тебя) в юрты и домой бы пошел.

+ — *le, bile, an, da, ge* — слоги для дополнения мелодии

≠ — вступительный тон

♂ — имя отца, дочери которого добивается любовник

≡ — имя девушки, которой добиваются

⊙ — имя любовника

♀ — любовник намекает на девушку, которую он сравнивает с журавлем

[там же: 342—343].

¹ Существует еще французское издание 1767 г., являющееся переводом с немецкого. Здесь нами оно не привлекается.

Ниже в примечании сказано: «Эту песню сочинил парень, который очень добивается некоей девушки, которую, однако, не хочет отдавать осел-отец. Между тем в песне местами не хватает слога, вместо которого или дольше тянется следующий слог, или при пении опускается нота, из-за чего ближайшая нота тянется длиннее» [там же: 344].

В издании книги самого И. Г. Гмелина песня дана в несколько отличающейся записи, с содержащими тот же смысл пометками и комментариями, что в бумагах Г. Ф. Миллера (поэтому мы ниже для удобства их опускаем), и также переводом текста под каждой строкой.

Ai Oesöl, Oesöl, Oesöl, emme ösölchari ku si mele
 (Bey) dem Oesöl " = gebe ich mit den Augen scharf acht,
Kusimbile anchaschemne da ösoche gealder den
 Die Augen (und) Augenbraun habe ich Oesoche dir abgegeben,
Kuschun
Kuschun uticher usche chada torna tuscher tuschaka
 (Ich) Rabe will weit fliegen (um zu sehen) ob der Kranich nicht ins Nets fällt
Orus borat dschja-a seda oi gakire tschetscheder
 (Zwischen) den Russen und Buräten ist Krieg; Im den Thale stechen sie unterwärts,
Oi neschbolgan dschjan amna da ibga leb nansandak
 Ich würde (mit dir) spielen, wenn du mein Herz (daben wärest) ohne Berzug, und nähme (dich) in die Iurte
 und gienge nach Hause.

[Gmelin 1752: 525—526].

И. Г. Гмелин отмечал: «Dieses Lied soll ein Kerl gemacht haben, der nach einem gewissen Mägdgen sehr stark getrachtet, vom Vater des Mägdgens aber schlecht angesehen worden, indessen aber doch in diesen Liede seine Leidenschaft stark zu erkennen gegeben hatte. Augen und Augenbraunen einander verschreiben ist bey verliebten Tatarischen Seelen das große Unterpfand der Liebe» [ibid.: 526]. После еще одного незначительного комментария² дан поэтический перевод песни на немецкий язык («Die poetische Uebersetzung dieses Liedes ist diese»):

Iu! Bey Oesell, bey Oesell, bey Oesell, will ich scharf Achtung geben,
 Osocha, dein sind meine Augen und Augbraunen, ja mein Leben
 Ich fliege, wie ein Rab, den Kranich dort in dem Netz zu sehen,
 Laß Russen und Bratzki im Thale sich stechen und in Tod gehen.
 Dich mein Herz! nähme ich spielend in die Iurte, und entliefe!

[ibid.: 527].

Таким образом, с источниковедческой точки зрения мы имеем два списка одного и того же источника. Два варианта записи песни несколько различаются разбивкой слов и особенно разнятся в записи начала третьей строки. Передача содержания и смысла песни в обоих случаях совпадает. В этих вариантах представлен подстрочный перевод к отдельным словам или фразам, из которых общий смысл песни не улавливается прямо, если абстрагироваться от предложенного пересказа.

Нами предлагается реконструкция текста и на ее основе новый перевод.

Теория и методика исследования

Песня была записана И. Г. Гmeliном на слух, поэтому с самого начала работы с записями следует учитывать вероятность искажений, возникших как при восприятии песни самим исследователем, так и при ее исполнении информантом, исходя из субъективных характеристик последнего. Толкование содержания песни, сделанное И. Г. Гmeliном, судя по противоречивой разбивке слов, также следует признать условным.

Объективным препятствием для однозначных лингвистических интерпретаций является то обстоятельство, что нам недостаточно известны ни состояние на тот момент исторического языка (он мог быть связан с чатскими татарами, которым приписана песня), ни родной язык переводчика И. Г. Гмелина. Можно лишь предполагать, что этот человек, представленный как «татарин» (ср. [Kara 1966: 202]), про-

² «Die eine Haben bedeutet, so muß seine Schöne zum Kranich werden. Ich zweifle, ob sich unser schönes Geschlecht in diesen Vogel gerne verwandeln lassen würde, es wäre dann, daß es die schöne Tugenden auch wüßte, und diejenigen für wahr hielte, welche ihm die Tataren zuschreiben; oder daß es auch gerne wachsam wäre, wenn es sich lieber an die Eigenschaften des Kranichs hielte, die wir ihm zuzuschreiben pflegen. S. oben» [Gmelin 1752: 526].

исходил из Красноярского округа Енисейской губернии, будучи представителем «красноярских татар», как в записях в XVIII в. именовали преимущественно качинцев (см., например, [Миллер 2009: 54, 212]).

Это побуждает осторожно отнестись к «этнической» и лингвистической атрибуции песни, имея в виду также условный характер соотношения обеих категорий. Неустойчивость этнической и лингвистической карты Южной Сибири из-за происходивших на протяжении XVII—XVIII вв. и даже в XIX в. миграций разных исторических коллективов, административных пертурбаций, проводимых российскими властями (см., например, [Потапов 1957]), и вследствие всех этих изменений идентичности различных групп населения, а также ареалов бытования исторических языков затрудняет любые строгие привязки, которые оказались возможными только после формирования устоявшихся этнических идентичностей, создания языковых классификаций и разработки стандартизированных литературных норм для языков в XX в. Свидетельством тому является известное наличие в составе разных тюркских народов Южной Сибири одноименных подразделений (*söök* ‘кость’ у хакасов, шорцев, алтайцев): например, в настоящее время мы можем условно называть их подразделениями конкретного народа с установленной национальной идентичностью, а если для них свойственны собственные языковые особенности, то характеризовать их как диалекты или говоры конкретного (следуя принятым классификациям) языка, но мы не можем применить те же критерии для исторических коллективов, известных под теми же названиями, начиная по крайней мере с XVII в., когда они попадают в поле зрения письменных источников. Так, современные исследователи диалектов хакасского языка отмечают, что «и в конце XIX в. родовые границы могли не совпадать с диалектными» [Дыбо, Мальцева 2021: 1359 (примеч. 1)].

Поэтому при разборе «песни чатских татар» нам видится правильным воздержаться от строгих идентификаций, ограничиваясь лишь общим описанием и указанием на формальные фонетические характеристики.

Язык чатских татар, являющийся бесписьменным, в настоящее время представлен эуштинско-чатским говором томского диалекта сибирско-татарского языка, подверженным влиянию татарского литературного языка [Тумашева 1977: 26, 237, 255], что следует считать результатом поздних процессов, тогда как сам ход формирования данного говора не прояснен. На основе весьма спорных (по причине недостатка источников) исторических построений предполагалось, что время его сложения должно быть отнесено к XVIII в., «скорее, его первой половине» [Томилов 1992: 166]. В частности, его вокализм характеризуется как смешанный, т. е. сочетающий черты, присущие большинству стандартных тюркских языков с преобладанием черт, свойственных кыпчакским языкам Волго-Уральского региона — редуцированные гласные в первом слоге [Тумашева 1968: 16].

Г. Ф. Миллер, знакомый с чатскими татарами Томского уезда, упоминает в качестве информанта чатского «магометанского священника в Томске», от которого он мог записать названия годов по двенадцатеричному календарному циклу и названия месяцев по-персидски, по-татарски и по-арабски [Миллер 2009: 71—74]. Зарегистрированная Г. Ф. Миллером собственно татарская лексика, представленная названиями животных, обозначающих названия месяцев, может быть сопоставлена с лексикой чатских татар в записях И. Г. Гмелина, а также в словарях И. Ф. Фишера и П. С. Палласа (см. [Миллер 2009: 71, 88—89 (коммент. 29—30, 34, 36—38, 40—42)]), в которые, видимо, тоже включены полевые материалы Г. Ф. Миллера [Боргояков 1973: 132; Maticsák 2019].

Ряд примеров позволяет выяснить некоторые характеристики языка чатских татар XVIII в. в сравнении с языком томских и казанских татар того же времени и современным татарским литературным языком, а также показывает различия в записях исследователей одних и тех же слов. Эти материалы будут привлечены ниже при сопоставлении отдельной лексики рассматриваемой песни.

Поскольку, как уже упоминалось, человек, от которого песня записана И. Г. Гmeliном, мог быть представителем коренного населения Красноярского округа Енисейской губернии, нас будут интересовать также исторические наречия, легшие в основу диалектов хакасского языка. Некоторые фонетические и лексические особенности, позволяющие составить представление об их развитии, можно получить из полевых записей и словарей XVIII—XIX вв. Наиболее значительными среди них являются материалы Г. Ф. Миллера, обработанные М. И. Боргояковым (см. [Боргояков 1973; 1981]), который передает почерпнутую им из этих источников лексику в адаптированном виде на кириллице.

Таким образом, при идентификации фонетических и лексических характеристик текста «песни чатских татар», исходя из ее номинальной идентификации, ниже будут в первую очередь привлекаться сведения по говорам томского диалекта, а иногда и других диалектов языка сибирских татар, а также (следуя гипотетическому происхождению информанта) диалектов хакасского языка. Помимо этого, принимая во внимание непроясненный ход формирования языка чатских татар, а также тесные и широкие исторические взаимодействия его носителей на разных стадиях этого процесса [Томилов 1992: 173—192], следует учитывать сведения по языкам, влияние которых могло найти отражение в его особенностях, —

это фактически все тюркские языки Саяно-Алтайского региона, кыпчакские языки Волго-Уральского региона, разные тюркские языки Центральной Азии, в том числе не только кыпчакские, но и те, что связаны с людьми, называемыми уже в источниках XVII в. «бухарцами» (ср., например, [Исхакова 1973]).

Кроме того, нами задействован «Опыт словаря...» В. В. Радлова, рассматриваемый как наиболее ранняя целостная сводка материалов, отражающая состояние некоторых тюркских языков к концу XIX в. (включая полевые результаты самого исследователя), т. е. до того, как они подверглись какой-либо унификации и влиянию искусственных литературных норм. Более поздние словари используются ситуативно, по мере целесообразности. Транскрипция лексики приводится по цитируемым изданиям. По причине ограниченности объема публикации привлекаемая библиография минимизирована.

Реконструкция записи песни

В представленных вариантах записи «песни чатских татар», как и в других случаях записи лексики сибирского населения в бумагах Г. Ф. Миллера и его сотрудников, передача произношения подчинена нормам орфографии немецкого языка: одиночной литерой «s» передается звонкий /z/ (кроме конечной позиции), удвоенным «ss» — глухой /s/; сочетание «ch» передает преимущественно фрикативный /χ/, сочетание «sch» — шипящий сибилант /ʃ/, сочетание «tsch» — глухую шипящую аффрикату /tʃ/, «dsch» — звонкую шипящую аффрикату /dʒ/. Рядность вокализма графически различается крайне непоследовательно. Литера «k» может быть использована как для велярного, так и для увулярного аллофона /k/, т. е. [k] и [q].

В обоих вариантах текста песни слитное или раздельное написание отдельных лексем, вероятно, продиктовано тем, что запись велась на слух, следуя ритмическим паузам. Особенности устного произношения обусловлены пропуском некоторых гласных звуков (в последней строке). В строках 2—4 всего 7 слогов, в последней — формально 6, но это вызвано, видимо, слитным произношением некоторых слов, где конечный гласный предшествующего слова в устной речи плавно переходит в начальный гласный следующего слова, сливаясь с ним. Ударения, проставленные в варианте в бумагах Г. Ф. Миллера, позволяют увидеть, что размер строк 2—5 в первой части соответствует четырехстопному ямбу ' _ ' _ ' _ с учетом вокатива *da* в качестве последнего слога; затем после него во второй части строк, если исходить из ударений, проставленных в строках 2—3 и 5, ритм подчинен четырехстопному хорею ' _ ' _ ' _ . Этой общей логике противоречит только запись строки 4, во второй части которой формально наблюдается снова четырехстопный ямб ' _ ' _ ' _ .

Ниже дан построчный разбор записи текста и комментарии к отдельным словоформам. Сначала приведена орфографическая запись по варианту в бумагах Г. Ф. Миллера, данная в угловых скобках «...», за ней идет реконструкция текста. Представлена разбивка на лексемы, запись которых приводится в формализованной транскрипции и с отделением морфемного состава. В некоторых случаях гласные непрерывных слогов намеренно оставлены без определенной вокализации (по причине невозможности настаивать на определении качества гласного): они обозначены знаком «ə».

Строка 1

«Ösöl» [Özöl]. В комментарии в немецком тексте в бумагах Г. Ф. Миллера дана трактовка «Esel» [Миллер 2009: 343 (рис. 16)]. Озвончение -s- > -z- между гласными, которое регулярно присутствует в тюркских языках Южной Сибири, включая хакасский [СИГТЯ 1984: 225], в эуштинско-чатском говоре томского диалекта сибирско-татарского языка отмечено непоследовательно [Тумашева 1977: 237]. В языках, легших в основу хакасских диалектов, например, это явление уже засвидетельствовано Г. Ф. Миллером [Боргояков 1973: 114, 117; 1981: 42, 43].

«em me» (ср. слитное написание в книге И. Г. Гmeliна) [+эм мә]. Элемент «em» может быть аффиксом принадлежности 1-му л. ед. ч. +(X)m к слову *Özöl*. Слог «me», представленный в бумагах Г. Ф. Миллера как междометие, может быть постпозитивной усилительно-выделительной частицей (см., например, [РСл IV: 1985, 2066; СИГТЯ 1986: 219]).

«chari Kusime le» [χarä küzim älä]. Первое слово является формой *qara*, букв. «черный», имеющей в тюркских языках самый широкий спектр контекстуальных буквальных и переносных значений (см., например, [EDPT: 643—644; РСл II: 132—142]). Здесь может быть как «черный, темный» непосредственно, применительно к обозначению цвета глаз, так и (по контексту имеющегося перевода) одно из переносных значений круга «дурной, злой, гадкий, низкий, несчастный» [РСл II: 138]. Второе слово — видимо, *küz* «глаз(а)» с аффиксом принадлежности 1-му л. ед. ч. *+(X)m; далее — либо форма аффикса дательного падежа *+A и затем *le* — междометие (ср. чаг. *la* «жал! горе!» [РСл III: 725—726]), что сложно принять синтаксически, либо здесь элемент, сопоставимый с тат. казан. *älä* «разве? неужели?» [РСл I: 809], тогда следующая строка выступает как продолжение и по смыслу.

Строка 2

«bila en» [*bilän]. Соединительный союз *bilän*, ср. чаг. *bilän* ‘с, вместе с’ [РСл IV: 1763], тат. казан. *bilän* ‘с, посредством’ [там же: 1793—1794]; о восстановлении существования этого послелога в хакасских диалектах см. [Дыбо, Мальцева 2021: 1362, 1363]. Реконструкция двусложного слова в тексте песни поддерживается тем, что последующие строки до вокатива *da* (см. ниже) содержат по семь слогов, подчиненных в акцентуации ямбу.

«chaschem ne» [χaʃəmne]. Переведено как ‘бровь’; см. такое значение, например, [РСл II: 387—388]. Здесь — форма с аффиксом принадлежности 1-му л. ед. ч. *+(X)m, далее — аффикс винительного падежа *+nI.

«da». Усилительная частица [СИГТЯ 1986: 220—221].

«ösochege» [öžöχägä]. Это личное имя можно сопоставить с монгольским словом: письм.-монг. *ösügei* [<*ösgei], халх. *өсгий*, калм. *өскә*, бур. *hүсы* (опечатка, д. б. *hүеы*. — В. Т.), бур. диал. *yhээ* ‘(анат.) пятка; каблук’, бур. ‘мякоть копыта’ [ЭСМЯ 2: 229]; ТИМ *ösöge*, ХИ *ösögö*, МА *ösekei*, письм.-монг. *ösögei*, *ösgei*, халх. *ösgī*, бур. *hüyī* [<*sögei < *ösgei], калм. *öskē* ‘heel (of foot, shoe)’ (< *öske < *očkā < тюрк. *ökčā* id. (?); см. [Clark 1980: 58], где подчеркивается, что предлагаемая этимология является гипотезой). Прямая интерпретация сочетания графем «ch» как щелевого согласного не может быть обоснована материалами тюркских языков. Можно предположить, что в монгольском языке-источнике был щелевой оттенок исходно смычного интервокального *-g-, как это отмечается в бурятском языке [Рассадин 1982: 106, 152].

«alderden» [aldirdin]. Глагол *al-* ‘брать, взять’, ‘получить’ (в самых широких значениях; см., например, [EDPT: 124—125; РСл I: 341—349]), с аффиксом побудительного залога *-dlr-* (см. [РСл I: 419—420; ХРС 1953: 7, 23]) в форме абсолютного прошедшего времени 2-го л. ед. ч. *-dlī*, т. е. назальный *-ŋ* графически не отражен.

Строка 3

«Kusschün» [qusχun]. Написание «Kusschün» в бумагах Г. Ф. Миллера, предполагающее разбивку на слоги как *Kuss-chün* [qus-χun], предстает более точным, чем «Kuschun» в книге И. Г. Гмелина, означавшее бы *Kus-schün* [quz-šun]. Для значения ‘ворон’, как дано в переводе, ср. кач., тат. чат., тат. *Kusgün* (Гмелин), бухар. *Kuzgun*, тел., тат. том., тат. тобол. *Kuskun* ‘ворон’ (Фишер) [Миллер 2009: 75, 95 (коммент. 120)], тел., алт., леб., шор., кюэр., саг., койб., кач., уйг. *кускун* ‘ворон’, чаг., сарт. *кузбун* id. [РСл II: 1016, 1021—1022], сойот. *хусхун* id. [РСл II: 1736], тат. казан. *көзбөн* id. [РСл II: 684], хак. *хусхун* ‘ворон’ [ХРС 1953: 294].

«utschér» [učär]. Форма настояще-будущего неопределенного времени от *uč-* ‘лететь’ [EDPT: 19; РСл I: 1720], при тат. *оч-*.

«usácha» [uzaχa]. По контексту слово **uzaq* со значением ‘даль’; ср. алт., тел., леб., шор., кирг. (= казах.), коман. *узак* 1) ‘долгий, поздний’, 2) ‘далекий, дальний’ [РСл I: 1757]; хак. *узах* 1) ‘долгий, продолжительный’, 2) ‘далекий’ [ХРС 1953: 247]. Здесь, видимо, **uzaq*+*[q]a* с аффиксом дательного падежа +*gA*, начальный согласный которого ассимилируется после предшествующего глухого согласного (см. ниже «tuschaka»), который здесь уже был щелевым (*-q > -χ*).

«torna» [torna]. Переведено как *torna* ‘журавль’; ср. уйг., алт., тел., туб., леб., шор., саг., койб., коман. *турна* ‘журавль’ [РСл III: 1459], при хакас. *турна*, тат. *торна* id.

«tüscher» [tüšär]. Форма настояще-будущего неопределенного времени от *tüš-* ‘падать, спускаться; сходить, слезать’ [РСл III: 1587, 1588]; ср. кайд. *тушкен* ‘пал’ [Боргояков 1973: 131], хак. *түс-* [түзерге] 1) ‘спускаться, опускаться’, 2) ‘падать, упасть’ [ХРС 1953: 243], тат. казан. *төш* ‘упасть, сойти вниз, спуститься’ [РСл III: 1295]. В связи со значением следующего слова (см. ниже), укажем, что «наряду с семантикой движения вниз у данного глагола в некоторой степени можно наблюдать семантику движения внутрь» [Тюнтешева, Шагдурова 2021: 72].

«tuschaka» [tušaqa]. Сэр Дж. Клосон дает для *tušaqa* значение «‘путы’ для лошади», при карах.-уйг. ‘путы на ноге лошади’, кыпч. ‘путы’ [EDPT: 563]; см. также: чаг., коман. *тушак*, чаг. *тушаб* ‘путы для передних ног лошадей’ [РСл III: 1510]; саг., койб., уйг., чаг., вост.-тюрк., кирг. (= казах.), тел., алт., саг., шор. *тузак*; уйг., алт., тел., леб., шор., кач., кюэр. *тужак* ‘петля, силок, ловушка, засада’ [там же: 1504, 1512]; хак. *тузах* ‘1) путы, оковы’, ‘2) силок, петля для ловли птиц, мелких животных’ [ХРС 1953: 238]. В примечании к выражению «в плионке» издателями материалов Г. Ф. Миллера сказано: «Судя по всему, речь идет о “пленке” (силке, используемом для ловли птиц и мелких зверей)» [Миллер 2009: 342, 346 (примеч. 11)]. Видимо, здесь представлена форма **tušaqa*+*[q]a* — с аффиксом дательного падежа +*gA*: конечный согласный основы при добавлении аффикса не озвончается (ср. выше «usácha»).

Строка 4

«Orús borátdschjaá seda» (Г. Ф. Миллер), «Orus borat dschja-a seda» (И. Г. Гмелин) [orus borat žāzā da]. Слово «Orús» «русский» (здесь, видимо, не **oruz*, а именно **orus*, поскольку финальный одиночный «s» в немецком языке читается как [s]; в тюркских языках озвончение конечного -s > -z неизвестно) соответствует формам с начальным /o/, распространенным в большинстве тюркских языков Южной Сибири (< рус. *Русь*; см. [Аникин 2000: 513—514 (приведена литература)]). Написание «borat», переводимое как «братскими» в варианте из бумаг Г. Ф. Миллера и «Buräten» или «Bratzki» в книге И. Г. Гмелина, представляет собой адаптацию названия **bur'ād* (< **burijad*), либо соответствуя хак. *пыраат*, тув., тоф. *быраат* «бурят» < бур. зап. **bur'ād* ~ **bvr'ād* (редукция гласного первого слога), либо отражая собственно русскоязычное **братъ*, как в ясачных документах начиная с XVII в. именуются буряты («браты», «брат(ц)кие люди»), что является адаптацией той же тюркской формы (см. [там же: 136—137, 146 (приведена литература)]) — последнее более вероятно, поскольку долгота, судя по ритму стиха, здесь не предполагается. Выражение *orus borat žāzā* можно перевести как «русско-бурятская война». Написание «dschjaá se» отражает форму слова, сопоставимого с др.-тюрк. (и др.) *jaγī* «враг; враждебный» [EDPT: 898], с дальнейшими преобразованиями после выпадения -γ-, как в кач. *джа* [žā] «война» (словарь из коллекции Ф. П. Аделунга, по кн. [Боргояков 1973: 130]), диалект «по Томи и Мрассу» (Миллер) *чаа*, *шаг* id. [Боргояков 1981: 85], шор., саг. *чā* «война» [РСл III: 1823], кирг. (= казах.), тат. казан. *цау* «война, баранта, враг, войско» [РСл IV: 7], с аффиксом принадлежности 3-му л. ед. ч. +(s)I. Долгота гласного учтена при построении ритма стиха. Графема «j» после согласного, вероятно, обозначает его мягкость [Боргояков 1973: 112], ср. ниже «dschjanamna». На момент составления записей Г. Ф. Миллера выпадение -γ- в интервокальной позиции и стяжение гласных бытовали в языке «красноярских татар», т. е. качинцев, тогда как менее прогрессивно это явление отмечено, например, в языке «чулымских татар» [Боргояков 1981: 46—47].

«oigá» [ojya]. Следует сопоставить с др.-тюрк. *oj* «дыра; полость», карах.-уйг. «полость (или глубокая долина) в земле», кыпч. «долина» [EDPT: 265—266], ккирг. (= кырг.), саг., койб., кач., чаг., вост.-тюрк. *oi* «яма, низменность, долина, углубление» [РСл I: 969], тат. казан. *уі* «низменность, долина, овраг» [РСл I: 1594]. В данном случае — форма с аффиксом дательного падежа +gA (ср. выше «usácha», «tuschaka»).

«kire tschetschéder» [kirā čāčādər]. Для слова «kire» здесь ср. *kīp*- тат. тюм., кирг. (= казах.), тар. «бить» [РСл II: 1352], *kīp*- алт., тел., леб., шор., саг., койб., кач., кюэр., кирг. (= каз.), ккирг. (= кырг.), коман., др.-тюрк., уйг., чаг. «войти, проникать» [РСл II: 1350], с аффиксом деепричастия относительного времени сопровождения -A. В хакасском языке деепричастие *кире* используется как послелог со значением «до, в», управляя дательным падежом [ХРС 1953: 76; ГХЯ 1975: 258—259], что соотносится с формой слова *oj+ga* (см. выше). Для значения глагола *čāč-ādər* ср. др.-тюрк., чаг., вост.-тюрк. *санч*- 1) «колоть, пронзить», др.-тюрк. 2) «сражаться копьем» [РСл IV: 309], осм. *санч*- 1) «колоть, проколоть», 2) «водрузить на землю (знамя)» [там же: 310], кюэр. тат. казан. *чāñč*- 1) «уколоть», 2) «разбить» [РСл III: 1962], кюэр., тат. казан. *чāñч*- «уколоть» [там же: 1965], *чāч*- «колоть» [там же: 1986], кирг. (= казах.) *шанш*- «втыкать, колоть, пронзить» [РСл IV: 949], др.-тюрк. *санч*- «пронзать (копьем), прокалывать», среди поздних форм — чаг. *санž*- «*nīs zadan* «жалить», также «вонзать (дротик, копье и т. п.) во что-л.», осм. *санч*- «пронзать; вонзать (жало и т. п.)» [EDPT: 835]. Развитие фонетического облика таково: *санч*- > **čāñч*- (дистантная ассимиляция) > **čāñч*- (опереднение) > **čāč*-. К основе присоединен аффикс настоящего обычного времени 3-го л. ед. ч. *-Adlr (< *-A tur), характерный для хакасского, шорского, алтайского, тувинского и тофаларского языков.

Строка 5

«Oinesch bolgan» [ojnaš bolγan]. Для первого слова ср. таранч., кюэр., кач., леб., шор. *оінаш* [РСл I: 977—978], кирг. (= казах.), саг., койб. *оінас* 1) «блудничество», 2) «любовник, содержанка» [там же: 977], хакас. *ойнас* «игра» [ХРС 1953: 124]. Следующее слово *bolγan* — форма глагола прошедшего неопределенного времени 3-го л. ед. ч.

«dschjanamna» [žanəmnə]. Слово *жан*; ср. уйг., чаг., кирг. (= каз.), ккирг. (= кырг.), тат. казан., коман. *ман* (< перс.) 1) «душа, жизнь» [РСл IV: 20—21]; с аффиксами принадлежности 1-му л. ед. ч. и винительного падежа *+(X)m+nI. Для хакас. *чан* зафиксировано основное значение «душа», причем отмечены случаи употребления в контексте обращения: *чаным* «душа моя» (см. [Тюнтешева и др. 2020: 97]).

«ibg[a]» [ibgā]. Для слова *ib* (с узким инициальным гласным!) ср. кюэр., уйг. *ān* «дом» [РСл I: 918 (ссылки на другие формы)]; крсн. (= кач.) *ин* [ip] «дом» (Г. Ф. Миллер, по кн. [Боргояков 1973: 115]); кач. *ин*, кыз. *эн*, кайд. *ибе*, саг. *уби*, бельтир. *эб* «дом» (словарь из коллекции Ф. П. Аделунга, по кн. [Боргояков 1973: 126]); хак. *иб* «юрта» [ХРС 1953: 54, 383]. Аффикс дательного падежа +gA после звонкого согласного имеет звонкий согласный (ср. выше «oigá»).

«aleb» [aləb]. Глагол *al-* ‘брать, взять’, ‘получить’ в самых широких значениях (см. [EDPT: 124—125; РСл I: 341—349]) в форме деепричастия относительного времени предшествования *-(X)p*. В хакасском языке оно может обозначать предшествующее, сопровождающее и причинное действие [ГХЯ 1975: 229—230], что затрудняет контекстуальную трактовку.

«nán Sandak» [nanzindaq]. По толкованию в подстрочнике здесь глагольная основа *нан-* (< *jan-*) шор., саг., койб., кач. ‘возвратиться’ [РСл III: 645]. В хакасской среде начальный *n-* (< *j-*) отмечен Д. Г. Месершмидтом: кач. *наңмыр* ‘дождь’ [Боргояков 1973: 110]; далее — Г. Ф. Миллером: крсн. (= кач.), кангат. *наңмыр* ‘дождь’, *наг* ‘щека’ [Боргояков 1973: 113, 114; 1981: 42—43, 46, 58]; еще примеры см. [Боргояков 1973: 126, 128, 129]. Следующая часть слова может быть интерпретирована с натяжками. Синтаксически здесь скорее аффикс повелительного наклонения 3-го л. ед. ч. **-zXn* (< *-zUn*). Последняя часть объясняется как *-dAk*, что в грамматиках хакасского языка фиксируется как побудительная частица, смягчающая интонацию при употреблении [Дыренкова 1948: 78; ГХЯ 1975: 191, 246, 250], современные исследователи характеризуют его как показатель пермиссива, отмеченный в хакасском языке в том числе добавляющимся к побудительным формам глаголов в 3-м л. ед. ч. [Дыбо и др. 2023: 46].

Общая реконструкция песни выглядит следующим образом:

1. Aj, Özöl, Özöl, Özöl-əm, mä, Özöl, ħarā küz-im, älä
2. Küz-im bilän ħaš-əm-ni, da, Özöħä-gä al-dır-dıñ?
3. Qusħın uç-är uzäħ-[q]a, da, tórna túš-är túšaq-[q]a
4. Orús borát žā-zə, da, oj-ya kir-ä čäč-ädir
5. Ojnaš bol-yan žan-əm-ni, da, ibg^a ä-l-əb nán-zin-daq

Перевод (буквальный):

Ай, Öзöl, Öзöl, Öзöl (мой), вот, Öзöl, черные глаза (мои), неужели
Глаза (мои) и [вместе с ними] брови (мои), да, Öзöхе позволил взять ты?
Ворон улетает вдаль, да, журавль опускается в силоч;
Русских (и) бурят война (их), да, в долину входя, пронзает [ее],
Любовницей ставшую/бывшую душу (мою), да, в дом взяв, пусть-ка возвратится (он(а)).

Перевод (смысловой, адаптированный):

Ай, Öзöl, Öзöl, Öзöl я, вот! Öзöl, черные глаза мои, неужели
Ты позволил, чтобы глаза мои и брови мои взял Öзöхе?
Ворон улетает вдаль, журавль опускается попадает в силоч;
Между русским и бурятами война; в долину проникая, [постоянно] пронзают [ее] [они];
Бывшую [для меня] любовницей душу мою в дом взяв, [с этим] пускай-ка возвратится он.

Некоторые замечания к фонетике

Суммарно можно указать следующие формальные фонетические характеристики языка песни.

Вокализм

/ä/ > */i/ в первом слоге: *ib* (в **ibg[ä]*) ‘дом’; это явление можно ожидать в хакасском языке (совр. орфогр. «и»). Наличие */i/ (< /ä/) отмечено Г. Ф. Миллером в языках красноярских и кангатских «татар» [Боргояков 1981: 41].

Подобное преобразование, характерное для татарского языка, подразумевает параллельный переход /i/ > /ä/, который, однако, не отражен в песне в основе *kir-* (в *kirä*) < *kir-* (g-) ‘проникать’ [EDPT: 735—736]: хак. *kıp-*, тат. *кер-* id.

/O/ > /U/ в первом слоге: *küz* ‘глаз(а)’ (др.-тюрк. *köz* id.).

/U/ > /O/ в первом слоге: *torna* ‘журавль’ (ср.-тюрк. *turna* id.) и, вероятно (но не обязательно), **borat*.

Сужение оглубленных гласных в первом слоге характерно для сагайского диалекта хакасского языка [ХРС: 363; ГХЯ 1975: 4]; оба перехода свойственны татарскому, в том числе (хотя и нерегулярно) языку чатских татар в его современном состоянии (эуштинско-чатский говор томского диалекта сибирско-татарского языка) [Тумашева 1968: 166; 1977: 237]. Другие слова собственно в песне не показывают наличие подобных переходов: *qusħın* ‘ворон’ (тат. *козгын* id.), *уш-* ‘лететь’ (тат. *оч-* id.), *tüš-* ‘падать’, ‘опускаться’ и т. д. (тат. *төш-* id.), *túšaq* ‘силоч’ (тат. *тозак* id.), *oj* ‘долина’ (тат. *уй* id.), *ojnaš* *‘игра’ (тат. *уйнаш* ‘разврат, блуд’), *bol-* ‘быть, становиться’ и т. д. (тат. *бул-* id.), а также, вероятно, *orus* ‘русский’ (тат. *урис* id.).

Записи лексики языка чатских татар XVIII в. в других источниках не дают сведений о подобных преобразованиях. Переход /O/ > /U/ здесь не отмечен: тат. чат. *Jolbàrs* (Миллер), тат. казан. *Julbars* (Паллас), тат. *юлбарыс* ‘тигр’ id. [Миллер 2009: 70, 71, 87, 89 (коммент. 5, 32)], ср. др.-тюрк. *jol* ‘дорога, путь’, метаф. ‘полоса’, *bars* ‘леопард; тигр’ [EDPT: 917, 368]; тат. чат. *Koiàn* (Миллер), *Kojòn* (Гмелин), тат. казан. *Koiàn* (Миллер), тат. казан., тат. том. *Kojan* (Фишер), тат. *куян* id. ‘заяц’ (<**qodan*) [Миллер 2009: 71, 89 (коммент. 34)]; тат. чат. *Koi* (Миллер), *Chói* (Гмелин), тат. том. *Koy* (Фишер), тат. *куй* ‘овца’ [там же: 71, 89 (коммент. 38)], ср. др.-тюрк. *qoñ* id. [EDPT: 631]; тат. чат. *Tongus* (Миллер), тат. том. *tonus*, тат. казан. *dongus* (Фишер) ‘свинья’, тат. *дуңгыз* ‘свинья’ [Миллер 2009: 71, 89 (коммент. 42)], ср. др.-тюрк. *toñuz* id. [EDPT: 527]. Примеры, отражавшие бы случаи возможного перехода /U/ > /O/, в доступном материале не обнаружены.

Консонантизм

Нерегулярное преобразование смычных согласных в щелевые:

**q* > *χ*- в начальной позиции отмечено только перед широким неогубленным гласным: **χara* ‘черный’, *χaš* ‘бровь’; ср. перед узким огубленным гласным: *qusχun* ‘ворон’. В исторических диалектах хакасского языка переход **q* > *χ*-, следуя записям Г. Ф. Миллера, осуществился не ранее XVIII в. [Боргояков 1981: 43—44]. В записях Д. Г. Мессершмидта слов качинцев и кызыльцев этого явления нет [Боргояков 1973: 110], а словарь XVIII в. из коллекции Ф. П. Аделунга, возможно, восходящий к Г. Ф. Миллеру [там же: 121], тоже не показывает развития **q* > *χ* -: например, кыз. *каш* ‘холм’ [там же: 130]³.

-*q* > -*χ* в конечной позиции как нерегулярное явление отражено в примере *uzaχa* ‘в даль’, объясняемое как **uzaχ* (< **uzaq*) + *gA*, но наряду с ним — *tušaq* ‘в силок’ < **tušaq* + *gA*⁴.

Оглушение и спонантизация звонких смычных согласных после глухих:

**γ* > **q* > *χ* отражено в *qusχun* ‘ворон’ (< **qusγun* < *quzγun*), для которого см. также кач., тат. чат. *Kusγun* в записях самого И. Г. Гмелина (ср. выше комментарий к строке 3). Преобразование *γ* > *q* после глухого согласного в языке чатских татар XVIII в. наблюдается в примере тат. чат. *Sizkan* (Миллер), но *Tsitschàn* (Гмелин) ‘мышь’, в связи с которым ср. тат. казан. *Tskan* (Миллер), тат. том. *c̣ȳc̣ȳkan* (Фишер), тат. *тычкан* id. [Миллер 2009: 71, 88 (коммент. 29)], др.-тюрк. *sičγan*, коман., кыпч. *sičqan*, хорезм. *sičqan*, *sičan* ‘крыса’ [EDPT: 796]. Впрочем, нельзя исключать, что в этом случае сочетанием графем <ch> передан собственно щелевой /χ/.

Сохранение звонких согласных после звонких согласных и между гласными (при аффиксации):

oj̣ya ‘в долину’ (< *oj* + *ga*), **iḅg[ä]* ‘в дом’ (< *ib* + *gä*), *Özöχägä* ‘Özöхе (дат. пад.)’ (< *Özöχä* [< монг. **özögei*] + *gä*).

Выпадение интервокального *-*g*- и образование долгого гласного:

žā ‘война’; явление уже зафиксировано Г. Ф. Миллером для исторических диалектов хакасского языка [Боргояков 1973: 42].

Назализация **j*- > *n*- перед назальным согласным:

nap- ‘возвращаться’; это явление характерно для качинского, сагайского и бельтирского (также для вымерших кангатского и кайдынского) диалектов хакасского языка и других родственных ему *z*-языков. Оно же отмечено Г. Ф. Миллером в языке «татар» по рр. Томь и Мрассу (близких по сагайскому и шорскому диалектам хакасского): *ныбыртха*, *ныбртха* ‘яйцо’, *нагбыр*, *нагмыр*, *чагмыр* ‘дождь’ [Боргояков 1981: 54, 55].

Дважды в начальной позиции засвидетельствована звонкая аффриката *ž*-. Позиционное употребление исключает ее вторичное происхождение, т. е. в результате ассимиляции, в частности в потоке речи, поскольку в обоих случаях наблюдается разное фонетическое окружение: одно из таких слов, являющееся заимствованием (*žan* ‘жизнь, душа’), расположено после сонанта -*n* (который допускал бы озвончение следующего глухого согласного), другое (*žā* ‘война’) — после глухого -*t*. Для языка чатских татар XVIII в. имеются записи слов, отражающих разную реализацию в этой позиции тюрк. **j*-, которому в некоторых языках соответствует либо среднеязычный щелевой *j*-, либо аффриката *ž*-, либо какие-то промежуточные звуки, перед гласными разного качества: тат. чат. *Silân* (Миллер), *Jelân* (Гмелин) ‘змея’, др.-тюрк. *jilan* id.; тат. чат. *Jolbàrs* (Миллер) ‘тигр’ (ср. выше) [Миллер 2009: 71, 89 (примеч. 31, 36)]; в этом ряду показательны арабизмы: тат. чат. *Dsauusà* ‘жук’ (?), ‘название третьего месяца солнечного

³ По замечанию одного из рецензентов данной статьи, в современном староиюсском говоре качинского диалекта **q*- в начальной позиции реализуется как аффриката, «т. е. придыхательный взрывной».

⁴ По замечанию одного из рецензентов данной статьи (ср. выше), в современном староиюсском говоре качинского диалекта отражение конечного **q*- так же варьирует.

года' (< ар. جُوزَاء 'близнецы (название третьего месяца солнечного года)') [там же: 73, 93 (примеч. 88)], тат. чат. *Dsjāddi* 'коза', 'название десятого месяца солнечного года' (< ар. جَذِي 'козленок; козерог (название десятого месяца солнечного года)') [там же: 73], *Dzūmmādiel-auuel* 'название третьего месяца лунного года' (< ар. جُمَادَى الْأُولَى 'название пятого месяца лунного года'), тат. чат. *Dzūmmādiel-aachir* 'название четвертого месяца лунного года' (< ар. جُمَادَى الْآخِرَة 'название шестого месяца лунного года') [там же: 72]. В любом случае здесь наблюдается преимущественно ослабление шипящей аффрикаты и, согласно данным Г. Ф. Миллера, ее преобразование в свистящую. Материалы исторических диалектов хакасского языка и сопредельных языков в записях Г. Ф. Миллера «дж-кающим» представляют красноярский (качинский) диалект [Боргояков 1973: 112 сл., 122; 1981: 43, 46—47, 49], т. е. в нем оглушение $\check{z} > \check{s}$ произошло позже, чем в сагайском и бельтирском.

Общие фонетические характеристики текста песни позволяют соотнести его язык с группой исторических наречий, легших в основу хакасского языка, что подтверждается и таким морфологическим признаком, как показатель настоящего обычного времени (present habitual tense) **-AdIr* (строка 4), среди прочего отражающего также состоявшееся озвончение интервокального **-t- > -d-* (< **-A tur*).

В тексте песни еще не отражены такие процессы: оглушение *b- > p-* (*bolyan*, **borat*), которое, следуя материалам Д. Г. Мессершмидта, имело место не ранее 1721—1722 гг. [Боргояков 1973: 110]; озвончение интервокального $\check{s} > *-\check{z}- > -z-$ (*tušaq*, *tüšar*); озвончение конечного $\check{s} > -s$ (*ojnaš*), которое не было отмечено даже в конце XVIII в. (например, кач., кыз., саг., бельт. *таш*, кайд. *тас* 'камень', и т. п.) [там же: 126].

Интерпретация и время сложения сюжета

Текст, вероятно, излагается от лица молодого человека. Синтаксис последней строки особенно сложен для интерпретации⁵. Он обращается к себе во втором лице и винит себя в том, что допустил или не мог воспрепятствовать тому, что в ходе войны между русскими и бурятами, постоянно бушующей «в долине», где, надо думать, жила его возлюбленная, ее забрал некий **Özögä*, который, по формальной логике, был как раз бурят. Молодой человек называет свою возлюбленную *žanət* 'душа моя' и, судя по синтаксису последней строки, говорит о том, он готов встретиться с **Özögä*, забравшим его возлюбленную «в дом». Выражения *küzət* 'глаза мои' и *χašət* 'брови мои', видимо, следует толковать как фигуру речи. Процесс протекания войны между русскими и бурятами охарактеризован глаголом в форме на **-AdIr* — настоящего времени, обозначающего привычное, повторяющееся действие. С вороном, который «улетает вдаль», ассоциируется как раз некто, забравший возлюбленную и, по всей видимости, ушедший в свои земли, а с журавлем, попавшим в силос, — сама возлюбленная, захваченная в плен.

Даже если такая интерпретация не является бесспорной в деталях, само упоминание военного противостояния между русскими и бурятами позволяет отнести время сложения сюжета к периоду первых контактов российских царских служилых людей с бурятами начиная уже с 20-х гг. XVII в., когда в сферу влияния политических образований бурят входили «ближайшие окрестности Красноярска, бассейн р. Кан и вообще, очевидно, среднее течение Енисея», куда ими регулярно совершались набеги [Токарев 1940: 138 сл.].

С точки зрения историко-культурного контекста и по некоторым формальным фонетическим показателям песня могла возникнуть в среде «красноярских татар», т. е. носителей языка, легшего в основу качинского диалекта хакасского языка, или носителей какого-то близкого диалекта, тогда как нехарактерные признаки в фонетике и, может быть, лексике, формально отсылающие к языкам волжско-уральского региона, могут быть объяснены адаптацией песни вследствие ее вторичного распространения в устной среде в последующем, в том числе среди чатских татар, какой узнал о ней И. Г. Гмелин.

Сокращения названий языков и диалектов

алт. — алтайский язык

ар. — арабский язык

бараб. — диалект барабинских татар

бельт. — бельтирский диалект хакасского языка

бур. — бурятский язык

бур. диал. — бурятский язык, диалектное

⁵ Автор обязан анонимным рецензентам статьи, указавшим ему на наиболее приемлемые варианты интерпретации.

бур. зап. — бурятский язык, западные диалекты
бухар. — бухарский
вост.-турк. — языки и наречия Восточного Туркестана (по В. В. Радлову)
др.-тюрк. — древнетюркский язык
кайд. — кайдынский диалект (по Г. Ф. Миллеру)
калм. — калмыцкий язык
кангат. — кангатский диалект (по Г. Ф. Миллеру)
карах.-уйг. — караханидско-уйгурский язык
кач. — качинский диалект хакасского языка
кирг. (= казах.) — «киргизский» (по В. В. Радлову) = казахский язык
ккирг. (= кырг.) — «каракиргизский» (по В. В. Радлову) = кыргызский язык
койб. — койбалский диалект
коман. — команский язык
крсн. (= кач.) — язык красноярских татар (= качинский, по Г. Ф. Миллеру)
кыз. — кызыльский диалект хакасского языка
кыпч. — кыпчакский язык
кюэр. — кюэрикский диалект чулымско-тюркского языка (по В. В. Радлову)
леб. — лебединский диалект алтайского языка
осм. — староосманский язык
МА — монгольский язык «Мукаддимат ал-'адаб», арабографичного словаря XIII в. аз-Замахшари
монг. — монгольские языки (в целом)
перс. — персидский язык
письм.-монг. — письменно-монгольский язык
тат. — татарский
тат. казан. — язык казанских татар
саг. — сагайский диалект хакасского языка
сарт. — сартовский язык (по В. П. Наливкину)
ср.-тюрк. — среднетюркский язык
тел. — телеутский диалект алтайского языка
тобол. — диалект тобольских татар
хак. — хакасский литературный язык
тар. — диалект тарских татар
таранч. — таранчинский диалект новоуйгурского языка
тат. — татарский литературный язык
тат. казан. — язык казанских татар
тат. тобол. — язык тобольских татар
тат. том. — язык томских татар
тат. тюм. — диалект тюменских татар (по В. В. Радлову)
тат. чат. — язык чатских татар (по записям Г. Ф. Миллера, И. Г. Гмелина и др.)
ТИМ — письменный язык «Тайной истории монголов»
тоф. — тофаларский язык
туб. — язык туба («черневых татар», по В. В. Радлову)
тув. — тувинский язык
тюрк. — тюркские языки (в целом)
уйг. — уйгурский язык (по В. В. Радлову, фактически — караханидско-уйгурский)
халх. — халха-монгольский язык
ХИ — монгольский язык китайского словаря XIV в. «Хуа-и и-юй» 華夷譯語
хив. — хивинский язык (по В. В. Радлову)
хорезм. — хорезмийско-тюркский язык
чаг. — чагатайский язык
шор. — шорский язык

Л и т е р а т у р а

Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

- Аникин 2003 — *А. Е. Аникин*. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 2003.
- Боргояков 1973 — *М. И. Боргояков*. Словарные материалы по хакасским диалектам XVIII века // *Д. Ф. Патачакова* (отв. ред.). Диалекты хакасского языка: очерки и материалы. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1973. С. 109—135.
- Боргояков 1981 — *М. И. Боргояков*. Источники и история изучения хакасского языка. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1981.
- ГХЯ 1975 — *Н. А. Баскаков* (ред.). Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975.
- Дыбо, Мальцева 2021 — *А. В. Дыбо, В. С. Мальцева*. Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // *Oriental Studies*. 2021, 14 (6). С. 1353—1367.
- Дыбо и др. 2023 — *А. В. Дыбо, В. С. Мальцева, Э. В. Султрекова, А. В. Шеймович, Ф. С. Крылов*. Структура хакасской словоформы и ограничения на сочетаемость аффиксов в автоматическом парсере хакасского языка // *Урал-алтайские исследования*. 2023, 49 (2). С. 42—75.
- Дыренкова 1948 — *Н. П. Дыренкова*. Грамматика хакасского языка: фонетика и морфология. Абакан: Хакобл-нациздат, 1948.
- Исхакова 1973 — *С. М. Исхакова*. Древнетюркские элементы в народноразговорном языке западносибирских татар // *Советская тюркология*. 1973, 6. С. 36—39.
- Миллер 2009 — *Г. Ф. Миллер*. Описание сибирских народов / Изд. подгот. *А. Х. Элерт, В. Хинтише*; пер. с нем. *А. Х. Элерт*. М.: Памятники исторической мысли, 2009.
- Потапов 1957 — *Л. П. Потапов*. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1957.
- Рассадин 1982 — *В. И. Рассадин*. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982.
- РСл I—IV — *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. I. Гласные. Ч. 1—2. СПб.: Типогр. Имп. акад. наук, 1893; Т. II. Ч. 1—2. СПб.: Типогр. Имп. акад. наук, 1899; Т. III. Ч. 1—2. СПб.: Типогр. Имп. акад. наук, 1905; Т. IV. Ч. 1—2. СПб.: Типогр. Имп. акад. наук, 1911.
- СИГТЯ 1984 — *Э. Р. Тенишев* (отв. ред.). Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. М.: Наука, 1984.
- СИГТЯ 1986 — *Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева*. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Токарев 1940 — *С. А. Токарев*. Буряты и их «кыштымы» в XVII в. // *Записки Государственного института языка, литературы и истории (ГИЯЛИ)*. Улан-Удэ, 1940. Вып. 2. С. 136—155.
- Томилов 1992 — *Н. А. Томилов*. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992.
- Тумашева 1968 — *Д. Г. Тумашева*. Язык сибирских татар. Ч. 2. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968.
- Тумашева 1977 — *Д. Г. Тумашева*. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977.
- Тюнтешева и др. 2020 — *Е. В. Тюнтешева, О. Ю. Шагдурова, А. А. Озонова, А. В. Байыр-оол*. Лексика, репрезентирующая понятие «душа» в тюркских языках Южной Сибири // *Язык и культура*. 2020, 52. С. 85—109.
- Тюнтешева, Шагдурова 2021 — *Е. В. Тюнтешева, О. Ю. Шагдурова*. Развитие семантики глаголов векторной характеристики движения в тюркских языках Сибири (в сравнении с другими тюркскими языками) // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2021, 1 (34). С. 66—77.
- ХРС 1953 — *Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул* (сост.). Хакасско-русский словарь: ок. 14 000 слов (с приложением очерка «Хакасский язык»). М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1953.
- ЭСМЯ 2 — *Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина*. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. II. G—P. М.: ИВ РАН, 2016.
- Clark 1980 — *L. V. Clark*. Turkic Loanwords in Mongol, I: The Treatment of Non-Initial S, Z, Š, Č // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. XXIV. No. 1—2. P. 36—59.
- Doerfer 1991 — *G. Doerfer*. Burjatishes bei den Brüdern Grimm // *Ural-Altaische Jahrbücher (Neue Folge)*. 1991. Bd. 10. S. 136—142.
- EDPT — *G. Clauson*. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Gmelin 1752 — *J. G. Gmelin*. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743. Th. 3. Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752.
- Kara 1966 — *Gy. Kara*. Une chanson «Bouriate» du XVIIIe siècle // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1966. T. XIX. Fasc. II. P. 201—210.
- Maticsák 2019 — *S. Maticsák*. Gerhard Friedrich Müller, az elfelejtett nyelvész // *Folia Uralica Debreceniensia*. 2019. 26. sz. 209—224. o.

References

- Anikin 2000 — A. E. Anikin. *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov*. Moskva; Novosibirsk: Nauka, 2000. {A. E. Anikin. *An Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia. Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asian languages*. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000.}
- Anikin 2003 — A. E. Anikin. *Etimologicheskii slovar' russkikh zaimstvovaniy v iazykakh Sibiri*. Novosibirsk: Nauka, 2003. {A. E. Anikin. *An Etymological Dictionary of Russian Borrowings in the Languages of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, 2003.}
- Borgoiakov 1973 — M. I. Borgoiakov. *Slovarnye materialy po khakasskim dialektam XVIII veka*. In: D. F. Patachakova (otv. red.). *Dialekty khakasskogo iazyka: ocherki i materialy*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973. S. 109—135. {M. I. Borgoiakov. *Dictionary Materials on Khakas Dialects of the 18th century*. In: D. F. Patachakova (ed.). *Dialects of the Khakas Language: Essays and Materials*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1973. P. 109—135.}
- Borgoiakov 1981 — M. I. Borgoiakov. *Istochniki i istoriia izucheniia khakasskogo iazyka*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. {M. I. Borgoiakov. *Sources and History of the Study of the Khakas Language*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981.}
- Clark 1980 — L. V. Clark. *Turkic Loanwords in Mongol, I: The Treatment of Non-Initial S, Z, Š, Č*. In: *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. XXIV. No. 1—2. P. 36—59.
- Doerfer 1991 — G. Doerfer. *Burjatisches bei den Brüdern Grimm*. In: *Ural-Altaische Jahrbücher (Neue Folge)*. 1991. Bd. 10. S. 136—142.
- Dybo, Maltseva 2021 — A. V. Dybo, V. S. Maltseva. *Khakasskie dialekty: konets 19 v. i nachalo 21 v.* In: *Oriental Studies*. 2021, 14 (6). S. 1353—1367. {A. V. Dybo, V. S. Maltseva. *Khakas Dialects, Late 19th and Early 21st Centuries*. In: *Oriental Studies*. 2021, 14 (6). P. 1353—1367.}
- Dybo et al. 2023 — A. V. Dybo, V. S. Mal'tseva, E. V. Sultrekova, A. V. Sheimovich, F. S. Krylov. *Struktura khakasskoi slovoformy i ogranicheniia na sochetaemost' affiksov v avtomaticheskom parsere khakasskogo iazyka*. In: *Uralo-altaiskie issledovaniia*. 2023, 49 (2). S. 42—75. {A. V. Dybo, V. S. Mal'tseva, E. V. Sultrekova, A. V. Sheimovich, F. S. Krylov. *The Structure of the Khakas Word Form and Restrictions on the Compatibility of Affixes in the Automatic Parser for the Khakas Language*. In: *Ural-Altaic Studies*. 2023, 49 (2). P. 42—75.}
- Dyrenkova 1948 — N. P. Dyrenkova. *Grammatika khakasskogo iazyka: fonetika i morfologiya*. Abakan: Khakoblizdat, 1948. {N. P. Dyrenkova. *A Grammar of the Khakas Language: Phonetics and Morphology*. Abakan: Khakoblizdat, 1948.}
- EDPT — G. Clauson. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- ESMla 2 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. *Etimologicheskii slovar' mongol'skikh iazykov: V 3 t. T. II. G—P*. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN, 2016. {G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. *An Etymological Dictionary of Mongolic Languages: in 3 vol. Vol. 2. G—P*. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2016.}
- GKhla 1975 — N. A. Baskakov (otv. red.). *Grammatika khakasskogo iazyka*. Moskva: Nauka, 1975. {N. A. Baskakov (ed.). *A Grammar of the Khakas Language*. Moscow: Nauka, 1975.}
- Gmelin 1753 — J. G. Gmelin. *Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1733. bis 1743. Th. 3*. Göttingen: verlegts Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752.
- Iskhakova 1973 — S. M. Iskhakova. *Drevnetiurkskiiye elementy v narodnorazgovornom iazyke zapadnosibirskikh tatar*. In: *Sovetskaya tiurkologiya*. 1973, 6. S. 36—39. {S. M. Iskhakova. *Ancient Turkic elements in the vernacular language of the West Siberian Tatars*. In: *Soviet Turkology*. 1973, 6. P. 36—39.}
- Kara 1966 — Gy. Kara. *Une chanson "Bouriate" du XVIIIe siècle*. In: *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1966. T. XIX. Fasc. II. P. 201—210.
- KhRS 1953 — N. A. Baskakov, A. I. Inkizhekova-Grekul (sost.). *Khakassko-russkii slovar': ok. 14 000 slov (s prilozheniem ocherka "Khakasskii iazyk")*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953. {N. A. Baskakov, A. I. Inkizhekova-Grekul (comp.). *A Khakas-Russian Dictionary: ca. 14,000 words (with the Essay "A Khakas Language" as an Appendix)*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1953.}
- Maticsák 2019 — S. Maticsák. *Gerhard Friedrich Müller, az elfelejtett nyelvész*. In: *Folia Uralica Debreceniensia*. 2019. 26. sz. 209—224. o.
- Miller 2009 — G. F. Miller. *Opisanie sibirskikh narodov / Izd. podg. A. Kh. Elert, V. Khintsshe; per. s nem. A. Kh. Elert*. Moskva: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009. {G. F. Müller. *A Description of the Siberian Peoples*. Transl. by A. Elert. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2009.}
- Potapov 1957 — L. P. Potapov. *Proiskhozhdenie i formirovanie khakasskoi narodnosti*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. {L. P. Potapov. *Origin and Formation of the Khakas People*. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957.}
- Rassadin 1982 — V. I. Rassadin. *Ocherki po istoricheskoi fonetike buriatskogo iazyka*. Moskva: Nauka, 1982. {V. I. Rassadin. *Essays on the Historical Phonetics of the Buryat Language*. Moscow: Nauka, 1982.}
- RSI I—IV — V. V. Radlov. *Opyt slovaria tiurkskikh narechii*. T. I. Glasnye. Ch. 1—2. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1893; T. II. Ch. 1—2. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1899; T. III.

Ch. 1—2. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1905; T. IV. Ch. 1—2. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1911. {W. Radloff. An Experience of a Dictionary of Turkic Dialects. Vol. I. Vowels. Pt. 1—2. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1893; Vol. II. Pt. 1—2. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1899; Vol. III. Pt. 1—2. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1905; Vol. IV. Pt. 1—2. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk, 1911.}

SIGTla 1984 — E. R. Tenishev (otv. red.). Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Fonetika. Moskva: Nauka, 1984. {E. R. Tenishev (ed.). A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Phonetics. Moscow: Nauka, 1984.}

SIGTla 1986 — B. A. Serebrennikov, N. Z. Gadzhieva. Sravnitel'no-istoricheskaiia grammatika tiurkskikh iazykov. Sintaksis. Moskva: Nauka, 1986. {B. A. Serebrennikov, N. Z. Gadzhieva. A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Syntax. Moscow: Nauka, 1986.}

Tokarev 1940 — S. A. Tokarev. Buriaty i ikh "kyshtymy" v XVII v. In: Zapiski Gosudarstvennogo instituta iazyka, literatury i istorii (GIIALI). Ulan-Ude, 1940. Vyp. 2. S. 136—155. {S. A. Tokarev. Buryats and their "Kyshtyms" in the 17th century. In: Notes of the State Institute of Language, Literature and History (GIYALI). Ulan-Ude, 1940. Issue 2. P. 136—155.}

Tomilov 1992 — N. A. Tomilov. Etnicheskaiia istoriia tiurkoiazыchnogo naseleniia Zapadno-Sibirskoi ravniny v kontse 16 — nachale 20 v. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1992. {N. A. Tomilov. Ethnic history of the Turkic-speaking Population of the West Siberian Plain in the late 16th — early 20th centuries. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta, 1992.}

Tumasheva 1968 — D. G. Tumasheva. Iazyk sibirskikh tatar. Ch. 2. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1968. {D. G. Tumasheva. A Language of the Siberian Tatars. Vol. 2. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1968.}

Tumasheva 1977 — D. G. Tumasheva. Dialekty sibirskikh tatar. Opyt sravnitel'nogo issledovaniia. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1977. {D. G. Tumasheva. Dialects of Siberian Tatars. An Experience of Comparative Study. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1977.}

Tyuntseva et al. 2020 — E. V. Tyuntseva, O. Yu. Shagdurova, A. A. Ozonova, A. V. Bayyr-ool. Leksika, reprezentiruiushchaia poniatie "dusha" v tiurkskikh iazykakh Iuzhnoi Sibiri. In: Iazyk i kul'tura. 2020, 52. S. 85—109. {E. V. Tyuntseva, O. Yu. Shagdurova, A. A. Ozonova, A. V. Bayyr-ool. Words Representing the Concept of 'Soul' in Southern Siberian Turkic Languages. In: Language and Culture. 2020, 52. P. 85—109.}

Tyuntseva, Shagdurova 2021 — E. V. Tyuntseva, O. Yu. Shagdurova. Razvitie semantiki glagolov vektornoi kharakteristiki dvizheniia v tiurkskikh iazykakh Sibiri (v sravnenii s drugimi tiurkskimi iazykami). In: Severo-Vostochnyi humanitarnyi vestnik. 2021, 1 (34). S. 66—77. {E. V. Tyuntseva, O. Yu. Shagdurova. The Development of the Vector Movement Verbs Semantics in the Turkic Languages of Siberia (in Comparison with other Turkic languages). North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2021, 1 (34). P. 66—77.}

Информация для авторов / Author guidelines

Журнал публикует оригинальные исследования, посвященные уральским, тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским языкам и культурам. Статьи могут быть написаны на русском, английском или немецком языках.

Мы просим присылать статьи для публикации на электронный адрес журнала jurnaluralaltai@mail.ru.

Актуальные правила оформления статьи и библиографии опубликованы на сайте <https://ural-altai.ru/>. Однако соблюдение этих правил при подаче статьи не обязательно; если статья будет принята к печати, мы попросим авторов привести текст в соответствие с ними.

Our journal accepts original papers on Uralic, Turkic, Mongolic and Tungusic languages and cultures. Papers can be written in Russian, English, or German and should be sent on the e-mail address jurnaluralaltai@mail.ru.

The actual requirements can be found on the journal's website <https://ural-altai.ru/>. On the submission, however, papers must not comply with these rules; authors of the accepted papers will be asked to bring the article into compliance with them before publication.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
30.06.2026

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Ural-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
30.06.2026

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >